This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK26
T56
1890
vyp.2

ЮДИ

АТІЯ.

цыпей или
азличнымъ
ся валуны
атые. Эти
у. Они ле-
ринесены
ъ, Камен-
енно не-
мѣстами

ЗЕМЛИ И ЛЮДИ РОССІИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Составилъ Д. Тимковскій.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Поволжье и Уралъ.

HOOVER LIBRARY

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1898.

ензурою. С.-Петербургъ, 28 апрѣля 1898 г.

Валдайская возвышенность.

(Изъ очерка Сергѣева.)

На сѣверо-западѣ Европейской Россіи, тамъ, откуда текутъ большія рѣки: Западная Двина, Днѣпръ и Волга, разбросаны Валдайскія горы, съ вершинами въ 1200 футовъ. Горы эти (собственно говоря, *холмы*), наполняющія части 5 губерній, состоятъ не изъ правильныхъ цѣпей или гребней, а изъ холмовъ, разбросанныхъ по различнымъ направленіямъ. На этихъ вершинахъ попадаются валуны различнаго цвѣта: сѣрые, красноватые, зеленоватые. Эти гранитные обломки имѣютъ округленную форму. Они лежали, впрочемъ, долгое время подъ водою и принесены сюда издалека. Многія вершины (такъ, напримѣръ, Каменное поле, Заозерскія горы, Куклышскія) совершенно непроходимы отъ разсѣянныхъ на нихъ валуновъ. Мѣстами на вершинахъ Валдайскихъ горъ взоръ путника встрѣчаетъ куполообразные курганы, насыпанные въ древнія времена и сохраняющіе въ нѣдрахъ своихъ, какъ говорятъ, денежные клады, оружіе, домашнюю металлическую утварь и тому подобное. Эти курганы зовутся въ валдайской горной странѣ „сопками“. Они встрѣчаются поодиночкѣ, иногда попарно, а мѣстами рядомъ сопокъ по 10 и даже по 15. О нѣкоторыхъ вершинахъ ходятъ преданія весьма интересныя. Приведемъ одно о горѣ *Судомъ*, лежащей недалеко отъ Шелони (въ Псковской губерніи, въ Порховскомъ уѣздѣ).

Давно, когда еще у славянъ не было ни судовъ ни судей, къ горѣ, поднимающейся близъ Шелони, спускалась съ неба цѣпь. Сюда приходили судиться всѣ окрестные жители, и гора по этому получила прозвище „Судо-

мы". Явившись на судъ, тяжущіеся должны были схватиться за цѣпь; но цѣпь давалась только правому; виноватый, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ поймать цѣпи.

Однажды, при большомъ стеченіи народа, явились на судъ два человѣка: юноша и старикъ. Послѣдній обвинялъ юношу въ томъ, что тотъ, взявъ у него заимообразно денегъ, не хочетъ отдать, говоря, что будто бы уже уплатилъ долгъ. Юноша, пришедшій на судъ съ палкою въ рукахъ, публично отперся отъ долга и прибавилъ, что въ доказательство справедливости словъ своихъ готовъ схватиться за цѣпь. Противникъ его, потуживъ о неправдѣ человѣческой, смѣло подошелъ къ цѣпи: цѣпь не колыхалась, и старикъ схватилъ ее при громкихъ восклицаніяхъ народа, прославившаго небо за дарованное ему правосудіе. Но юноша и тутъ не уступилъ противнику. Отдавши подержать старику свою палку, онъ стремительно бросился къ цѣпи. И,—о чудо!—цѣпь опять не колыхалась, и торжествующій юноша схватился за нее, бросая вокругъ насмѣшливые взгляды. Народъ изумился подобному рѣшенію. Какъ это могло случиться, что въ исковомъ дѣлѣ оба противника оказались правыми? Насмѣшки посыпались на бѣдную цѣпь, неумѣющую или разучившуюся судить право, — и цѣпь, оскорбленная этимъ, улетѣла на небо. Преданіе поясняетъ это происшествіе такъ: юноша, занимавшій у старика деньги и дѣйствительно не возвратившій долга, явился на судъ съ палкою, средина которой была выдолблена, а въ образовавшееся отверстіе отъ того вложена сумма денегъ, равная долгу. Приготовляясь взять цѣпь, юноша отдалъ палку подержать на время старику и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нею передалъ и свой долгъ.

Валдайская возвышенность состоитъ по большей части изъ песчано-глинистыхъ пространствъ. Она не можетъ быть названа богатою лѣсомъ, за исключеніемъ мѣстъ, лежащихъ между г. Крестцами и валдайской слободой Зимогорьемъ. Изобиліе рѣкъ и озеръ—вотъ отличительная черта этой страны. Здѣсь считается до 500 большихъ и малыхъ рѣкъ и не менѣе 500 озеръ. Этимъ-то изобиліемъ *воды* и можно объяснить то явленіе, что незначительная

Валдайская возвышенность напояетъ такія большія рѣки, какъ Волга, Западная Двина, Мста, Ловать, Шелонь, которыя дѣлаются судоходными (за исключеніемъ только Ловати), недалеко отъ своихъ истоковъ. Изобиліе болотъ и озеръ заставляетъ предполагать о существованіи здѣсь большого внутренняго озера, остатки котораго мы можемъ видѣть въ Селигерѣ и другихъ стоячихъ водахъ, лежащихъ съ ними по сосѣдству. Здѣшнія рѣки и озера богаты рыбой. Во многихъ лѣсныхъ рѣчкахъ водится форель и находится жемчугъ съ горошину величиной, но дурной воды.

Въ Валдайскомъ озерѣ ловятъ сельдей, похожихъ на морскихъ. Въ озерѣ Пиросѣ (Новгородской губерніи) ловятся лещи, вѣсомъ каждый отъ 25 до 30 фунтовъ, и раки необыкновенной величины.

Озеро Селигеръ, или, правильнѣе, сѣть озеръ, называемыхъ этимъ именемъ, вноситъ благосостояніе въ бытъ осташей (жителей города Осташкова) и жителей сосѣднихъ селъ, главный промыселъ которыхъ рыболовство, производимое въ огромныхъ размѣрахъ. Рѣки не лѣсныя текутъ среди крутыхъ красивыхъ береговъ, часто разноцвѣтныхъ отъ различныхъ земляныхъ слоевъ. Въ такихъ берегахъ течетъ, напримѣръ, рѣка Пола.

Начало Волги.

(Изъ книги Рагозина.)

Въ Тверской губерніи лежитъ большое, многоразвѣтвленное и съ многочисленными островами, озеро Селигеръ, почему-то принимаемое многими за истокъ Волги, между тѣмъ какъ всѣ, живущіе по Селигеру и въ его окрестностяхъ, знаютъ очень хорошо, что начало Волги не здѣсь, и что Селигеръ выпускаетъ изъ себя другую рѣку, названіе которой родственно съ именемъ самого озера—Селижаровку. Однако отсюда недалеко уже и до истока Волги. Проѣзжающій по Николаевской желѣзной дорогѣ,

при нѣкоторомъ досугѣ, можетъ воспользоваться случаемъ самому побывать у истока великой рѣки, остановясь на Вышневолоцкой станціи: здѣсь онъ находится всего въ 85 верстахъ отъ Селигера, отъ котораго рукой подать и до истока Волги.

Мѣстность отъ Вышняго Волочка къ Осташкову сначала представляется довольно ровною; чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще встрѣчаются на сырыхъ понизяхъ еловые, а на болѣе сухихъ и, сравнительно, возвышенныхъ мѣстахъ, сосновые лѣса, которые, правду сказать, не поражаютъ путника ни первобытнымъ видомъ, ни размѣрами деревьевъ: должно быть, не разъ уже они были вырублены на здѣшнихъ мѣстахъ, и теперешнему лѣсу едва ли можно дать болѣе 25—30 лѣтъ. Зато другое обстоятельство невольно обратитъ на себя вниманіе всякаго, особенно жителя средней Россіи и поставитъ въ крайнее недоумѣніе, если онъ незнакомъ, хотя по книгамъ, съ здѣшней мѣстностью. Мы говоримъ о такъ называемыхъ валунахъ и щебнѣ, покрывающихъ здѣсь землю на большое пространство. Сначала валуны попадаются изрѣдка, разбросанными то тамъ, то сямъ, по рытвинамъ, склонамъ холмовъ, по межамъ; но далѣе они встрѣчаются уже на самой дорогѣ, на воздѣланныхъ поляхъ и все въ большемъ и большемъ количествѣ. Вмѣстѣ съ вопросомъ: откуда эти камни? въ то же время приходитъ въ голову и другой: какого труда стоитъ пахать такое поле, гдѣ, чуть что ни шагъ, то камень — правда, большею частью, мелкій, величиною въ кулакъ или въ два, однако, нерѣдко попадаются и такіе камни, которые едва ли и двоимъ-троимъ поднять. И почему, думается, эти камни не убираютъ съ полей? Вопросъ этотъ разрѣшается самъ собою по мѣрѣ того, какъ ѣдешь далѣе: количество мелкаго камня и крупныхъ валуновъ продолжаетъ увеличиваться, пока наконецъ вся поверхность полей не представится буквально сплошь покрытою камнемъ...

Влѣво виднѣется стадо; подъѣзжаемъ ближе — и снова невольно удивляешься: что тутъ ѣдятъ овцы и коровы? Мало того, гдѣ же тутъ лечь животному, среди этихъ безчисленныхъ камней, когда даже ступить почти негдѣ

безъ того, чтобы не стать на камень?.. А вотъ и пахарь; но, къ крайнему удивленію, пахарь этотъ даже не мужчина; это женщина, она боронитъ. И что за бороны здѣсь? Совсѣмъ не такія, какъ, напримѣръ, въ Средней Россіи. Это просто нѣсколько, вдоль расколотыхъ сучковатыхъ еловыхъ вершинъ, аршина полтора длиною, скрѣпленныхъ въ одной плоскости, сучьями внизъ. Сначала вы склонны вывести самое невыгодное заключеніе о такихъ боронахъ, такъ какъ сучья черезъ какіе-нибудь 3—4 дня высохнутъ и сдѣлаются ломкими, какъ всякій сухой хворостъ. Спросите, однако, перваго встрѣчнаго, и онъ вамъ скажетъ, что такія бороны прежде всего дешевле, а затѣмъ и прочнѣе, при чемъ пояснитъ, что послѣ каждой работы бороны эти мочатся въ рѣчкѣ или болотѣ, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка, и такимъ образомъ упругость сучьевъ сохраняется довольно неопредѣленное время.

— Но какъ же вы пашете здѣсь?—спрашиваете вы крестьянъ.

— А ничего,—отвѣчаютъ вамъ, — пашемъ... Извѣстно, иной камень, что покрупнѣе, обойдешь или оброешь, да въ яму и засыплешь; иной снесешь... Эва, гляди, кучи-то разставлены... да всѣхъ не перетаскаешь.

И дѣйствительно, саженяхъ въ 50, во 100 одна отъ другой, тамъ и сямъ, видны аршина въ полтора и въ два вышиною груды сложенныхъ камней. Но за всѣмъ тѣмъ поле все-таки сплошь покрыто гранитными обломками.

— Какъ же хлѣбъ-то родится у васъ?

— Что хлѣбъ?—хлѣбъ у насъ ничего, хорошій, еще на камнѣ-то лучше: подъ камнемъ-то прѣль... сырость, значитъ, держится дольше.

Какъ ни странны такіе отвѣты, но мы ихъ слушали не разъ, хотя, правду сказать, крестьяне чаще отвѣчаютъ: „Какой ужъ хлѣбъ? Что за хлѣбъ... вишь, одинъ камень!“

Далѣе мы увидимъ, что урожаи въ Тверской губерніи очень неудовлетворительны — и потому „хорошій хлѣбъ“ на камнѣ не болѣе какъ хорошъ сравнительно только и

притомъ благодаря нѣсколько лучшей подпочвѣ, чѣмъ, напримѣръ, гдѣ-нибудь въ сосѣдней мѣстности.

— И откуда у васъ столько камня этого?—любопытствуете вы.

— А кто знаетъ? Говорятъ энъ, — знамо пустое болтаютъ,—чортъ насыпалъ, — отвѣчаютъ смѣясь крестьяне.

Но вотъ и Селигеръ. Еще немного—и вы въѣзжаете въ довольно многолюдный городъ Осташковъ, съ трехъ сторонъ окруженный Селигеромъ. Чтобы отправиться къ истоку Волги, здѣсь можно воспользоваться случаемъ, когда пароходъ отправляется въ Березовское плесо (такъ называется западная вѣтвь Селигера), къ деревнѣ *Подгорью*. Въ хорошую, тихую погоду можно, впрочемъ, безъ опасенія за скуку, нанять лодку и на ней совершить 25-ти верстный переѣздъ до деревни Подгорья. По мѣрѣ того, какъ утопаетъ Осташковъ и Житный монастырь, въ сторонѣ выплываетъ большой лѣсистый островъ; на немъ, изъ-за лѣса, живописно выступаетъ бѣлокаменный монастырь Нила Столбенскаго.

Но вотъ и этотъ монастырь скрылся изъ вида; влѣво выплылъ еще какой-то островъ, вправо еще; миновали ихъ—и снова островъ, самый большой на Селигерѣ, Хочинъ; на немъ, говорятъ, стоитъ семь деревень. Только-что остался этотъ островъ позади, какъ впереди справа и слѣва снова острова; нѣкоторые изъ нихъ покрыты въ одной половинѣ высокимъ, стройнымъ, хвойнымъ лѣсомъ, а въ другой густымъ и высокимъ лиственнымъ, съ проглядывающими въ разныхъ мѣстахъ полянками и долочками; съ берегами, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны гранитные валуны — представляютъ взору, не избалованному красотами швейцарскихъ озеръ, чрезвычайно привлекательный видъ.

Обиліе острововъ на озерѣ, какъ и камней на поляхъ, давно обратило на себя вниманіе русскаго человѣка, и, по-своему, онъ не оставилъ безъ объясненія и этого обстоятельства. Народное сказаніе утверждаетъ, что всѣ острова явились на Селигерѣ по милости его старшаго брата Ильменя, который, кстати замѣтимъ, — бра-
же приходится и Волгѣ. Въ стародавніе годы слу-

чилось какъ-то обоимъ братьямъ, сговорившись, итти куда-то вмѣстѣ. Откуда они вышли, куда и долго ли шли — неизвѣстно. Только что, одною ночью, Селигеръ оставилъ брата, да и ушелъ впередъ одинъ. И надо думать, что либо Селигеръ былъ хорошій ходокъ, либо братъ Ильмень спалъ слишкомъ подолгу, потому что младшій братъ успѣлъ пройти цѣлыя сто верстъ впередъ, пока проснулся старшій. „Будь же ты проклятъ вовѣки вѣковъ, вскричалъ обманутый Ильмень своему брату: пусть будетъ отнынѣ на тебѣ больше ста острововъ!“ Въ дѣйствительности на Селигерѣ насчитываютъ ихъ болѣе 160.

Наибольшая длина Селигера 80 верстъ, ширина—около 30, глубина вообще довольно значительна и доходитъ нерѣдко до 48 аршинъ; впрочемъ, немало и мелей на Селигерѣ, гдѣ глубина не превосходитъ полутора аршина, а пространство, занимаемое иною мелью, достигаетъ почти версты. Было время, когда Селигеръ славился обиліемъ рыбы, которой еще и теперь въ немъ довольно, но далеко не то, что прежде. Изъ рыбъ, населяющихъ воды Селигера, кромѣ сомовъ, лещей, судаковъ, ершей, гольцовъ, окуней, слѣдуетъ упомянуть особо о сниткахъ, которые, хотя не пользуются такой славой, какъ псковскіе или бѣлозерскіе, тѣмъ не менѣе составляютъ главный предметъ лова на Селигерѣ.

Ловля снитковъ, производимая не только весною, но также осенью и зимою, естественно сопряжена съ большими трудностями, и тѣмъ, чьими руками она производится, едва-едва даетъ скудное прокормленіе; главные барыши распредѣляются по карманамъ оптовыхъ скупщиковъ. По словамъ рыбаковъ, ими ежегодно вылавливается изъ Селигера этой маленькой рыбки до 12,000 пудовъ.

Разстанемся теперь съ озеромъ, и изъ деревни Подгорья, черезъ *Ревеницы*, направимся къ деревенькѣ *Волгину-Верховью*, до которой отсюда всего верстъ 15—18, а по прямому направленію даже не болѣе 10. Деревенька стоитъ подъ 57° 10′ сѣверной широты. Мѣстность пошла холмистѣе: только успѣешь подняться на одинъ холмъ, какъ, спустившись, сейчасъ же встрѣчаешь передъ собой другой;

вправо и влѣво, всюду видны разной величины и формы бугры, холмы, пригорки... Какъ будто, когда-то, здѣсь прошла страшная буря, взволновавшая зеленую поверхность и пролившая надъ ней обильный дождь, безчисленныя капли котораго, величиною отъ крупнаго яйца до самой огромной бочки и вѣсомъ отъ фунта до нѣсколькихъ сотъ пудовъ, состояли изъ гранита и разсыпались по лицу земли на необозримое пространство. Это — часть Валдайской возвышенности, извѣстная подъ именемъ *Ревницкихъ горъ*. А вотъ и деревня Волгино-Верховье или, какъ ее зовутъ сами крестьяне, *Воловерховье*, расположенная на горкѣ, среди довольно открытой мѣстности. Къ югу, сейчасъ подъ самой горой, — болото. Мы, однако, не сказали еще, что, несмотря на возвышенный характеръ мѣстности, здѣсь, да и не только здѣсь, а гораздо далѣе къ сѣверу, кругомъ всего Селигера, въ Осташковскомъ уѣздѣ—разсѣяно громадное количество болотъ и озеръ, составляющихъ одну изъ самыхъ выдающихся особенностей этого уголка Тверской губерніи. Промежуточныя пространства изобилуютъ необозримыми болотами, изъ которыхъ нѣкоторыя тянутся верстъ на 30, на 40 и даже на 60; часто эти болота представляютъ зыбкія трясины, скрывающія подъ обманчивой зеленой поверхностью своей такія озера, дна которыхъ не достать и самыми длинными шестами; иногда среди такихъ трясинъ внезапно встрѣчаются открытыя пространства воды, называемыя здѣсь *окнами*. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить значительныя лѣсныя пространства, впрочемъ, не болѣе какъ остатки славнаго въ старину „Оковскаго лѣса“ или Волконскаго бора; и здѣсь— по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ проѣзжія дороги — мы положительно ни разу невстрѣтили деревьевъ въ обхватъ толщиною. Но возвратимся къ тому болоту, которое мы оставили въ долу подъ Волговерховьемъ. Болото это одно изъ тѣхъ, какія, безъ сомнѣнія, встрѣчались каждому изъ насъ: осока, трефоль, бѣлокопытникъ, калужница, чистякъ, а тамъ опять осока, кочки, мочажина, съ кое-гдѣ просвѣчивающей водой... Тѣмъ не менѣе, оно привлекаетъ къ себѣ вниманіе посѣтителя, заставляя его въ десятый разъ вглядываться въ ту же осоку и кочки,

какъ будто въ нихъ кроется что-то выходящее изъ обыкновеннаго рода вещей...

— Али на нашу Волгу смотрите? Откуда ваша милость?— спросилъ насъ девяностолѣтній старикъ, когда мы, вдвоемъ съ однимъ студентомъ, стояли на самомъ краю болота, завернувъ въ этотъ глухой уголокъ изъ любопытства видѣть истокъ Волги.

— Да гдѣ же, дѣдушка, Волга-то?—спросили мы.

— А вотъ это и есть Волга. Энъ часовенка-то, туда подите: тамъ и колодецъ есть... Оттоль и Волга вытекаетъ.

Дѣйствительно, нѣсколько десятковъ саженъ правѣе, по самой срединѣ болотца стоитъ убогая деревянная часовенка. Часовенка подновлена въ послѣднее время; до нея, на памяти того же старика, успѣли притти въ ветхость двѣ другія часовни на томъ же мѣстѣ. Въ часовнѣ пусто; только въ лѣвомъ углу стоитъ единственный и безъ всякихъ украшеній небольшой образъ Спасителя; даже скамейки нѣтъ. Мало того, нѣтъ ни лѣсенки ко входу, ни чего-либо похожаго на мостки черезъ болото, если не считать за таковыя двѣ-три толстыя, полусгнившія коряги, можетъ-быть остатки тѣхъ самыхъ березъ, которыя росли здѣсь на памяти дѣдушки. По срединѣ часовни небольшой срубъ, уходящій подъ полъ, въ болото; шестикъ, опущенный въ воду, уходитъ аршина на полтора или немного больше; далѣе чувствуется вязкій, илистый грунтъ дна; вода прозрачна, но отъ примѣси разложившихся животныхъ и растительныхъ веществъ краснова-та и нельзя сказать, чтобъ была пріятна на вкусъ; теченія никакого не замѣтно. Однако, по свидѣтельству старика, въ прежніе годы вода текла тутъ сильно и была чище; самое болото было обширнѣе и за пряслами, что въ нѣсколькихъ шагахъ къ югу отъ часовни, на болотѣ были объясненныя выше *окна*, которыхъ теперь и слѣда нѣтъ— все затянуло; кругомъ былъ лѣсъ; за тѣми же пряслами и теперь идетъ лѣсъ, но молодежникъ, выросшій мало-по-малу на мѣстѣ вырубленнаго стараго.

— А что, спрашивали мы старика, велика ваша деревня? Можетъ, не въ память ли, когда и началась она? И

изстари, что ли, считалось такъ, что это есть начало Волги, или ужъ на твоей памяти стало такъ называться это мѣсто?

На послѣдній вопросъ старикъ отозвался незнаніемъ.

— Кто знаетъ,—сказалъ онъ;—говорятъ, что это и есть начало Волги, и вправду ли это оно самое? пріѣзжаютъ вѣдь... богатые купцы — тоже любопытствуютъ: откуда, значитъ, началась Волга. Далѣ-то, говорятъ, велика она.

— Велика, дѣдушка, очень велика. Вотъ подъ Нижнимъ такъ съ версту въ ширину-то. Слыхалъ ли про Нижній?

— Нѣтъ, что-то не въ память. Може и слыхалъ, забылъ! И впрямь версту!.. Правду ли: пріѣзжали сюда тоже ученые изъ Питера, — такъ говорятъ, выше-то нашего мѣста и нѣтъ нигдѣ?.. А быдто, глядѣть, такъ все низина, болото!

— Болото-то болото; а все-таки вѣрно, что ваше мѣсто безъ мала самое высокое,—подтвердили мы дѣдушкѣ:— если бы сюда, къ примѣру, придвинуть Питеръ, такъ намъ бы на него какъ въ пропасть какую пришлось смотрѣть; онъ бы саженъ 100 ниже насъ былъ.

— Вонъ что! вонъ что!..—удивлялся старикъ.—А вотъ ты про деревню-то нашу... Деревня наша небольшая: всего двадцать дворовъ. Давно ужъ тому—маленькій я былъ—какъ здѣсь всего было 8 дворовъ; какъ отецъ мой пришелъ сюда, здѣсь, сказывалъ, не было селенія... а вотъ нонѣ одного нашего роду почесть дворовъ десять будетъ. А допрежь того былъ здѣсь номастырь Ивана Предтечи (такъ здѣсь многіе переиначиваютъ слово монастырь) — Волговерховскій прозывался... Сказываютъ, монахи-то негоже жили; за поведеніе-то за ихнее номастырь-отъ и закрыли. Энъ на горѣ-то часовня, тутъ и былъ тотъ номастырь; книги-то да бумаги—слыхали ль, Житный номастырь въ Осташковѣ?—ну, такъ ихъ туда отвезли. Пониже-то увидите — знать еще — плотина была; была номастырская мельница...

— Что же, теперь нѣтъ мельницы?

— Гм... гдѣ же быть-то ей! Ту пору вода была; а теперь что! вотъ дай срокъ, — лѣтомъ-то совсѣмъ пересохнетъ.

Такъ вотъ каково начало великой Волги! Теченіе незамѣтное у часовни, съ удаленіемъ отъ нея становится явственнымъ: берега, частью зыбкіе, поросли тѣми же травами, къ которымъ можно развѣ прибавить сердечникъ, хвощъ, бредину и другія породы кустарной ивы; осока замѣняется злаками, дающими крестьянамъ нѣкоторое количество сѣна. Ширина рѣки, понятно, ничтожна и заволжскій житель безъ затрудненія можетъ, не переправляясь черезъ рѣку, пожать руку пріятеля, живущему на другой сторонѣ рѣки; ширина долины саженъ 10—20; берега пока возвышенны оба, но лѣвый выше и круче. Обогнувъ деревню съ восточной стороны, ручей Волга вступаетъ въ еловый непроходимо-трущобный лѣсъ, разросшійся по болоту, въ которомъ мѣстами опредѣленнаго русла Волги не видно и даже незамѣтно теченія. Съ версту далѣе, по выходѣ изъ лѣса, Волга течетъ уже въ явственномъ руслѣ, дѣлая многочисленные зигзаги среди низменной, затопляемой весною, луговины. Здѣсь, близъ деревни *Вороновой*, она принимаетъ въ себя первый притокъ—ручей *Персянку*, который едва ли увеличиваетъ ширину Волги на нѣсколько вершковъ. Немного далѣе Волга снова вступаетъ въ лѣсъ, на первый разъ обѣщающій быть настолько сноснымъ, что, вступая въ него, забываешь крайнія неудобства пѣшаго хожденія по предыдущимъ трущобамъ (иной способъ слѣдованія по самому берегу Волги немыслимъ); скоро, однако, убѣждаешься, что кочки, хворостъ, повалившіяся деревья и вода среди темнаго лѣса изъ елей, увѣшанныхъ длинными космами мха, снова овладѣваютъ Волгой, предоставляя путнику или отказаться отъ намѣренія видѣть дальнѣйшее теченіе ея въ здѣшней мѣстности, или мириться съ необходимостью еще разъ вязнуть въ болотѣ и спотыкаться о кочки и коряги.

Приволжская кустарная промышленность.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Мунтъ.)

Часовъ въ 7 вечера подошли мы къ *Кимрамъ*—огромному торговому селу, многолюдству и размѣрамъ котораго можетъ позавидовать любой изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Пока пароходъ запасался углемъ, а пассажиры всякаго рода ѣдою: молокомъ, ягодами, рыбой, въ изобиліи находившимися у сидящихъ на пристани торговокъ, я поспѣшила пробраться въ самое село. Посреди него, передъ старинымъ соборомъ, раскинулась огромная базарная площадь—средоточіе жизни не только самыхъ Кимръ, но и всего околотка.

Каждую субботу на этой площади собираются многія сотни, даже тысячи людей: суббота—базарный день въ Кимрахъ. Еще наканунѣ вечеромъ площадь заставляется вся повозками пріѣзжихъ крестьянъ, стоечками и сундучками мѣстныхъ мастеровъ. Всюду виднѣется одинъ только товаръ—обувь, начиная съ грубаго крестьянскаго сапога и кончая изящными дамскими туфельками, и все это безчисленное количество башмаковъ, сапоговъ, полусапожковъ изготовлено самими кимрянами и жителями сосѣднихъ деревень. Кимряне искони вѣковъ занимались сапожнымъ мастерствомъ.

Сотни тысячъ нашихъ приволжскихъ крестьянъ занимаются такъ называемою *кустарной промышленностью*. Подъ этимъ названіемъ подразумѣваются разные промыслы и ремесла, которымъ крестьяне посвящаютъ свободное отъ полевыхъ работъ время. Кустарная промышленность развилась преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва уже отчасти истощена и не даетъ крестьянину достаточно средствъ для прокормленія семьи и уплаты лежащихъ на немъ повинностей. Такими мѣстами являются, главнымъ образомъ, губерніи верхняго Поволжья: Тверская, Ярославская, Костромская и Нижегородская, а также и нѣ-

которыя мѣстности близъ Москвы. Перечислить всѣ отрасли кустарной промышленности, все множество ремеслъ и промысловъ, которыми занимаются наши крестьяне, почти нѣтъ возможности. Упомянемъ только о главномъ изъ нихъ. Наибольшаго развитія кустарная промышленность достигла въ Тверской губерніи. Кромѣ шитья кожаной обуви, съ которымъ мы уже познакомились въ Кимрахъ, въ губерніи этой сильно распространено кузнечное производство. Замѣчательно то, что въ каждомъ изъ уѣздовъ развита какая-нибудь одна спеціальная отрасль этого производства. Такъ въ однихъ уѣздахъ дѣлаются только сапожные и другого рода гвозди; въ другомъ, напримѣръ, только топоры; въ Осташковскомъ— топоры, серпы и такъ далѣе. Въ недавнее время въ Тверской губерніи возникъ еще одинъ новый промыселъ — *артельное сыроваренiе**). Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ помѣщику Новгородской губерніи Верещагину, изучившему предварительно сыроваренiе въ Швейцаріи. Промыселъ этотъ полезенъ въ томъ отношеніи, что даетъ крестьянамъ возможность сбывать молочные продукты, а слѣдовательно, содѣйствовать разведенію домашняго скота, держать который въ сравнительно большомъ количествѣ въ такихъ губерніяхъ, какъ Тверская, и возможно и необходимо: возможно потому, что мѣстность тамъ лѣсистая и влажная, травы много, слѣдовательно, есть чѣмъ прокормить скотъ; необходимо же оттого, что мало плодородная почва безъ обильнаго удобренія не дастъ урожая хлѣба. Кромѣ вышеупомянутыхъ промысловъ, въ Тверской губерніи почти повсемѣстно существуетъ ручное пряденіе льна, тканье холстовъ и полотенецъ, вязанье рыболовныхъ сѣтей, чулокъ, плетеніе кружевъ, рыболовство, лѣсная промышленность и прочее. Тѣми же самыми производствами занимаются кустари и въ остальныхъ верхневолжскихъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской и Ни-

---

*) Устройство артельныхъ сыроваренъ, приблизительно, слѣдующее: въ какомъ-нибудь селеніи устраивается сыроварня и сдается на аренду опытному сыровару; крестьяне же поставляютъ туда молоко, и расчетъ производится по количеству доставленныхъ [illegible].

жегородской. Въ Ярославской губерніи особенно развито тканье полотенъ, средоточіемъ котораго является *село Великое*; въ томъ же самомъ уѣздѣ распространено производство теплой обуви (валенокъ) и выдѣлка овчинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ романовскихъ. Въ Костромской губерніи важнѣйшимъ ручнымъ производствомъ является тканье бумажныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій. Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „рѣшимскихъ", замѣчательна слобода *Рѣшима*, лежащая на правомъ берегу Волги, близъ города Кинешмы. Въ Нижегородской губерніи важную роль въ занятіяхъ жителей играютъ естественныя богатства этой мѣстности, обиліе въ ней лѣсовъ и металловъ. Тамъ находятъ желѣзную руду, бѣлую и синюю глину, алебастръ и такъ далѣе. Поэтому-то города: Горбатовъ, Балахна и Макарьевъ, и села: Лысково, Павлово и Ворсма, извѣстны во всей Россіи своими металлическими и деревянными издѣліями.

Старицкія каменоломни.

(Изъ книги Рагозина.)

За нѣсколько верстъ передъ городомъ Старицею и далѣе за нимъ въ горахъ лѣваго берега производится ломка известняка, извѣстнаго подъ именемъ *старицкаго камня*, который въ огромномъ количествѣ развозится въ унжакахъ и тихвинкахъ по волжскимъ городамъ и идетъ на устройство фундаментовъ, лѣстницъ, тротуаровъ или половъ. Этотъ же камень можетъ быть, конечно, обращенъ и просто въ известь черезъ обжиганіе его, но съ меньшею выгодою, почему на обжиганіе идетъ только известнякъ, неудобный къ выдѣлкѣ плитъ, мусоръ, получающійся при тесаніи послѣднихъ, и обломки при добываніи камня.

Вонъ, въ одномъ мѣстѣ, въ полугорѣ, подъ солнечнымъ *припекомъ* копошатся 5—6 человѣкъ, ворочаютъ большіе

камни, переносятъ, тешутъ топорами... Это—старицкія каменоломни. Надо взглянуть.

„Что это за люди?“ перемолвились мы между собою, когда взобрались въ гору и увидѣли рабочихъ: будто на подборъ, одно лицо добродушнѣе другого. Но какъ они худы, какъ изморены! Сквозь добродушіе на всѣхъ лицахъ проглядываетъ страданіе. Что это,—невольно удивляемся мы снова,—каторжники или свободные люди?.. Поговоримъ.

— Богъ на помочь, добрые люди?

— Богъ спасетъ, родимые. Добро пожаловать!

— Жарко... Устали, чай!

— Эхъ, родимый, коли не устать, и жара же!.. Вотъ тешешь-тешешь, кланяешься-кланяешься, индо всю спинушку разломило.

— Когда же кончаете-то?

— Солнышко сядетъ — кончимъ... Да... А начали—еще не восходило.

— Что же не видать того мѣста, откуда камень-то ломаете?

— А эва... энъ. Ходъ-отъ...—отвѣчалъ крестьянинъ, выпрямляясь и указывая на какое-то углубленіе еще выше по горѣ.—Да туда не пройти вамъ: заплыло и не знать почесть. Зима придетъ, рыть будемъ,—отроемъ весь ходъ.

— Такъ вы и зимой здѣсь работаете?

— А какъ же, зимой-то коренная работа и есть.

— Дни-то коротки ужъ тогда,—замѣтили мы.

— А намъ что! — говорилъ крестьянинъ:—мы дня-то и днемъ не видимъ. Энъ-энъ кустъ-отъ,—указалъ онъ на купу молодыхъ березокъ, саженяхъ въ двадцати:—отселѣ дотуда ходъ-отъ, такъ въ горѣ и идетъ. Съ лучиной и работаемъ.

— Неудобно ужъ очень съ лучиной-то: и дымно да и свѣту-то мало.

— Вѣстимо, что такъ. Кабы не горе-то наше, лампы вонъ чего бы лучше. Да куда ужъ намъ... И лучинки-то своей нѣтъ; за березовое полѣно-то надо деньги дать.

— Какъ же въ ходу-то подпираете, что ли, верхъ-то какъ-нибудь, чтобы не обвалилось?

— Какъ же, подпоры ставимъ. Ну, да все же валится. То и смотри, стукнетъ въ голову... Энъ вѣдь кремень-отъ! Какъ наточенный топоръ, вострый, а тяжесть-то какая! Вотъ подъ шапку-то толсто-на-толсто подкладываемъ; и какъ сорвется экой кремень,—указалъ онъ на валявшійся толстый обломокъ вершковъ въ пять кругомъ,—разсѣчетъ все, до крови и до кости прошибетъ голову-то. А не то вотъ, ваше благородіе, можетъ примѣтили, какъ топоръ-отъ держу,—всѣ четыре пальца скрючило, не разогнуть: какъ, значитъ, держалъ топоръ-отъ, — хлопъ! глыбина сверху прямо на руки-то, свѣту не взвидѣлъ. Энъ, у товарища-то ногу этакъ же отдавило... Да что! почесть ни одного, сколько здѣсь ни есть, нѣтъ, чтобы не зашибло. Часто, часто... Иного стукнетъ такъ — и навѣкъ останется въ ходу... али много больно обвалится,—засыплетъ—не вылѣзешь. Бываетъ... Да вотъ лѣтось, изъ нашихъ тоже зачали, значитъ, свой ходъ вести. Копали-копали, хвать—человѣкъ! ужъ кости однѣ... А что голову, али спину, руки, ноги раскровянитъ—это ужъ заурядь.

— Трудна наша работа, баринъ, — говорилъ другой крестьянинъ;—одинъ Богъ знаетъ, какъ трудно! а сказать вамъ, такъ и не повѣрите: работаемъ, маемся,—а что!—совсѣмъ пустое дѣло.

— А что?

— Да то и есть: вонъ она плита-то — тешешь-тешешь ее одное: скоро ли изготовишь цѣлую сотню-то? Благодареніе Богу, коли въ день исправишь десятокъ. Да гдѣ! ладно бы, хоть пятокъ-отъ. Бываетъ, что и три, либо двѣ, а то и совсѣмъ ни одной. Вотъ она глыбина-то: ты дудумаешь, изъ нея плитъ пять выгнать,—надмѣтишь, подсѣчешь, станешь колоть, — хвать, внутри-то кремнина,—ну, и брось.

— Ну, да все же гривенъ шесть заработаешь въ сутки-то?—перебили мы.

Горько усмѣхнулся крестьянинъ.

— Эхъ, кормилецъ! да кабы съ эстоль-то выработать... гм! а ты скажи въ мѣсяцъ-то шесть гривенъ, вотъ что!

— Это онъ вѣрно говоритъ, ваше благородіе,—подтвердили другіе, замѣтивъ наше удивленіе:—въ мѣсяцъ-то шесть

гривенъ, и то ладно. Ты вотъ разочти: въ мѣсяцъ-то болѣе сотни не сдѣлаешь; а что она сотня-то? Вся цѣна ей два съ полтиной, а либо три, много что три съ полтиной; а только сплавитъ купецъ, — возьметъ 15 и 20 рублей... Вотъ онъ гдѣ барышъ-то а мы что? А сколько времени пошло на ломку-то? Лаптей что изобьешь на камню-то; поворачивайся-ка въ ходу-то—одежда-то вся рвется! Тоже хоть не мудрый, а надо инструментъ: не дерево, вѣдь камень,—на долго ль топора-то? Да и лучинушку-то купи... да и за то заплати, что дозволили копать-то!.. Эхъ, что наша работа! одно горе,—такъ только что привычка: дѣды работали, ну и мы... Думаешь, что заработаешь, а только увѣчье одно...

Берега Оки.

(Изъ сочиненія Григоровича.)

Я былъ на Волгѣ въ первые годы моего дѣтства. Въ памяти моей успѣли изгладиться живописные холмы, лѣса и села, которые, на протяженіе многихъ и многихъ сотенъ верстъ, смотрятся въ свѣтлыя благодатныя волжскія воды. Судьба забросила меня въ другую сторону, перенесла на другую рѣку; съ тѣхъ поръ я не разлучался съ Окою. Я скоро сроднился съ нею и теперь люблю ее, какъ вторую отчизну. Берега Оки, ея окрестности и маленькія рѣчки, въ нее впадающія, кажутся мнѣ краше другихъ береговъ, мѣстностей и рѣчекъ Россіи.

Особенно пріятно любоваться высокимъ берегомъ, спускаясь въ лодкѣ внизъ, по теченію отъ Серпухова до Коломны. То покрытый плотною кудрявой чащей орѣшника или молодого дубняка, то спускаясь къ водѣ ярко-зелеными, закругленными, какъ куполъ, холмами, то исполосованный пашнями наподобіе шахматной доски, берегъ этотъ перерѣзывается иногда пропастями, глубина кото-

рыхъ даетъ еще сильнѣе чувствовать подъемъ хребта надъ поверхностью рѣки. Виды измѣняются безпрерывно: точно стоите вы на мѣстѣ и развертываютъ передъ вами громадную картину. Кое-гдѣ, по зеленымъ косогорамъ, то плавнымъ, то крутымъ, лѣпятся села, вьются тропинки, кажущіяся издали нѣжными полосками, нарисованными тонкою прихотливою кистью. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ монастыри и деревенскія церкви, съ зеленѣющими кровлями и блистающими на солнцѣ крестами. Нерѣдко между кремнистыми отвѣсными обрывами открываются свѣтлыя долины. Рѣзвые ручьи и маленькія рѣчки, мѣстами заслоненныя ветлами, красиво изливаются посреди ярко-зеленыхъ лощинъ, покрытыхъ мелкимъ березнякомъ. Иногда весь берегъ представляетъ одну сплошную синеватую стѣну сосноваго бора, который не прерывается цѣлыя версты. На песчаныхъ прибрежныхъ отмеляхъ мелькаютъ кое-гдѣ лачужки рыбаковъ, съ прислоненными къ нимъ баграми и саками, съ раскинутымъ бреднемъ, лежащими неподалеку вершами и черными, опрокинутыми кверху, насквозь просмоленными челноками. Мѣстами берегъ, подмытый водою, осыпался весь съ верху до низу и отвѣсною стѣною стоитъ надъ водой, показывая свои мѣловые, глиняные и песчаные слои, пробуравленные норками стрижей, водяныхъ ласточекъ. Въ такихъ мѣстахъ этихъ птичекъ появляется обыкновенно несмѣтное множество. Надъ ними, въ неизмѣримой вышинѣ неба, вы ужъ непремѣнно увидите беркута (родъ орла): распластавъ дымчатыя крылья свои, зазубренныя по краямъ, распушивъ хвостъ и издавая слабый крикъ, похожій на писк младенца, онъ стоитъ неподвижно въ воздухѣ или водитъ плавные круги, постепенно понижаясь къ добычѣ. Мѣстами берегъ удаляется, разступается полукругомъ и даетъ мѣсто злачнымъ лугамъ, оживленнымъ одинокими столѣтними дубами, подъ тѣнью которыхъ отдыхаетъ стадо ближней деревни...

Не думайте, однакожъ, чтобы луговой берегъ не имѣлъ также своей прелести. Есть время въ году, когда онъ кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это—Петровки. Луга эти проходятъ непре-

рывною лентою черезъ нѣсколько губерній,—однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться какъ въ лѣсу. Множество душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень пестрое цвѣтное море словно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ окрестныхъ деревень и толпы косарей. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ, подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами какъ звѣзды, имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ и сотнями цвѣтовъ. Такъ подвигаются они цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами, полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій голосъ тысячи голосовъ и одна общая пѣснь: точно весь русскій людъ собрался сюда на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно заря брежжетъ на востокѣ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣснь между тѣмъ все еще не умолкаетъ, и нѣтъ, кажется, конца этой пѣсни, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ...

По Волгѣ.

(Изъ соч. Вас. Ив. Немировича-Данченко.)

Пески, синія пятна лѣса... Курчавая зелень высокаго берега... Вонъ слобода Малая Печера, у самаго монастыря. Вѣетъ отъ нея тишиною деревни. Неподвижно разбросали въ жаркомъ воздухѣ молодыя березки свою листву. Тиха обитель Печерская, пусты ея дворы, величавы старые храмы, угрюмы и молчаливы древнія башни. Точно одинокій схимникъ среди лѣса, этотъ монастырь схоронился сюда отъ шума и движенія, ключомъ бьющихъ п сосѣдству. Скоро за зеленою чащей и Нижній пропалъ съ его соборами и кремлемъ.

Картина за картиной, одна прелестнѣй другой, смѣнялись передъ нами, точно Волга нарочно щеголяла ими, щеголяла до того, что глазъ утомлялся. Я сидѣлъ на палубѣ какъ очарованный. Рѣка расширяется мало-по-малу, точно громадное озеро раскидывается, окаймленная пологими, мягко выгибающимися берегами. Чистота, просторъ, ласковый просторъ, отъ котораго нельзя отвести взгляда. Золотыя подъ солнцемъ мельницы, точно руками, размахались крыльями. Скоро вода, подъ яркимъ освѣщеніемъ полуденнаго неба, приняла такой голубой цвѣтъ, что сама недосягаемая высь казалась менѣе блестящей и лазурной. Точно она уступила свою божественную красоту красавицѣ рѣкѣ. По голубой поверхности ея ложились серебристыя полосы; казалось, что это парча, расшитая серебромъ — все это были слѣды пробѣгавшихъ пароходовъ и судовъ.

Вотъ церковь какая-то точно въ воздухѣ повисла. А эти синія дали, эти лѣсныя пустыни! Порою надъ ними блеститъ звѣзда и только догадаешься, что это куполъ далекаго храма. Села за селами разсыпаются по берегу. Мѣсто становится люднѣе и рѣка тоже: поминутно попадаются бѣляны—громадныя, наскоро сколоченныя суда изъ свѣжаго бѣлаго лѣса для перевозки дровъ и досокъ. Онѣ никогда не осмаливаются, отсюда и ихъ названіе. На

ихъ палубахъ иногда стоитъ по нѣскольку избъ и совершенно готовыхъ сельскихъ домиковъ. Ихъ строятъ въ лѣсной сторонѣ, гдѣ бревно дешево, главнымъ образомъ на Ветлугѣ; постановятъ на палубу бѣляны и такъ сплавляютъ въ поволжскія села, гдѣ строевого лѣса мало или онъ дорогъ.

— А что это за громадное село или городъ, что ли? Батюшки, сколько церквей, да какія богатыя, какіе дома!

— Это, душа моя, Лысково.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ передъ нами открылась удивительная картина: налѣво — таинственные керженскіе лѣса уходили въ неоглядную сѣнь, направо раскидывались по приволжскому простору массы домовъ и церквей Лыскова. За Лысковомъ вдали, ушедшее въ гору, стояло богатое село Исады, а лѣвѣе его выдвигался въ Волгу на тихомъ и пустынномъ мысѣ своемъ торжественный, въ башняхъ и стѣнахъ своего монастыря, умирающій схимникъ—Макарьевъ. Все это отражено просторомъ Волги, надъ всѣмъ голубѣетъ безоблачное, тихое, безмятежное небо. Два главныхъ мѣста и въ то же время двѣ противоположности: Лысково и Макарьевъ. Разжирѣвшій кулакъ и хозяинъ—Лысково, съ множествомъ судовъ у пристани, съ заводами и фабриками, съ домами съ иголочки,—такъ и смотритъ богатымъ подрядчикомъ, растерявшимся въ невиданномъ просторѣ своихъ раззолоченныхъ хоромъ. Тутъ жизнь, суета и движеніе. Тутъ нѣтъ прошлаго, нѣтъ воспоминаній, нѣтъ и слѣдовъ стародавней были, точно все это приволье купеческаго богатства явилось только вчера. На противоположной сторонѣ въ Волгу точно врѣзывается старинный кремль — Макарьевъ, облупившіяся стѣны и колокольни храмовъ и старые, старые, словно на сотни лѣтъ заснувшіе дома, круглыя башни, историческія стѣны. Изъ-за нихъ, какъ изъ-за тисковъ, вырываются волны земли. Все это величаво сѣдѣетъ на голубомъ фонѣ неба. Тихо умираетъ Макарьевъ. Глядя на него, забываешь сытое чрево сегодняшняго Лыскова. Кажется, что, зачитавшись стародавнихъ русскихъ былей, заснулъ и видишь передъ собою диво явленное: старорусскій градъ съ его тихими теремами и стѣнами кремля.

А тамъ, не успѣешь очнуться — выплываетъ передъ вами холмъ съ селомъ Исады. Позади него довольно большая гора. Миновавъ Исады, пароходъ прошелъ мимо яблочнаго царства: такъ называются здѣсь сады, почти сплошь отъ самаго берега до гребня откоса раскидывающіеся по Волгѣ на десятки верстъ. Отсюда яблоко развозится чуть ли не по всей Россіи и болѣе двадцати деревень живутъ этимъ промысломъ.

Наскоро пообѣдавъ, я опять вышелъ на палубу. Вечерѣло. Излучины Волги горѣли уже алымъ заревомъ заката. Золотое пламя словно разстилалось надъ вершинами лѣсовъ, окаймлявшихъ приволжскія лукоморья. Желтыми, едва замѣтными, полосками врѣзывались въ рѣку песчаные мыски, на которыхъ у самыхъ концовъ, точно изъ воды, подымались рощицы осокоря, охваченныя багрянцемъ догоравшаго дня. Когда пароходъ „Ніагара“ шелъ ближе къ берегу, сквозь шумъ машины и громкое гоготанье парохода слышались разливы соловьиной пѣсни. Скоро на правомъ берегу Волги показался небольшой городокъ, красиво разбросанный по горамъ.

Это Васильсурскъ, столица стерляди . Вотъ тутъ, именно въ устьѣ Суры-рѣки, и водятся самыя лучшія стерляди по Волгѣ.

Сура-рѣка лѣтомъ дѣлается мелкой, тихой, и судоходство по ней почти-что прекращается, ходятъ тогда только саяны, крошечные пароходики; зато весною на шестьсотъ верстъ подымаются довольно значительные къ самой Пензѣ. Къ рѣкѣ этой прилегаютъ хлѣбныя мѣста и когда ее расчистятъ и сдѣлаютъ судоходной по всему теченію, сурскій хлѣбъ займетъ видное мѣсто на волжскихъ пристаняхъ.

Не успѣлъ я насмотрѣться на Васильсурскъ, наслушаться о немъ, какъ мой знакомый обратилъ опять мое вниманіе:

— Посмотрите-ка, скоро устье Ветлуги будетъ.

— Чѣмъ она замѣчательна?

— Лѣсной край тутъ! Тутъ и работа лѣсная по всему Ветлужью.

Ключомъ бьетъ она въ темныхъ чащахъ смолистаго лѣса, гдѣ до прихода русскихъ бродили только одни черемисы.

Верховое Заволожье.

(Изъ сочиненія Печерскаго.)

Верховое Заволожье—край привольный. Тамъ народъ досужный, бойкій, смышленый и ловкій. Таково Заволожье сверху отъ Рыбинска внизъ до устья Керженца. Ниже не то: пойдетъ лѣсная глушь, луговая черемиса, чуваши, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народъ тамъ другой: хоть русскій, но не таковъ, какъ въ Верховьѣ. Тамъ новое заселенье, а въ Заволожскомъ Верховьѣ Русь изстари усѣлась по лѣсамъ и болотамъ. Судя по людскому нарѣчному говору, новгородцы въ давнія Рюриковы времена тамъ поселились. Преданія о Батыевомъ разгромѣ тамъ свѣжи. Укажутъ и „тропу Батыеву“ и мѣсто невидимаго града Китижа на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ.

Старая тамъ Русь, исконная, кондовая*). Съ той поры, какъ зачиналась земля русская, тамъ чуждыхъ насельниковъ не бывало. Тамъ Русь съизстари на чистотѣ стоитъ,—какова была при прадѣдахъ, такова хранится до нашихъ дней. Добрая сторона, хоть и смотритъ сердито на чужанина.

Въ лѣсистомъ Верховомъ Заволожьѣ деревни малыя, зато частыя, одна отъ другой на версту, на двѣ. Земля холодна, неродима, своего хлѣба мужику развѣ до масленой хватитъ,—и то въ урожайный годъ. Какъ ни бейся на надѣльной полосѣ, сколько страды надъ ней ни принимай, круглый годъ трудовымъ хлѣбомъ себя не прокормишь. Такова сторона.

Другой на мѣстѣ заволожанина давно бы съ голоду померъ, но онъ не лежебокъ, человѣкъ досужный. Чего

---

*) Кондовая—крѣпкая.

земля не дала, умѣньемъ за дѣло взяться беретъ. Не побрелъ заволожскій мужикъ на заработки въ чужу-дальню сторону, какъ сосѣдъ его вязниковецъ, что съ пуговками, съ тесемочками и другимъ товаромъ кустарнаго промысла шагаетъ на край свѣта семьѣ хлѣбъ добывать. Не побрелъ заволожанинъ по бѣлу свѣту плотничать, какъ другой его сосѣдъ, галка *). Нѣтъ! И дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ: вареги началъ вязать, поярокъ валять, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Россію дѣлать. А коромысла-то какія! Хоть въ аптеку бери—сдѣлано вѣрно.

Лѣса заволожанина кормятъ. Ложки, плошки, чашки, блюда заволожанинъ точитъ да краситъ; гребни, веретена и другой щепной товаръ работаетъ; ведра, ушаты, кадки, лопаты, коробья, весла, лейки, ковши—все, что изъ лѣсу можно добыть, рукъ его не минуетъ. И смолу съ дегтемъ сидитъ, а заплативъ попенныя, рубитъ лѣсъ въ казенныхъ дачахъ и сгоняетъ по Волгѣ до Астрахани бревна, брусья, шесты, слеги и всякій другой лѣсной товаръ. Волга подъ бокомъ, но заволожанинъ въ бурлаки не хаживалъ. Послѣднее дѣло въ бурлаки итти! По Заволожью такъ думаютъ: „Честнѣй подъ оконьемъ Христовымъ именемъ кормиться, чѣмъ бурлацкую лямку тянуть!“ И правда.

Живетъ заволожанинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Съизстари за Волгой мужикъ въ сапогахъ, бабы въ котахъ. Лаптей видомъ не видано, хоть слыхомъ про нихъ и слыхано. Лѣсу вдоволь, лыко нипочемъ, а въ рѣдкомъ домѣ кочедыкъ **) найдешь. Развѣ гдѣ такой дѣдушка есть, что съ печки уже лѣтъ пятокъ не слѣзаетъ, такъ онъ скуки ради лапотки иной разъ ковыряетъ, нищей братьѣ подать либо самому обуться, какъ станутъ его въ домовину обряжать. Таковъ обычай: лѣтомъ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, на томъ свѣтѣ въ лаптяхъ...

Заволожанинъ безъ горячаго спать не ложится, по вос-

---

*) Крестьяне Галицкаго уѣзда, Костромской губерніи.

**) Кочедыкъ—лапотное шило.

кресным днямъ хлѣбаетъ мясное, изба у него пятистѣнная, печь съ трубой; о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ онъ только слыхалъ, что есть такія гдѣ-то „на горахъ“ *).

А чистота какая въ заволожскихъ домахъ!..

Кто знакомъ только съ нашими степными да черноземными деревнями, въ голову тому не придетъ, какъ чисто, опрятно живутъ заволожане. Волга — рукой подать. Что мужикъ въ недѣлю нарабатываетъ, тотчасъ на пристань везетъ, а полѣнился—на сосѣдній базаръ. Большихъ барышей ему не нажить, и за Волгой не всякъ въ тысячники вылѣзетъ; зато, какъ ни плоха работа, какъ работниковъ въ семьѣ ни мало, заволожанинъ вѣкъ свой сытъ, одѣтъ, обутъ, и податныя за нимъ не стоятъ. Чего же еще?.. И за то слава Тѣ, Господи!.. Не всѣмъ же въ золотѣ ходить, въ рукахъ серебро носить, хоть и каждому русскому человѣку такую судьбу мамки да няньки напѣваютъ, когда еще онъ въ колыбели лежитъ.

Немало за Волгой и тысячниковъ. И даже очень немало. Плохо про нихъ знаютъ по дальнимъ мѣстамъ, потому что заволожанинъ про себя не кричитъ, а если деньжонокъ малу толику скопитъ,—не въ банкъ кладетъ ее, а въ родительскую кубышку, да въ подполье и зароетъ. Милліонщиковъ за Волгой нѣтъ, тысячниковъ много. Они по Волгѣ своими пароходами ходятъ, на своихъ мельницахъ сотни тысячъ четвертей хлѣба перемалываютъ. Много за Волгой такихъ, что десятками тысячъ капиталы считаютъ.

По заволжскимъ лѣсамъ.

(Изъ сочиненія Печерскаго.)

Собрались въ путь-дорогу. Потапъ Максимычъ со спутниками поѣхалъ на Ветлугу. Надобно было верстъ восемьдесятъ ѣхать лѣсами, гдѣ проѣзжихъ дорогъ не бывало,

---

*) Горами зовутъ правую сторону Волги.

только однѣ узкія тропы межъ высокихъ сугробовъ проложены. По тѣмъ тропамъ лѣсники въ зимницы ѣздятъ и вывозятъ къ Керженцу для сплава нарубленный лѣсъ. Сторона та совсѣмъ не жилая, лѣтомъ нѣтъ по ней на ѣзду коннаго, на ходу пѣшаго; только на зиму переселяются туда лѣсники и живутъ въ дремучихъ дебряхъ до лѣсного сплава въ половодье.

Поѣхали путники въ двоихъ саняхъ, каждыя тройкой гусемъ запряжены. Иначе и ѣздить нельзя по лѣснымъ тропамъ. Сначала путь шелъ торный; но когда переѣхали Керженецъ и попали въ лѣсную глушь, что тянется до самой Ветлуги и дальше за нее, ѣзда стала затруднительна. Сѣдоки то-и-дѣло задѣвали головами за вѣтви деревьевъ, и ихъ засыпало снѣгомъ, которымъ, точно въ саваны, окутаны стояли сосны и ели, склонясь надъ тропою. Чуть не черезъ каждыя полторы-двѣ версты приходилось останавливаться и отгребаться отъ снѣга. Тропа была не ровная. Сани то-и-дѣло наклонялись то на одну, то на другую сторону, и сѣдокамъ частенько приходилось вываливаться въ снѣгъ и потомъ, съ трудомъ выбравшись изъ сугроба, общими силами поднимать свалившіяся на бокъ сани. Тропа все одна, и нѣтъ никакихъ признаковъ близости человѣка. И никакого звука. Развѣ только затрещитъ рябчикъ, перелетая съ дерева на дерево, либо забурчитъ вдали глухарь, да заскрипитъ надломленное дерево, качаемое вѣтромъ. Заячьи и волчьи слѣды частенько пересѣкаютъ тропу: иногда попадается слѣдъ раздвоенныхъ копытъ дикой коровы*), либо широкой лапы лѣсного боярина Топтыгина, согнаннаго съ берлоги охотниками.

Перебравшись за Керженецъ, путникамъ надо было выбраться на Ялокшинскій зимнякъ. Но вотъ ѣдутъ они два часа, три часа — давно бы надо быть на Ялокшинскомъ зимнякѣ, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Ѣдутъ, ѣдутъ— на счастье, тепло стояло, а то бы плохо пришлось. Не дается зимнякъ, да и полно. А лошади притомились.

---

*) Такъ за Волгой называютъ лосей.

Работникъ остановилъ лошадей. Понуривъ головы, онѣ тяжело дышали; паръ такъ и валилъ съ нихъ. Потапъ Максимычъ вылѣзъ изъ своихъ саней и подошелъ къ заднимъ, гдѣ сидѣлъ Стуколовъ*). Молчаливый Дюковъ, уткнувъ голову въ лисій малахай, спалъ мертвымъ сномъ.

— Заблудились!—сказалъ Потапъ Максимычъ Стуколову.—Что тутъ станешь дѣлать?

— Да самъ-то ты ѣзжалъ ли прежде по этимъ дорогамъ?—спросилъ его Стуколовъ.

— Сроду впервые,—отвѣчалъ Потапъ Максимычъ.

— И работники не ѣзжали?—спросилъ Стуколовъ.

— Какое ѣзжать!—отозвался Потапъ Максимычъ.—Кого сюда понесетъ? Вѣдь это, самъ ты видишь, что такое; выѣхали—еще не брезжилось; а гляди-ка, ужъ смеркаться зачинаетъ. Гдѣ мы? куда заѣхали? Бѣда, просто бѣда!.. Ночь на дворѣ, а лошади, гляди, какъ пріустали. Приведется въ лѣсу ночевать... А волки-то?

— Богъ милостивъ,—отвѣтилъ Стуколовъ.—Топоръ есть съ нами?

— Какъ топору не быть? Есть,—сказалъ Потапъ Максимычъ.

— Сучьевъ нарубимъ, костры зажжемъ—волки не подойдутъ: всякій звѣрь боится огня.

Такъ и рѣшили заночевать.

Лошадей выпрягли, задали имъ овса, утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали привалъ. Топоровъ оказалось два; работники начали сучья да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала и, когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, вынулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали! И бутылочка нашлась у запасливаго Потапа Максимыча. Роспили.

---

*) Стуколовъ и Дюковъ—спутники Потапа Максимыча.

Ночь надвинулась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканіемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ; поближе завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычайнаго свѣта; едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье—и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ уже доносится издали легкій хрустъ сухого валежника: то кровожадная куница осторожно пробивается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Потапа Максимыча. Но огонь не подпускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычетъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми зелеными глазами и прядаетъ кисточками на концѣ высокихъ прямыхъ ушей... Опять тишь, и вдругъ либо заверещетъ бѣдный зайчишко, попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика. Лѣсные обитатели живутъ не по-нашему — обѣдаютъ по ночамъ...

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой; ему откликнулся другой, третій вой—все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось пряданье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки,—боязливо прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

— А... Что?..—промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ.— Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ,—говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ...—равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ.—Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо.

— Бѣда!—шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Какая жъ бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо... Эй вы, ребята!—кричалъ онъ работникамъ. — Проснись!.. Эка заспались... Вали на костры больше.

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

— Видимо-невидимо!..—говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужъ можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ!—молвилъ Стуколовъ.

— Молчи ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди — сожрутъ...—тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ.

А волки все близятся; было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой; не дальше какъ въ трехъ саженяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ человѣкъ бывалый. Когда волки были уже настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросить въ волковъ изо всей силы горящія лапы*).

*) Горящія вѣтви хвойнаго лѣса.

— Разъ... два... три!..—крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!..—крикнулъ Стуколовъ—и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горящей лапѣ.

Завыли звѣри, но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль—и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, молвилъ—Стуколовъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ,—молвилъ Потапъ Максимычъ, когда опасность миновалась. — Не будь тебя, сожрали бы они насъ.

Стуколовъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Лѣто въ лѣсахъ за Волгой.

(Изъ сочиненія Печерскаго.)

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ дикую глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорогъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; зато много мѣстъ непроходимыхъ...

Гніющаго валежника пропасть, да кромѣ того то-и-дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами трясины съ окнами, водьями и чарусами... Это страшныя погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отроду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри,— берегись, гляди въ оба!..

Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся мохомъ поросшій кочкарникъ. Саженными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это — „машава“, иначе моховое болото. Поросло оно мелкимъ чахлымъ лѣсомъ,

нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣянномъ багуномъ, звѣздоплавкой, мозгушей, лютикомъ и бѣлоусомъ*). Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходитъ; и вдругъ иногда въ двухъ - трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить опасно: разомъ попадешь въ болотную пучину и пропадешь ни за денежку... Бѣжать отъ страшнаго мѣста, бѣжать скорѣй, безъ оглядки, если не хочется вѣчной погибели! Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по незнанію иль изъ удальства шагнулъ впередъ пять-десять шаговъ, ноги его начнетъ затягивать въ жидкую трясину, — и, если не удастся ему поспѣшно и осторожно выбраться назадъ, онъ погибъ... Бѣжать по трясинѣ тоже бѣда...

Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязнозеленой трясинѣ. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это—„окно“. Бѣда оступиться въ это окно — тамъ бездонная пропасть. Не въ примѣръ опаснѣй оконъ „вадья“—тоже открытая круглая полынья, но только гораздо шире. Ея берега изъ топкаго торфяного слоя, едва прикрывающаго воду. Кто ступитъ на эту обманную почву, нѣтъ тому спасенья. Вадья какъ разъ засосетъ его въ бездну.

Но страшнѣй всего „чаруса“. Окно, вадью издали можно замѣтить и обойти, — чаруса непримѣтна. Выбравшись изъ глухого лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой, болотистой почвѣ, путникъ вдругъ, какъ бы по волшебному мановенію, встрѣчаетъ передъ собой цвѣтущую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко-раздольно разстилаясь среди красноствольныхъ сосенъ и темнохвойныхъ елей. Ровная, гладкая — она густо заросла сочной свѣжей зеленью и усѣяна крупными бирюзовыми незабудками, благоуханными кувшинчиками, и ярко-желтыми купавками. Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, при томленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно-сверкающей изумрудной зе-

*) Болотныя растенія.

лени!.. Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступитъ онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса съ ея красивыми, благоухающими цвѣтами, съ ея сочной свѣжей зеленью—тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому ковру даже легконогій заяцъ не сигаетъ, тоненькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, что о всякую пору и днемъ и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами... Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ горбоносаго кроншнепа до желтоброваго песчаника, бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ.

Не однѣ вадьи и чарусы пугаютъ лѣсниковъ въ лѣтнюю пору. Не даютъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги... Множество разнообразныхъ комаровъ день и ночь несмѣтными роями толкаются въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями... Нѣтъ ему покоя отъ комариной силы ни въ знойный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью,—только и отрада въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ иначе не спятъ, какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полусмерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди вышиной сажени по три и мостятъ на нихъ для спанья полати; подъ тѣми полатями раскладываютъ на землѣ огонь,—курево отгоняетъ комариную силу. Такъ и спятъ въ дыму прокопченные бѣдняги, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ несносныхъ мучителей... А кромѣ того оводы, слѣпни и страшный бичъ домашнихъ животныхъ—строка. Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рой слѣпней, вьющихся надъ конями, чтобы цѣлая тройка, хотя и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря, какъ бѣшеная, сломя голову... Залетитъ строка въ стадо—весь скотъ взбѣсится, подниметъ неистовый ревъ и, задравъ хвосты, зачнетъ

метаться во всѣ стороны... Бѣдные лоси и олени пуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки... Она садится на ноги, на спину иль на бока животнаго и прокусываетъ кожу. Раны загноятся, и строка кладетъ въ нихъ свои яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь проѣдаютъ кожу бѣднаго животнаго. Въ то время лось переноситъ нестерпимыя муки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи, снова кладетъ туда яйца. Шкура, снятая со звѣря, убитаго лѣтомъ или осенью, никуда не годится: она усѣяна круглыми дырами въ пятіалтынный и больше. Единственное спасеніе бѣдныхъ звѣрей отъ строки, если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера, либо рѣчки: свѣжаго воздуха, идущаго отъ студеной воды, строка боится... Да что толковать про беззащитныхъ оленей и лошадей, — самъ косолапый бояринъ лѣсовъ пуще огня боится строки. Забившись Мишкѣ въ загривокъ, въ ту пору, какъ онъ линяетъ, начинаетъ она прокусывать его толстую шкуру. Благимъ матомъ зареветъ лѣсной бояринъ... Напрасно отмахивается онъ передними лапами — не отстанетъ отъ него строка, пока, огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, кувыркаясь промежъ деревьевъ, не добѣжитъ Мишенька до воды и не погрузнетъ въ ней съ головою. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ звѣрей и спасается отъ крохотнаго палача... Человѣка, слава Богу, строка никогда не трогаетъ.

Зима въ лѣсахъ за Волгой.

(Изъ сочиненія Печерскаго.)

Зимой въ лѣсахъ работа кипитъ, да взвариваетъ. Ронятъ лѣса, волочатъ ихъ къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, рубятъ осину да березу на баклуши*), колютъ лѣсъ на кадки, на бочки и на всякое другое

*) Чурки для выдѣлки деревянной посуды и ложекъ.

щепное подѣлье... Стукъ топоровъ, трескъ падающихъ лѣсинъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносятся тогда по лѣснымъ пустынямъ.

Послѣ Ерофеева дня ждетъ не дождется лѣсникъ, чтобъ морозъ поскорѣй выжалъ сокъ изъ деревьевъ и сковалъ бы воды и чарусы, а матушка-зима бѣлымъ пологомъ покрыла лѣсную пустыню. Знаетъ онъ, что мѣсяца четыре придется ему безъ-устали работать, принять за топоромъ труды не малые: лѣсокъ сѣчь—не жалѣть своихъ плечъ... Да объ этомъ не тужитъ лѣсникъ, каждый день молится Богу,—поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю сослалъ... Но вотъ, ровно бѣлыя мухи, запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки; тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю; чаще и гуще становятся потоки льющагося снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ — и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня на землю валитъ. Къ утру красно-огненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко и ярко освѣтило бѣлую снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки и весело хлопочутъ, сбираясь въ лѣса „лѣсовать“. Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы; ревутъ, глядя на нихъ, и малые ребята, а лѣсники ровно на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, гумной (картофель) да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ на скорую руку простившись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи*).

Артелями въ лѣсахъ больше работаютъ: человѣкъ по десяти, по двѣнадцати и больше. За недѣлю либо за двѣ до лѣсованья артель выбираетъ старшóго: смотрѣть за работой, ровнять въ дѣлѣ работниковъ и заправлять немудрымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшой, иначе „хозяинъ“, распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ,

*) 1 марта—Евдокія Плющиха.

натесаннымъ брусьямъ; онъ же наблюдаетъ, чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ бы жить чужимъ топоромъ, тянуть даровщину... У хозяина въ прямомъ подначальи „подсыпка", паренекъ-подростокъ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати. Ему не подъ силу еще столько наработать, какъ взрослому лѣснику, и за то подсыпка свой пай стряпней на всю артель наверстываетъ,— а также заготовкой дровъ, смолья и лучины въ зимницу для свѣтла и сугрѣва... Онъ же носитъ воду и долженъ все прибрать и убрать въ зимницѣ, а когда запасы подойдутъ къ концу, ѣхать за новыми въ деревню.

Зимница, гдѣ послѣ цѣлодневной работы проводятъ ночь лѣсники,—большая четыреугольная яма, аршина въ полтора либо въ два глубиной. Въ нее запущенъ бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ шесть-семь сруба. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатной, немножко сводомъ. Оконъ въ зимницѣ не бываетъ, да ихъ и незачѣмъ: люди тамъ бываютъ только ночью, дневного свѣта имъ не надо, а чуть утро забрезжетъ—они ужъ въ лѣсъ лѣсовать и лѣсуютъ, пока не наступятъ глубокія сумерки. И окно, и дверь, и дымволокъ*) замѣняются однимъ отверстіемъ въ зимницѣ; оно прорублено вровень съ землей, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконце для дымовой тяги. Къ этому отверстію приставлена лѣстница—по ней спускаются внутрь. Среди зимницы обыкновенно стоитъ сбитый изъ глины кожуръ**), либо вырыта тепленка, такая же, какъ въ овинахъ. Она служитъ и для сугрѣва и для просушки одёжи. Дымъ изъ тепленки, поднимаясь кверху струями, стелется по потолку и выходитъ въ единственное отверстіе зимницы. Противъ этого отверстія внизу придѣланы къ стѣнѣ широкія нары. Въ переднемъ углу, возлѣ наръ, столъ для обѣда, возлѣ него скамья и нѣсколько стульевъ, то-есть деревянныхъ обрубковъ. Въ другомъ углу очагъ съ подвѣшанными надъ ними котелками для варева. Вотъ и вся обстановка зимницы — черной,

*) Отверстіе въ потолкѣ или въ стѣнѣ для выхода дыма.

**) Печь безъ трубы.

закоптѣлой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей, что за угаръ такой на свѣтѣ бываетъ... Непривычный человѣкъ недолго пробудетъ въ зимницѣ, а лѣсники ею не нахвалятся: привычка—великое дѣло. И живутъ они въ своей мурьѣ мѣсяца по три, по четыре, работая на волѣ отъ зари до зари, обѣдая, когда утро еще не забрезжило, а ужиная поздно вечеромъ, когда, воротясь съ работы, уберутъ лошадей въ загонѣ, построенномъ изъ жердей и еловыхъ лапъ возлѣ зимницы. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя святки, и широкая масленица, — въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ разбора днямъ... Одинаково работаютъ лѣсники и въ будни и въ праздникъ.

Лѣсопромышленники.

(По Потѣхину.)

Пишу къ вамъ изъ мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, съ крутого берега извилистой, прихотливой въ своемъ теченіи рѣки Керженца. Эта рѣка принадлежитъ почти исключительно Нижегородской губерніи, Семеновскому уѣзду. Лѣса, покрывающіе берега Керженца и его притоковъ, кормятъ большую часть населенія цѣлаго уѣзда. Столичный или степной житель съ трудомъ представитъ себѣ и пойметъ ту глушь и дичь, которая царствуетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, даже теперь, въ настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрѣдили прежнія непроходимыя лѣсныя чащи, привольныя мѣста для медвѣдей и оленей. Изъ большого бойкаго села Воскресенскаго на Ветлугѣ я вздумалъ проѣхать въ Хохалы,—деревню, гдѣ помѣщается лѣсничество Лысковской дачи, прилежавшей къ Керженцу и его притокамъ. Проѣхавши одну станцію по большой торговой дорогѣ отъ Воскресенскаго въ Семеновъ, для сокращенія пути мы свернули на проселокъ, и ѣхали верстъ 25 непрерывнымъ лѣсомъ, не встрѣчая ни одного селенія. Всѣ крестьяне Лысковской

волости занимаются исключительно рубкою лѣса, который потомъ вяжутъ въ плоты и сплавляютъ ихъ до устья Керженца, впадающаго въ Волгу. Это ихъ единственный промыселъ, принятый ими въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и затѣмъ они не знаютъ никакого другого, кромѣ охоты, которою, впрочемъ, занимаются очень немногіе. Въ своемъ единственномъ промыслѣ они дошли до совершенства, и хотя, повидимому, немного нужно искусства, чтобы срубить и обтесать дерево, но нельзя не полюбоваться, съ какой необыкновенной чистотой, посредствомъ одного топора, снимается кора съ дерева: поверхность его остается такъ гладка, какъ у восковой свѣчи,— ни зарубки ни затесинки, все бревно какъ будто отполировано.

Рубка лѣса, какъ извѣстно, производится зимою, и потому все мужское населеніе деревень, занимающихся этимъ промысломъ, какъ только промерзнутъ болота и установится хорошій зимній путь, переселяется въ лѣса и живетъ тамъ до вскрытія рѣкъ въ зимницахъ; въ деревняхъ остаются только бабы да ребятишки. Здѣшній крестьянинъ радъ ранней и морозной зимѣ, ибо чѣмъ длиннѣе зима, тѣмъ больше времени для работы, дающей средства къ существованію.

Мы пріѣхали въ Хохалы около 10 декабря; и узнали, что только за два дня крестьяне имѣли возможность перебраться въ лѣса, и то только самые заботливые и отважные, потому что болота еще не промерзли. Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ видѣть рубку и жизнь этого лѣсного люда. Раньше мнѣ удалось быть въ мѣстахъ, не менѣе лѣсныхъ и глухихъ на Ветлугѣ, но тамъ болѣе жизни, болѣе движенія, болѣе предпріимчивости; тамъ строятся большія суда-бѣляны, на которыхъ сплавляются лѣсныя издѣлія до Дубовки, и рѣдкій изъ тамошнихъ крестьянъ не сплывалъ внизъ по Волгѣ; здѣшній же крестьянинъ, напротивъ, кромѣ своихъ лѣсовъ, своей Черной и Керженца, ничего не видалъ и не знаетъ; единственное окошко, черезъ которое онъ разъ въ годъ смотритъ на остальной міръ Божій—село Лысково, капиталисты котораго скупаютъ лѣсъ, срубленный руками лысковскаго мужика. Лѣсничій на-

шелъ мнѣ извозчика, который довезъ меня къ зимницамъ на Черной.

Мы пріѣхали къ зимницамъ ночью. Въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть внѣшняго вида зимницы; замѣтилъ только, что мы остановились передъ небольшимъ и невысокимъ зданіемъ. Черезъ окошко или, попросту сказать, дыру, въ аршинъ величиною, которая служила окномъ и выходомъ, свѣтился яркій огонь съ теплины, разложенный внутри зимницы, и густыми клубами вылеталъ дымъ. Привѣтливо манилъ къ себѣ этотъ ярко-пылавшій внутри землянки огонекъ и обѣщалъ отраду нашимъ прозябшимъ членамъ.

Я спѣшилъ пробраться къ нему, но съ непривычки это было не совсѣмъ легко; долго приноравливался я, какъ бы пролѣзть черезъ дыру, служившую входомъ, пока не догадался, что сначала надобно просунуть одну ногу, за ней другую, и потомъ, по возможности согнувшись, вдвинуться внутрь всѣмъ тѣломъ. Поступивши такимъ образомъ, я очутился внутри зимницы, но въ ту же минуту долженъ былъ присѣсть, потому что подъ потолкомъ стоялъ дымъ, который захватывалъ дыханіе и невыносимо ѣлъ глаза. Почти ползкомъ сталъ я пробираться по земляному полу тѣсной зимницы, отыскивая какое-нибудь помѣщеніе; отыскалъ у стѣны маленькій древесный обрубокъ и сѣлъ на немъ около огня. Пріятная теплота огня и сухость воздуха мгновенно согрѣли меня, дымъ струился надъ головою, не касаясь ея; я протеръ глаза, изъ которыхъ текли слезы, и свободно уже могъ наблюдать предстоящую картину.

Въ землѣ вырывается яма около аршина глубиною и сажени двѣ квадратныхъ въ окружности. Въ нее запускается соотвѣтствующій мѣрою бревенчатый срубъ, вышиною въ ростъ человѣка. Пола не настилается, потолокъ же выводится изъ бревенъ нѣсколько сводомъ. Въ одной стѣнѣ, вплоть надъ землею, прорубается окно или, вѣрнѣе, дверь около аршина величиною.

Лазейка эта имѣетъ створчатыя дверцы размѣромъ въ вышину на четверть меньше противъ самаго отверстія, для того, чтобы, когда онѣ затворены, оставался свобод-

ный выходъ для дыма поверхъ дверецъ, и въ то же время загражденъ былъ притокъ холоднаго воздуха снаружи, черезъ что зимница скоро нагрѣвается даже отъ малаго количества дровъ. Къ стѣнѣ, противоположной входу, черезъ всю зимницу дѣлаются нары около сажени шириною. На аршинъ отъ нихъ, ближе къ двери, устраивается очагъ слѣдующимъ образомъ: дѣлается небольшой срубъ, въ аршинъ вышиною и аршина полтора шириною, и наполняется до краевъ землею. Этотъ очагъ замѣняетъ печь: на немъ всю ночь непрерывно горитъ огонь, нагрѣвая своею теплотою и дымомъ убогую хату; на немъ же варится пища. Вотъ общій внутренній видъ и устройство зимницы.

На другой день утромъ я разсмотрѣлъ, что по бокамъ зимницы придѣлываются хлѣвы для лошадей, довольно просторные и, кажется, даже болѣе удобные, нежели то помѣщеніе, которое устроилъ человѣкъ для себя. Все это убогое зданіе покрыто одной кровлей, которая выступаетъ впередъ его навѣсомъ; подъ нимъ хранится сѣно для корма лошадей. Въ зимницѣ, которую мы избрали своимъ ночлегомъ, я увидѣлъ человѣкъ шесть, лежавшихъ на нарахъ. Нары были покрыты грязными рогожами, овчинные полушубки служили изголовьемъ, дырявые сѣрые зипуны—одѣяломъ, грязные лапти и онучи висѣли надъ головами на закоптѣлыхъ жердяхъ и валялись между лежавшими. Потолокъ, стѣны, два котелка, въ которыхъ варится пища, были покрыты копотью на палецъ. Лица хозяевъ были черны отъ грязи и дыма. Когда я черезъ четверть часа пребыванія въ зимницѣ дотронулся до лица платкомъ, то увидѣлъ, что на мнѣ лежалъ уже слой копоти. И въ этомъ дыму, въ этой тѣснотѣ, грязи и копоти можетъ жить русскій человѣкъ большую половину жизни!..

Изъ разсказовъ хозяина зимницы оказалось, что вся Лысковская волость или, лучше сказать, весь лѣсной промыселъ по Керженцу—жертва торговаго захвата капиталистовъ села Лыскова. Ни у одного изъ крестьянъ Лысковской волости нѣтъ настолько денежныхъ средствъ и предпріимчивости, чтобы производить выдѣлку лѣса на собственный счетъ, и потомъ, сплавивши плоты до устья Кер-

женца или ниже по Волгѣ, продать ихъ по вольной цѣнѣ. Болѣе зажиточный, большесемейный или смышленый крестьянинъ идетъ въ Лысково къ лѣсопромышленнику и проситъ у него денегъ, обѣщаясь весною выставить ему примѣрно такое-то количество бревенъ. Лѣсопромышленникъ даетъ ему денегъ безъ всякихъ условій, но зато весною, когда плоты пригнаны и когда крестьянинъ проситъ окончательной раздѣлки, онъ, по соглашенію съ такими же другими лѣсопромышленниками, также имѣющихъ своихъ должниковъ, назначаетъ произвольную цѣну и, разумѣется, получаетъ лѣсъ крайне дешево. Точно такъ же и крестьянинъ, забиравшій деньги непосредственно отъ лѣсопромышленника и такимъ же точно порядкомъ раздававшій впередъ другимъ бѣднѣйшимъ малосемейнымъ и менѣе его смышленымъ крестьянамъ, при окончательной раздѣлкѣ старается скрыть настоящую цѣну, которую получилъ отъ хозяина, и норовитъ разсчитать своихъ работниковъ подешевле. Разумѣется, при этомъ, гдѣ капиталистъ обманываетъ бѣдняка на рубли, тамъ бѣднякъ обманываетъ своего бѣднѣйшаго собрата на копейки.

На другое утро я отправился въ обратный путь. Старикъ-хозяинъ вызвался проводить меня. Дорогой, замѣтя мое любопытство, съ которымъ я обо всемъ разспрашивалъ, старикъ обратилъ мое вниманіе на бревна, связанныя въ плотъ.

Плоты здѣсь собираются небольшіе, для удобства сплава по извилистому, неширокому Керженцу. Берутся двѣ длинныя слеги или толстыя жерди, поперекъ ихъ накатываютъ рядъ бревенъ, потомъ сверхъ этого ряда противъ каждой нижней длинной слеги накладываютъ по двѣ короткихъ, но такой мѣры, чтобы концы ихъ, покрывая весь рядъ бревенъ, сходились вмѣстѣ; затѣмъ сначала связываютъ деревянными кольцами внѣшніе концы нижней и двухъ верхнихъ слегъ, а потомъ крѣпко стягиваютъ между собою внутренніе концы каждыхъ двухъ верхнихъ слегъ— плотъ готовъ.

Кольца вьются изъ молодыхъ березокъ довольно оригинальнымъ образомъ. Березку, около дюйма толщиною, распариваютъ на огнѣ, и когда она дойдетъ до извѣстной

степени гибкости, тогда ее, еще горячую, одинъ беретъ въ руки за тонкій конецъ и крѣпко держитъ, а другой за толстый и закручиваетъ около перваго. Такимъ образомъ березка получаетъ такую гибкость, что послѣ того легко свивается въ кольцо.

Ко вскрытію воды всѣ вырубленныя бревна уже свезены къ рѣкѣ и связаны въ плоты. Полая вода поднимаетъ ихъ и уноситъ по теченію.

Когда ни одного плота не осталось уже на мѣстѣ, тогда рабочіе изъ сухоподстойныхъ деревьевъ сплачиваютъ особенный плотъ, называемый харчевымъ, и на немъ отправляются вслѣдъ за уплывшимъ для того, чтобы сопровождать ихъ до самой пристани: столкнуть съ мѣста, если плотъ остановился, вновь собрать и связать, если какимъ-нибудь образомъ разобьется.

Въ этомъ путешествіи тоже немало труда и лишеній. Часто надо бываетъ лѣзть въ холодную весеннюю воду, чтобы столкнуть плотъ съ мели; нерѣдко надо употреблять въ дѣло воротъ или ходить на трубку, какъ выражаются лѣсопромышленники, если плотъ такъ крѣпко засѣлъ въ береговой песокъ, что его нельзя стащить другимъ способомъ. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такимъ образомъ: врываютъ на берегу въ землю стоймя освобожденное отъ сучьевъ бревно, на которое надѣваютъ нарочно приготовленную трубу, сдѣланную также изъ дерева, сердцевина котораго вынута; потомъ весь плотъ обвязываютъ канатомъ, одинъ конецъ этого каната привязываютъ къ толстому рычагу, посредствомъ котораго и начинаютъ завивать канатъ около трубки. Этотъ-то способъ и называется ходить на трубку.

Путешествіе на харчевомъ плоту продолжается нѣсколько недѣль, и потому рабочіе на все это время запасаются провизіей. На немъ устраивается шалашъ и постоянно горитъ теплина.

На ходу онъ ничѣмъ не управляется и плыветъ по произволу воды; употребляются лишь одни шесты для того, чтобы оттолкнуться отъ берега или пристать къ нему.

Такъ живетъ лѣсной дикарь въ суровой нуждѣ и тяжелой, мало-вознаграждаемой работѣ.

Промышленность села Павлова.

(По Мельникову.)

Кому не извѣстны павловскія издѣлія? Почти всякій изъ насъ обѣдаетъ съ павловскимъ ножомъ и вилкою, чинитъ перо павловскимъ ножичкомъ, носитъ платье, скроенное павловскими ножницами, запираетъ свои пожитки павловскимъ замкомъ; съ нѣкотораго времени и бриться стали павловскими бритвами. Сподручно сбывать свои произведенія павловцамъ. Нижегородская ярмарка подъ бокомъ, къ тому же сосѣди ихъ, вязниковскіе и гороховскіе офени, снуя вѣкъ свой вдоль и поперекъ по русской землѣ, доходя до Иркутска и Кяхты, разносятъ въ коробкахъ своихъ павловскія издѣлія и извѣстность села Павлова. Павловскіе замки, врѣзанные въ павловскіе же и макарьевскіе сундуки, идутъ въ Бухару, Хиву, Ташкентъ; даже на границахъ Афганистана находили эти сундуки и видали, какъ дивуются туземцы звону отпираемаго и запираемаго хитростнаго замка павловскаго. Велико это селеніе, широко раскинулось оно по высокому берегу Оки; въ немъ насчитывается болѣе тысячи домовъ, болѣе 700 слесарныхъ верстаковъ, болѣе 7000 населенія; но все-таки одному селу не сдѣлать того огромнаго количества металлическихъ издѣлій, которое ежегодно расходится по бѣлу свѣту подъ названіемъ павловскихъ. Сосѣднее съ Павловымъ село Ворсма и еще тридцать-два селенія Горбатовскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) занимаются приготовленіемъ этихъ произведеній.

Павловскій слесарный округъ занимаетъ до 200 квадратныхъ верстъ. Въ округѣ этомъ заключается до 40 селеній, а въ нихъ болѣе 20,000 жителей, 1,500 пришлыхъ работниковъ. Эти жители работаютъ болѣе чѣмъ на 2,000 верстахъ въ 200 кузницахъ.

Главныя мѣста въ этомъ слесарномъ округѣ Павлово и Ворсма. Павлово не смотритъ селомъ; это городъ и городъ

не рядовой. По высокому, чрезвычайно красивому берегу Оки расположены узкія кривыя улицы, мѣстами мощеныя деревомъ, девять церквей красуются на горѣ; тридцать обширныхъ каменныхъ домовъ, тысяча деревянныхъ городской постройки, усадьбы, обнесенныя дощатыми заборами, кипучая дѣятельность, многолюдные базары, пристань,—все это придаетъ Павлову видъ одного изъ хорошихъ уѣздныхъ городовъ. Народъ здѣсь красивъ, и хотя и бѣденъ, но щеголеватъ; зато здѣсь же рядомъ съ бѣдностью живутъ такіе богачи, какіе и въ городахъ на рѣдкость.

Ворсма въ 12 верстахъ отъ Павлова на большой дорогѣ, послѣ построенія московско-нижегородскаго шоссе называющейся „старою московскою". Оно расположено по косогору надъ рѣкой и широкимъ прекраснымъ озеромъ, разлившимъ свои воды, посреди которыхъ, какъ бы изъ озера, выходятъ бѣлыя стѣны и зданія монастыря Островоезерскаго. Ворсма не такъ красива, какъ Павлово, но такъ же, какъ и оно, имѣетъ городской видъ: улицы широки и прямы, усадьбы обнесены дощатыми заборами, красивыя церкви, сады при красивыхъ домахъ и къ тому же кипучая промышленность. Земля здѣсь суглинистая, мѣстами песчаная, хлѣбъ родится плохо и требуетъ сильнаго удобренія. Въ большихъ селеніяхъ ея къ тому же мало. Землю эту отдаютъ въ кортому немногіе жители, занимающіеся хлѣбопашествомъ. По деревнямъ есть семейства, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ; но и тутъ по зимамъ земледѣльцы садятся за верстаки. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напримѣръ Меленкахъ, Заплатинѣ, Крюковѣ, занимающіеся земледѣліемъ передаютъ заботу о землѣ старикамъ, а сами только недѣли на двѣ въ лѣто оставляютъ верстакъ для пашни. Впрочемъ, землепашество и здѣсь считается выгоднымъ—если исключить изъ общаго количества работниковъ—такъ называемыхъ фабрикантовъ, то-есть тѣхъ, на которыхъ работаетъ бѣдность, останется около 20,000 населенія обоего пола, которое въ потѣ лица своего, при тяжкой работѣ въ круглый годъ, едва вырабатываетъ на свое пропитаніе. Бѣдный работникъ работаетъ на хозяина изъ его матеріаловъ понедѣльно; каждую субботу бываетъ

расчетъ, и онъ получаетъ до 4 рублей. На это онъ долженъ содержать себя и весь домъ, ибо у него нѣтъ хозяйства: и хлѣбъ, и дрова, и одежда — все съ базара. Болѣзнь или другая какая-либо причина остановки работы повергаетъ его въ безысходную бѣдность.

Другой разрядъ работниковъ, которые работаютъ на себя или же по заказамъ фабрикантовъ. Имѣя маленькія деньги, онъ покупаетъ свои матеріалы и продаетъ издѣлія по вольной цѣнѣ скупщикамъ на базарахъ, раздаетъ въ долгъ офенямъ, или сбываетъ богатымъ фабрикантамъ. Въ этомъ разрядѣ рабочаго класса замѣтно довольство; нѣкоторые изъ этого разряда продаютъ свои издѣлія на базарахъ, бывающихъ въ Павловѣ и Ворсмѣ, и сидятъ на мосту на нижегородской ярмаркѣ. Изъ нихъ одни работаютъ своей семьей, а другіе имѣютъ и работниковъ; разбогатѣвъ вслѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, такой мастеровой дѣлается фабрикантомъ. Главные мастера держатъ въ рукахъ своихъ павловскую промышленность, и масса рабочаго класса совершенно зависитъ отъ нихъ. Явленіе то же самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ шуйскихъ и ивановскихъ. Нельзя сказать, чтобы изъ многочисленныхъ мастеровъ Павлова, Ворсмы и другихъ селеній только одни Завьяловъ, Калякинъ, Горшковъ и имъ подобные могли выдѣлывать отличныя издѣлія. Напротивъ, иногда въ бѣдности, въ безысходной нищетѣ, скрывается такой работникъ, который не только не уступитъ первостатейному мастеру, но даже превзойдетъ его. Но у него нѣтъ ни денегъ ни извѣстности, и нужда заставляетъ его кормиться работою на богатыхъ, которые раздаютъ матеріалы изъ выработка. Трудно бѣдняку, продовольствующемуся всѣмъ покупнымъ, трудно ему при ограниченной платѣ за труды выйти изъ толпы работниковъ, завести свою самобытную дѣятельность, самому продавать свои издѣлія и стать на ряду съ первостатейными. У него достанетъ и умѣнья и терпѣнья сдѣлать вещь не хуже той, которая, выходя изъ его же дома въ первоначальной степени отдѣлки, только очищается у богача, гдѣ на него наложатъ пышное клеймо съ государственнымъ гербомъ и именемъ извѣстнаго мастера, и тѣмъ возвысятъ цѣн-

ность въ четыре или пять разъ. Другой и отдѣлалъ бы свою вещь точно такъ же, и ни одинъ самый опытный глазъ не отыскалъ бы разницы въ его издѣліи съ издѣліемъ знаменитаго фабриканта; но при его скудныхъ доходахъ гдѣ возьметъ онъ капиталъ, необходимый и на заготовку матеріаловъ и на собственное обезпеченіе?

Въ Павловѣ и Ворсмѣ выдѣлывается всякаго рода ножевой товаръ, ножницы, кинжалы и шпаги. Оружіе здѣшнее, однако, далеко уступаетъ тульскому. Кромѣ того въ Павловѣ работаютъ молотки, щипцы сахарные и свѣчные, щетки для суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ, замки и прочее. Работаютъ также сундуковъ тысячъ по шести и болѣе, и сбываютъ ихъ на нижегородской ярмаркѣ бухарцамъ и армянамъ. По деревнямъ занимаются выдѣлкою того или другого издѣлія исключительно: такъ, напримѣръ, въ Меленкахъ работаютъ только свѣчные щипцы и замки, въ Вязовкѣ—одни ножницы и прочее.

Кромѣ того въ Ворсмѣ находятся 200 кузницъ для чернодѣльной работы. Работа здѣсь безпрерывная: дѣлаютъ топоры, крестьянскіе ножи и множество ножницъ для стрижки овецъ. Для точенія топоровъ, мотыкъ, долотъ и лопатъ на этихъ кузницахъ находятся двадцать колесъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, и болѣе 30 точильныхъ колесъ для точенія ножей, которые приводятся въ движеніе руками работниковъ. Цѣнность нѣкоторыхъ вещей удивительно низка: такъ, работники деревни Меленокъ продаютъ въ Павловѣ свои щипцы съ прожинками за двугривенный. Есть ножи столовые по 1 рублю за дюжину, перочинные ножи о двухъ лезвеяхъ за дюжину 20 копеекъ. Эти-то ножи отправляются на Востокъ.

Сбываютъ свои произведенія скупщикамъ, которые берутъ товаръ на базарахъ Павлова и Ворсмы; огромные грузы на Окѣ отвозятся ежегодно на нижегородскую ярмарку, гдѣ на мосту и въ особыхъ желѣзныхъ рядахъ вы можете увидѣть огромнѣйшій запасъ павловскихъ издѣлій. Фабриканты продаютъ высшіе сорта въ Москвѣ и въ Петербургѣ; немало вещей раскупается на ярмаркѣ ростовской и въ Малороссіи; вязниковскіе офени развозятъ павловскія вещи повсюду; чернодѣльная работа

Ворсмы идетъ на нижегородскую ярмарку; ножницы для стрижки овецъ въ огромномъ количествѣ отправляютъ въ южныя губерніи.

Нижегородская ярмарка.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Сидорова.)

Всероссійское шумное торжище, привлекая торговцевъ и произведенія всей Россіи, Сибири, Туркестана, Индіи, Кавказа, Персіи, Китая, — увеличиваетъ населеніе Нижняго съ 67 тысячъ душъ до 400 тысячъ и превращаетъ весь городъ въ арену шума, суеты, сутолоки и движенія, доводя обороты до 200 милліоновъ рублей. Въ былыя времена ярмарка была въ Казани, куда съѣзжались торговцы со всѣхъ концовъ Россіи, но въ началѣ 16-го вѣка великій князь Василій IV запретилъ купцамъ ѣздить въ Казань послѣ того, какъ одинъ изъ казанскихъ царей велѣлъ во время ярмарки перерѣзать всѣхъ русскихъ купцовъ. Не привившаяся въ Васильсурскѣ ярмарка была перенесена къ озеру „Желтыя воды“, близъ Макарьевскаго монастыря, гдѣ и были выстроены амбары и ряды. Послѣ страшнаго пожара 1816 года, испепелившаго всю ярмарку, ее перевели въ Нижній Новгородъ. И вотъ на длинной косѣ между Волгой и Окой выросъ удивительный городъ, мертвый и пустой въ продолженіе десяти съ половиной мѣсяцевъ и живущій только въ теченіе ярмарочнаго времени, той безшабашной, туманной, безумной жизнью, которая составляетъ одну изъ величайшихъ достопримѣчательностей Нижняго.

Въ іюлѣ и августѣ Нижній не живетъ, а горитъ. Пароходы и поѣзда подвозятъ новыя и новыя толпы. Это настоящее наводненіе, а тамъ за Окой, на ярмарочной сторонѣ,—столпотвореніе Вавилонское.

Весной разливающіяся воды Волги и Оки топятъ всю косу, превращая этотъ удивительный городъ въ русскую Венецію. Зданія, лавки, амбары, величавый соборъ, гро-

мадный театръ, вое торчитъ изъ моря воды, а по улицамъ ѣздятъ лодки. Такъ странно глядѣть на этотъ мертвый, наводненный городъ съ заколоченными окнами, по улицамъ котораго катятся волны. Вода, поднимаясь иногда на 17 аршинъ, затопляетъ не только ярмарку, но и вышележащее Кунавино у желѣзнодорожнаго вокзала и Нижній базаръ. Со спадомъ водъ выступаетъ все болѣе и болѣе изъ воды этотъ удивительный городъ, и 15-го іюля ярмарка открывается.

Весь ярмарочный городъ, крайне правильно изрѣзанный продольными и поперечными улицами, раскинулся вокругъ стараго и новаго соборовъ и прекраснаго главнаго дома, въ которомъ помѣщается ярмарочная администрація. У самаго собора на площади брызжетъ въ каменной чашѣ фонтанъ, а вокругъ стоятъ красивыя зданія въ китайскомъ стилѣ, съ загнутыми кверху углами крышъ, съ пестрыми стѣнами и цыновками. Здѣсь начинается китайскій рядъ со стѣнами яркихъ цыбиковъ, съ характерными балаганами, въ которыхъ разгружается чай. Сутолока и шумъ здѣсь постоянные. Самое любопытное мѣсто ярмарки — это бульваръ. Здѣсь сутолока царитъ невыразимая. Хотя ярмарка открывается 15-го іюля, но главное ея оживленіе бываетъ въ августѣ; тогда бульваръ представляетъ любопытное зрѣлище. Пестрота публики, невыразимые шумъ и гамъ, разносчики и продавцы у лавокъ, различные экипажи и костюмы, — все вмѣстѣ представляетъ такой любопытный и разноцвѣтный видъ, что не скоро уйдешь отсюда. Тутъ и персы, и китайцы, и русскіе купцы въ длиннополыхъ кафтанахъ, и черномазые кавказцы съ огненными глазами, и проныры-цыгане, и плосколицые азіаты; а въ витринахъ—роскошные бархаты, легкія ткани Востока, пестрые шелки, всевозможные предметы роскоши, хрусталь и бронза, брильянты и фарфоръ. Здѣсь на ярмаркѣ, среди хаоса лавокъ, магазиновъ, бараковъ, амбаровъ, поднимаютъ свои купола красивая татарская мечеть съ своимъ задумчивымъ минаретомъ и рядомъ лежащими караванъ-сараями, и армянская церковь, вблизи большого ярмарочнаго театра.

Надо самому видѣть все это движеніе, царящее здѣсь между Волгой и Окой, чтобы судить о немъ. Мостъ, пере-

вязывающій Оку, совершенно черенъ отъ толпы, запрудившей его. Это безчисленные муравьи, дѣятельно бѣгущіе по проторенной своей дорожкѣ. Все, что можно продать, везутъ сюда, на ярмарку, со всѣхъ концовъ русской земли. Персія прислала громадные мѣшки и ящики миндаля, фисташекъ, изюма, грецкихъ орѣховъ, финиковъ, коринокъ, огромнѣйшіе тюки восхитительныхъ персидскихъ ковровъ, скатертей и туфель. Платки, вышивки, ковры заполняютъ персидскій рядъ, цѣлыя горы шепталы заманчиво лежатъ на каждомъ шагу, а черноглазые персы въ ихъ фескахъ лѣниво-равнодушно сидятъ рядомъ за чашкой кофе. Кавказъ прислалъ своихъ красивыхъ сыновъ въ ихъ обольстительномъ пестромъ облаченіи съ ихъ издѣліями: коврами, серебряными вещами, бирюзой, легкими шелками и другими вещами. Китай привезъ свой чай, который въ пестрыхъ цыбикахъ образуетъ высокія стѣны въ китайскомъ ряду, замѣчательномъ и статуями, изображающими сыновъ Небесной имперіи, и самими продавцами-китайцами. Сибирь привезла мѣха, дорогихъ соболей, песцовъ и снѣжнобѣлыхъ пушистыхъ горностаевъ или чудныхъ бурундуковъ, съ ихъ маленькими полосатыми шубками, возбуждающими особенный восторгъ.

Здѣсь все оптомъ. Яблоки лежатъ пирамидами и продаются телѣгами, гвозди—ящиками и такъ далѣе. Всюду суета, всюду невообразимая смѣсь народовъ, языковъ, національностей. Легіонъ большихъ и мелкихъ торговцевъ, надѣясь зашибить деньгу, тащатся въ Нижній, За купцами съ ихъ приказчиками, и за покупателями и туристами цѣлой оравой плывутъ пѣсенники, плясуны. акробаты, фокусники и звѣринцы, всевозможныя труппы артистовъ и цирки. Всѣ гостиницы, квартиры и комнаты берутся нарасхватъ. Цѣны на все возрастаютъ чуть не втрое.

Мертвый городъ, вымытый весенними водами, совершившими свое великое дѣло дезинфекціи, превращается въ центръ особенно шумной и лихорадочной жизни. Всюду царятъ шумъ и гамъ, всюду обитаетъ долгій веселый праздникъ, всюду блеститъ пузатый самоваръ, безъ котораго не обойдется ни единый купецъ, всюду льются зо-

лотой рѣкой деньги изъ кармана въ карманъ, товары увозятъ горами и обозами, а на ихъ мѣсто подвозятъ новые и новые. Волга и Ока кишатъ отъ судовъ. Безконечные свистки сливаются въ общій разгульный хаосъ, приливающій еще болѣе шума къ общей сутолокѣ. Весь воздухъ дрожитъ отъ несуразнаго концерта звуковъ. Это какой-то кипящій котелъ, попавши въ который, самъ дурѣешь, самъ заражаешься царящей здѣсь лихорадкой и сливаешься съ общимъ ярмарочнымъ настроеніемъ. Словно всѣ эти люди имѣютъ право жить только два мѣсяца въ году, исчезая на остальное время съ лица земли, и стараются въ эти два мѣсяца накричать, нашумѣть и пожить за цѣлый годъ.

Казанскіе татары.

(Лядова.)

Казанскіе татары высокаго роста, стройны, цвѣтъ кожи бѣлый, лицо продолговатое, глаза большіе, черные или сѣрые, носъ съ горбомъ, борода черная. Татарки большею частью средняго роста, довольно полны, держатъ себя такъ же прямо, какъ и мужчины. Молодость ихъ проходитъ скоро оттого, что онѣ рано выходятъ замужъ и портятъ лицо свое различными притираніями.

Казанскіе татары замѣчательно трудолюбивый народъ, и нравомъ больше тихій, дружелюбный. Во всемъ они умѣрены. Они очень гостепріимны. Позвавъ къ себѣ гостя, татаринъ старается обласкать, запоить и закормить его до нельзя. Худое у нѣкоторыхъ изъ нихъ то, что очень ужъ падки на деньги, на барышъ и хитрятъ очень изъ-за этого; попадаются межъ нихъ и хвастуны, очень гордые и чванливые.

Одежда зажиточныхъ татаръ состоитъ изъ шелковаго архалука, перетянутаго широкимъ поясомъ. Поверхъ архалука надѣвается широкій халатъ, обыкновенно свѣтлаго цвѣта. Ноги обуваютъ въ сафьяновые сапоги, а выходя

на улицу, надѣваютъ еще бабуши — родъ калошъ безъ задниковъ. Голова всегда выбрита и прикрыта маленькой шапочкой, вышитой золотомъ и серебромъ. Костюмъ простыхъ татаръ отличается отъ этого только тѣмъ, что поверхъ шапки они обматываютъ кусокъ бѣлаго полотна, а вмѣсто халата носятъ рубашку, вышитую цвѣтной бумагой на рукавахъ и около ворота.

По мѣсту жительства казанскіе татары раздѣляются на городскихъ и деревенскихъ. Жилье городского не отличается рѣзко отъ русскаго, и комнаты зажиточнаго крестьянина уставлены такою же мебелью, какую привыкли мы видѣть у всѣхъ. Деревни татарскія по виду походятъ на русскія, но отличаются отъ нихъ большею опрятностью. Татары имѣютъ обыкновеніе бѣлить печь по нѣскольку разъ въ годъ; избы всегда вымыты; на широкихъ скамьяхъ постланы перины, по стѣнамъ развѣшаны женскія платья, халаты и множество разноцвѣтныхъ полотенецъ, а столы покрыты скатертями съ красными узорами.

Пища небогатыхъ татаръ не разнообразна. Утромъ они пьютъ чай, большею частью кирпичный, съ калачами, а за обѣдомъ ѣдятъ похлебку или болтушку, состоящую изъ воды, въ которой намѣшана мука съ солью. Эта же болтушка подается и къ ужину; еще за обѣдомъ является салма, то-есть крошеное тѣсто съ бараньимъ жиромъ—зимою, а лѣтомъ—кислое молоко, каймакъ (густыя вареныя сливки) и лепешки изъ гречневой муки въ скоромномъ маслѣ. По праздникамъ деревенскіе татары позволяютъ себѣ полакомиться бараниной, а также лошадинымъ мясомъ, которое для нихъ составляетъ самое лакомое блюдо.

Казанскіе татары, подобно русскимъ мужикамъ, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; но между ними, вѣроятно отъ лѣности, образовался классъ людей безлошадныхъ. Такіе татары вовсе не имѣютъ хозяйства, но отдаютъ всю свою пахотную землю и луга въ наемъ. Въ ихъ домахъ живутъ только женщины и ребята, а мужчины нанимаются на заводы или живутъ въ работникахъ у русскихъ мужиковъ. Главнымъ занятіемъ у городскихъ татаръ служитъ торговля. Кто имѣетъ хотя небольшой капиталъ, старается обратить его въ товаръ и ведетъ

мелочную торговлю. Другіе же, владѣющіе значительнымъ капиталомъ, вступаютъ въ торговыя сношенія съ китайцами и персіянами.

Хорошо одаренные отъ природы, казанскіе татары считаютъ образованіе необходимымъ для каждаго, и въ этомъ отношеніи они стоятъ гораздо выше не только русскихъ поселянъ, но и купцовъ. Татаринъ, не знающій грамоты, презирается всѣми. При каждой мечети находится непремѣнно школа. Она состоитъ обыкновенно изъ довольно просторной комнаты, раздѣленной на двѣ ступени; въ ней помѣщается учитель съ учениками, изъ которыхъ каждый имѣетъ ящикъ съ книгами и особую чернильницу. Такъ какъ учитель не можетъ одинъ справиться со своими обязанностями, тѣмъ болѣе потому, что онъ въ то же время исполняетъ должность муллы (священника), то между учениками избирается нѣсколько старшихъ, которымъ поручается надзоръ и обученіе вновь поступающихъ. Поступаютъ въ училище лѣтъ семи или восьми и остаются тамъ не менѣе пяти лѣтъ. Если же кто изъ учениковъ хочетъ со временемъ сдѣлаться муллой, то остается долѣе. Обученіе начинается, разумѣется, азбукой, послѣ которой читаютъ книгу, содержащую извлеченія изъ священной ихъ книги корана, а потомъ занимаются чтеніемъ различныхъ татарскихъ книгъ, заключающихъ разъясненія на коранъ въ стихахъ или прозѣ. Книга, извѣстная подъ названіемъ Мухамедъ-Эфенди, составляетъ окончательный курсъ образованія. Въ ней изложены различныя наставленія, полезныя въ дѣлахъ торговли. Кромѣ чтенія и изученія основаній магометанской религіи, татары знакомятся еще съ арабскимъ языкомъ, насколько это нужно для пониманія корана, а также съ бухарскимъ и персидскимъ, для облегченія сношеній въ торговлѣ. Татарскому языку въ училищахъ не учатъ, на томъ основаніи, что каждый татаринъ долженъ своему языку выучиться отъ матери, а потому и не должно платить за это денегъ учителю. Учитель, вмѣстѣ и мулла мечети, не получаетъ никакого опредѣленнаго жалованья, но довольствуется подарками учениковъ, состоящими изъ муки, меда, чая и небольшого

количества денегъ. Иногда къ большому празднику подарятъ ему халатъ.

Татарки также получаютъ нѣкоторое образованіе, и между ними мало найдется такихъ, которыя бы не умѣли ни читать ни писать. Такое явленіе даетъ право думать, что между татарами женщина пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ на Востокѣ, гдѣ она не больше какъ раба, вполнѣ покорная волѣ своего мужа.

Казанскіе татары — магометане. Во главѣ духовенства стоитъ *муфтій*. Онъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ Уфѣ, получаетъ содержаніе отъ русскаго правительства и признается духовнымъ судьею во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ. Въ зависимости отъ муфтія находятся *ахуны* и *муллы*)*. Послѣдніе обыкновенно выбираются изъ купеческаго сословія и утверждаются въ своемъ санѣ муфтіемъ, но не иначе, какъ по экзамену.

Рамазанъ, или магометанскій постъ, ежегодно справляется въ продолженіе одного луннаго мѣсяца, начинается въ каждый слѣдующій годъ одиннадцати днями раньше предыдущаго. Этотъ праздникъ установленъ въ память ниспосланія алкорана**) на двадцать-шестой и двадцать-седьмой день поста. Въ продолженіе этого поста отъ восхода солнца ни одинъ магометанинъ не имѣетъ права ѣсть и пить. Эта строгость имѣетъ особенно пагубное вліяніе на рабочій народъ, если празднованіе Рамазана выпадаетъ на лѣтнее время и притомъ въ знойное лѣто. Зато отъ захода солнца до разсвѣта каждый имѣетъ право ѣсть и пить сколько кому угодно. Отступленіе отъ поста дозволяется больнымъ и находящимся въ пути, но и это снисхожденіе—болѣе отсрочка и должно быть замѣщено другимъ временемъ года, по пріѣздѣ на мѣсто или выздоровленіи.

Съ появленіемъ новаго мѣсяца, о чемъ оповѣщаетъ мулла, прекращается Рамазанъ, продолжающійся до двад-

---

*) *Ахунъ*—высшее ученое духовное лицо у магометанъ, которому подвѣдомо нѣсколько приходовъ.

Мулла—ученое духовное лицо, магометанскій священникъ.

**) *Алкоранъ*—священная книга магометанъ, содержащая ученіе основателя ихъ религіи.

цати-девяти дней. На другой день его окончанія татары имѣютъ обыкновеніе совершать общее народное моленіе и затѣмъ отправляются всѣ на кладбище, гдѣ прочитываются нѣкоторыя главы изъ алкорана, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе, обоюдное поздравленіе и посѣщеніе.

Другой праздникъ татаръ, Курбанъ, учрежденъ магометанами въ память Авраамова жертвоприношенія. Начало этого праздника опредѣляютъ по полулунію, спустя два мѣсяца послѣ Рамазана. Слѣдовательно и этотъ праздникъ, какъ и предыдущій,—переходящій. Продолжается одиннадцать дней. Наканунѣ Курбана соблюдается постъ, то-есть воздержаніе отъ всякой пищи вплоть до полудня самаго праздника. Съ восхожденіемъ солнца татары собираются въ мечети и совершаютъ богослуженіе, при особенныхъ для этого случая молитвахъ. Затѣмъ каждый изъ домохозяевъ закалываетъ собственноручно у себя дома какое-нибудь мелкое животное; всѣхъ головъ, приносимыхъ въ жертву, должно быть не меньше, чѣмъ членовъ семейства, а крупныя животныя въ видѣ коровы, лошади и даже верблюда приносятся въ жертву вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ. Разрѣзанныя части кладутся въ особо для сего приготовленномъ котлѣ, на чистомъ воздухѣ. По свареніи каждый членъ семьи, мулла и множество бѣдныхъ получаютъ по куску варенаго мяса.

Вотяки.

(Добротворскаго.)

Вотяки — народъ нелюдимый. Они живутъ въ лѣсахъ, вдали отъ городовъ и русскихъ поселеній. По большой дорогѣ вы не встрѣтите ни одной вотяцкой деревни. Сосѣдство съ болотами, туманами и дикими звѣрями лѣсными вотяку больше нравится, чѣмъ сосѣдство съ людьми. Если рядомъ съ нимъ селится русскій, онъ покидаетъ свое родное пепелище, свой домъ, поле и пасѣку и идетъ

дальше въ лѣсъ, строитъ тамъ новую избу и снова обзаводится хозяйствомъ, какъ это для него ни трудно.

Деревни у вотяковъ небольшія. Дома строятся безо всякаго порядка, какъ упало первое бревно. Одна изба стоитъ задомъ на передъ, другая угломъ выходитъ на улицу, третья къ дорогѣ бокомъ поставлена, а иная назадъ, на гумно, отошла, будто спряталась,—боится людямъ показаться.

Кругомъ стоитъ, зеленѣетъ прекрасный строевой лѣсъ. Стоитъ онъ ужъ много-много лѣтъ, стоитъ да дожидается, когда же, наконецъ, человѣкъ вздумаетъ срубить его себѣ на потребу. Идутъ года, проходятъ десятки лѣтъ. Старыя матерыя деревья падаютъ и гніютъ. На ихъ мѣстѣ расцвѣтаетъ новая жизнь, вырастаютъ молодые побѣги. Съ теченіемъ времени и они „выравниваются", становятся большими деревьями, старѣются... А человѣкъ все нейдетъ и не трогаетъ ихъ, хоть и живетъ рядомъ и страшно нуждается въ лѣсѣ.

Въ керкѣ (избѣ) у вотяка грязно, сыро и темно. Печка безъ трубы; во время топки дымъ наполняетъ всю избу. Оттого вотяки часто болѣютъ глазами. Вмѣсто стеколъ, въ окнахъ натянутъ бычачій пузырь, такъ что въ избѣ постоянныя сумерки. Полокъ и полатей въ вотяцкой избѣ нѣтъ. Ни скамеекъ ни стульевъ здѣсь также не найдете. Обѣдаютъ вотяки стоя или сидя на полу. Избы никогда почти не чистятся и не моются. На полу, обыкновенно, нарастаетъ толстый слой грязи. Въ ненастную пору въ избѣ бываетъ такая же слякоть, какъ на улицѣ.

На шесткѣ, въ небольшомъ мѣдномъ или жестяномъ котелочкѣ, постоянно варится тухлая зайчина, до которой вотякъ страшный охотникъ. Отъ этого въ избѣ стоитъ такой смрадъ, что свѣжій человѣкъ, войдя сюда въ первый разъ, легко можетъ упасть въ обморокъ. Кромѣ того, зимою въ избу загоняютъ на ночь весь домашній скотъ, кромѣ лошади.

Спятъ вотяки всѣ въ повалку, на полу—зимою вмѣстѣ со скотиной, съ телятами, коровами, свиньями. „Теплѣе такъ-то", говорятъ.

Трудно и представить себѣ, до чего доходитъ неопрят-

ность и нечистоплотность вотяковъ. Они моютъ свои чашки и ложки въ лохани, надъ которой умываются и изъ которой пьетъ скотина, — вотяку это и горе мало... Не во что вотяку щей налить, онъ не задумается долго, возьметъ изъ-подъ лавки чашку, изъ которой собака и кошка лакали молоко, и ѣстъ изъ нея. Не всегда даже помоями въ лохани сполоснетъ: къ чему дескать? и такъ баско (хорошо).

На чистоту одежды вотяки также мало обращаютъ вниманія и ходятъ вообще грязно и неопрятно. Мужчины по одеждѣ своей мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ крестьянъ: та же шляпа грешневикомъ, тѣ же лапти, тотъ же кафтанъ изъ сѣраго грубаго сукна. Только названія разныя; такъ, полушубокъ по-вотяцки—пашь, зипунъ—дукосъ, онучи—нямыдъ и такъ далѣе. Несравненно удивительнѣе костюмъ женщинъ-вотячекъ. Ихъ сарафаны обшиты по подолу и рукавамъ красною лентой. Передникъ весь расшитъ разноцвѣтными нитками. На шею надѣвается монисто (мольясъ) изъ крупныхъ серебряныхъ монетъ. Въ ушахъ—серьги, а къ нимъ привязаны ленты, унизанныя старинными серебряными рублевиками и полтинниками. Отъ такой тяжести уши безобразно растягиваются и отвисаютъ, особенно у старухъ. Волосы свои вотячки завиваютъ на вискахъ буклями и спускаютъ ихъ по бокамъ въ видѣ гирекъ. Сверху на голову надѣвается айшонъ. Это нѣчто въ родѣ русскаго кокошника, только гораздо выше его; у нѣкоторыхъ щеголихъ онъ бываетъ въ три четверти аршина вышиною. Спереди и сзади айшонъ унизывается сплошь серебряными деньгами или оловянными бляхами и обвѣшивается лентами и кистями.

Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, что вотяки богаты,—далеко нѣтъ. Иногда весь денежный капиталъ семьи заключается въ тѣхъ монетахъ, что бренчатъ на айшонѣ и ожерельи хозяйки. Но монеты эти составляютъ фамильную завѣтную святыню, и какъ ни бѣденъ вотякъ, онъ ни за что не согласится растратить ихъ.

Вотяки очень бережливы и трудолюбивы, но это все-таки не спасаетъ ихъ отъ нужды. Работая круглый годъ, изо дня въ день, то въ лѣсу, то въ полѣ, вотякъ едва-

едва сводитъ концы съ концами. Да и какъ сводить! Обыкновенно пищей его въ будни служатъ рѣдька, зайчина и сезъ-пыжъ—овсяная мука, размѣшанная въ квасу. Въ праздники этотъ столъ пополняется тухлою кониной или другимъ какимъ-нибудь не менѣе вкуснымъ блюдомъ. Вообще, вотякъ не прихотливъ на пищу, не разборчивъ и ѣстъ всякую гадость. Вотякъ и радъ бы ѣсть постоянно хорошій хлѣбъ, да нужда-то злодѣйка заѣла его совсѣмъ... Онъ и то изловчается выжимать изъ природы все, что только позволяютъ ему силы его знанія. На всемъ онъ норовитъ съэкономить и обойтись безъ покупки, извернуться собственными домашними средствами. Онъ самъ и кузнецъ, и плотникъ, и столяръ, и портной. Самъ все сдѣлаетъ, починитъ и исправитъ, никому не поклонится. Ложки, чашки, столы, лыжи, сани,—все это у него самодѣльщина. Изъ бересты онъ дѣлаетъ умывальники, солонки, чашки. Самъ валяетъ себѣ шляпу изъ овечьей шерсти, самъ плететъ лапти, приготовляетъ сукно, шьетъ шубу и зипунъ, самъ устраиваетъ соху и борону, дѣлаетъ изъ мочалъ сбрую для лошади. Понадобится ему выкрасить холстъ, онъ выпаритъ ивовую кору, и у него получается желтая или красная краска. Мыла онъ также не покупаетъ; вмѣсто него вотякъ употребляетъ ошурки или телячьи кишки.

Вы смѣетесь? Смѣйтесь, пожалуй. Вы еще не знаете, должно быть, не видывали, какъ нужда на обухѣ рожь молотитъ.

Даже дѣти у вотяковъ — и тѣ никогда не покупаютъ себѣ игрушекъ. Они сами дѣлаютъ себѣ свистульки и мячики, сами мастерятъ салазки и ледянки. Съ базара имъ ничего не нужно.

Лѣчатся вотяки тоже исключительно своими домашними средствами. Роль доктора въ семьѣ вотяка справляетъ женщина. Вотячки знаютъ цѣлебныя свойства многихъ травъ и растеній и лѣчатъ ими.

Разсчетливъ вотякъ до невѣроятности. На охотѣ за бѣлками, рябчиками и другою мелкою дичью вотякъ заряжаетъ ружье одной или двумя дробинками, никакъ не болѣе. Да и эти дробинки у него никогда не пропадаютъ.

Онъ стрѣляетъ прекрасно, почти никогда не даетъ промаха, и когда станетъ снимать шкурку, то ужъ непремѣнно найдетъ ихъ,—всю бѣлку по кусочкамъ распластаетъ, а все-таки найдетъ и снова употребитъ ихъ въ дѣло.

Но какъ ни бережливъ вотякъ, а нужда все-таки допекаетъ, одолѣваетъ его...

Если вы хотите узнать народъ, — вслушайтесь въ его пѣсни. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь народа, его характеръ, вѣрованія и взгляды. У вотяка пѣсенъ, собственно говоря, нѣтъ. Онъ ихъ сочиняетъ въ то время, когда пѣть начинаетъ. Что видитъ передъ глазами, про то вотякъ и поетъ. Увидитъ зайца—и затянетъ: „Заяцъ бѣжитъ, заяцъ убѣжалъ! ой, хитрый, убѣжалъ!“ Замѣтитъ старый лапоть на землѣ — и про лапоть поетъ: „Лапоть лежитъ, ой-ду-ду лежитъ, а моя лошадь бѣжитъ!“

Въ своихъ пѣсняхъ вотякъ не знаетъ веселыхъ напѣвовъ. Напѣвъ его пѣсенъ тихій и унылый. Въ нихъ слышится грусть, глубокое безысходное горе. Даже на пирахъ своихъ и на попойкахъ вотякъ не поетъ веселыхъ пѣсенъ.

Тѣмъ же безотраднымъ характеромъ запечатлѣны и всѣ молитвы вотяка. Въ нихъ нѣтъ ни поэзіи, ни чувства. Одно только горькое сознаніе собственнаго ничтожества и жалостная просьба о кускѣ насущнаго хлѣба—и ничего болѣе.

Бѣдность, невѣжество и даже кумышка*) не мѣшаютъ вотякамъ быть добрыми и честными. Честность ихъ вошла даже у русскихъ въ пословицу. „Нынѣ право-то у Бога на небесахъ да у вотяка въ лѣсахъ“, говорятъ русскіе. Вотяку всегда вѣрятъ на-слово, зная, что онъ ни въ какомъ случаѣ не обманетъ. Воровъ среди вотяковъ совсѣмъ нѣтъ. Замки, запоры стали вводиться у нихъ только въ недавнее время.

Между собою вотяки живутъ дружно, любовно. Они во всемъ помогаютъ другъ другу деньгами, работой, разумнымъ дружескимъ словомъ. Безъ совѣта сосѣдей вотякъ не рѣшается ни на какое дѣло. Случится ли у него нужда

---

*) Кумышка—горькая водка, имѣющая опьяняющее и одуряющее свойство, которую вотяки гонятъ изъ овса.

какая, или просто задумаетъ что-нибудь, вездѣ и всегда онъ прибѣгаетъ къ сосѣдямъ за помощью и совѣтомъ. Въ вотяцкихъ деревняхъ нѣтъ ни очень богатыхъ крестьянъ, у которыхъ сундуки ломятся отъ добра разнаго, ни такихъ бѣдняковъ, которымъ бы негдѣ было преклонить голову. Достатки у всѣхъ равные, всѣ живутъ одинаково. Тотъ же миръ и любовь царятъ и въ семьѣ вотяка. Въ дому у нихъ никогда не слышно ругани. Мужъ не бьетъ и не тиранитъ своей жены, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ среди русскихъ крестьянъ. Женщина здѣсь вполнѣ равноправна съ мужчиною. Она завоевала себѣ независимость своимъ трудолюбіемъ. Вотячка работаетъ ничуть не меньше мужа, даже, пожалуй, — больше его, если принять во вниманіе, что, кромѣ полевыхъ работъ, на ней лежитъ еще все домашнее хозяйство. Она отлично управляется съ сохой и бороной, коситъ не хуже мужика и лихо ѣздитъ верхомъ. Кромѣ того, она семейный докторъ и казначей, такъ какъ вотякъ на себя не полагается и отдаетъ всегда деньги на храненіе женѣ. Живутъ вотяки большими семьями, иногда человѣкъ по тридцать или сорокъ въ одномъ домѣ, и живутъ всегда ладно, въ добромъ согласіи. Когда въ одной избѣ становится тѣсно, то расходятся по разнымъ дворамъ, но имущество при этомъ остается все-таки общее. Иногда цѣлыя деревни соединены между собой такимъ братскимъ союзомъ. Здѣсь всѣ работаютъ на одномъ полѣ, всѣ вмѣстѣ жнутъ, пашутъ, косятъ, всею артелью ходятъ на охоту, дѣлятъ хлѣбъ и добычу поровну, безъ обиды. Въ нашъ самолюбивый вѣкъ отрадно какъ-то встрѣтить въ глухихъ и далекихъ сѣверныхъ лѣсахъ такую апостольскую общину.

Представленіе о загробной жизни Вотяковъ.

(Изъ очерка Богаевскаго.)

Вотяки вѣруютъ въ то, что умершіе ведутъ совершенно такую же жизнь; мало того, вотяки представляютъ себѣ своихъ умершихъ, имѣющими и за гробомъ тотъ же внѣшній видъ, какой имѣютъ живые люди. Покойники, думаютъ они, нуждаются въ той же пищѣ и одеждѣ, одержимы тѣми же страстями и желаніями, что и живые люди. Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай, бывшій лѣтомъ 1887 года въ одномъ изъ селъ Сарапульскаго уѣзда. Умершему мальчику были положены въ гробъ тѣ книги, по которымъ онъ занимался въ сельской школѣ. Родители этого мальчика на вопросъ учителя, зачѣмъ они уничтожаютъ казенное добро, простодушно оправдывались, что покойнику необходимо на томъ свѣтѣ имѣть книги, чтобы продолжать свое ученье. То обстоятельство, что, по воззрѣніямъ вотяковъ, каждый умершій продолжаетъ свои земныя занятія, работая надъ привычными ему предметами, подтверждается слѣдующимъ повѣрьемъ. Обыкновенно, если пропадетъ корова или лошадь, и пропажа долго не находится, предполагаютъ, что этихъ животныхъ утащили покойники. „Если лошадь пропадетъ, говорили вотяки, то виноватъ мужчина-покойникъ; если же пропадетъ корова, виновата женщина-покойница. Человѣческая природа покойника сказывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда во время поминокъ покойника приглашаютъ париться въ баню. „Айда, старики, въ баню, париться будемъ, мойтесь, очищайтесь!“ Наконецъ, весьма ярко сказывается человѣческая природа покойниковъ въ пожеланіяхъ умершимъ парнямъ и дѣвушкамъ пожениться на томъ свѣтѣ.

Снискивая себѣ пропитаніе, духи умершихъ будто бы блуждаютъ и, вѣроятно, во время блужданій они производятъ надъ людьми тѣ преслѣдованія, противъ которыхъ

вотяки въ молитвахъ, обращенныхъ къ покойникамъ, говорятъ: „На томъ свѣтѣ живи хорошо: *сзади и спереди не хватай, не гоняйся*".

Родственныя связи, по вѣрованію вотяковъ, не прерываются и за гробомъ. „Большая часть вотяковъ держится такого мнѣнія, что на томъ свѣтѣ души людей одного колѣна живутъ вмѣстѣ, составляя какъ бы одну общую семью, во главѣ которой находится патріархъ или родоначальникъ племени. Если кто жилъ на землѣ не мирно, былъ сварливъ, буянъ, тотъ не будетъ принятъ въ общую семью, подъ главенство патріарха" *). На совмѣстную загробную жизнь родственниковъ также указываетъ слѣдующій обрядъ при погребеніи. Когда умершаго одѣнутъ, то обыкновенно въ головахъ его ставятъ стулъ, на который кладутъ берестяную коробку. Въ нее бросаютъ яйца и говорятъ, перечисляя всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ родныхъ: „Принимайте теперь въ товарищи этого умершаго".

Связь покойныхъ предковъ съ потомками выражается въ вѣрованіи нѣкоторыхъ вотяковъ въ то, что душа новорожденному дается предками.

Сознаніе родственной связи между предками и потомками сказывается и въ одной молитвѣ, гдѣ говорится умершему: „Прежде поѣшь, а потомъ уходи, *да не далеко*: береги нашъ домъ, сохраняй скотину".

Обязанность поддержанія потомками загробнаго существованія предковъ можетъ быть отчасти объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что первые обязаны своимъ имущественнымъ благосостояніемъ послѣднимъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить обычай, по которому всякая вышедшая замужъ вотячка обязана принести по смерти ея родителей въ жертву имъ голову и ноги коровы. Одинъ вотякъ объяснилъ мнѣ это тѣмъ, что вышедшая замужъ получила приданое изъ своей прежней семьи и въ благодарность за это должна почтить своихъ родителей.

По большей части заботы о покойныхъ сводятся къ ихъ

*) Изъ ст. г. Верещагина.

кормленію. Вотяки приносятъ на могилу къ своимъ покойникамъ совершенно ту же пищу, что употребляютъ они сами: хлѣбъ, говядину, масло, пиво, кумышку и водку.

Въ прежнее время вотяки приносили покойникамъ и человѣческія жертвы. „О поминкахъ у вотяковъ есть слѣдующее преданіе. Они говорятъ, что въ старые годы, то-есть еще до покоренія ихъ, совершались осеннія поминки другимъ ужаснымъ образомъ: поминки были всегда въ одной избѣ, у самаго старшаго и добрѣйшаго старика въ деревнѣ, и по окончаніи поминокъ старикъ добровольно отдавалъ себя на жертву... Его убивали и хоронили всею деревней, какъ праведника... Заколоть на поминкахъ человѣка въ древнія времена считалось самымъ священнымъ обрядомъ. Наканунѣ совершенія этой ужасной жертвы вотяки въ продолженіе цѣлаго дня ничего не ѣли и проводили цѣлый день на молитвѣ, не говоря между собою ни слова...“*)

Итакъ вотякъ смотритъ на покойниковъ-родственниковъ, на покойныхъ предковъ, какъ на покровителей своей семьи, стоящихъ на стражѣ его благосостоянія, но требующихъ и себѣ постояннаго благоугожденія, почтительности и заботъ. И предки и потомки живутъ одною жизнью и взаимно связаны другъ съ другомъ обязанностью поддерживать другъ друга.

Черемисы.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ этнографа).

Черемисское племя выросло, воспиталось среди лѣсовъ и теперь еще любитъ лѣса, а такъ какъ ихъ много вырублено, то черемисы разводятъ деревья на своемъ дворѣ, на улицѣ. Кудрявая береза, калина—любимица черемиса; его домашняя зелень обнесена крѣпкимъ плетнемъ. Передъ березой черемисъ благоговѣетъ изстари; она его освѣщаетъ, согрѣваетъ; ея бѣлая кора украшаетъ крыши его

*) Изъ ст. г. Фуксъ.

домовъ, служитъ домашнею посудой, утварью; изъ ея бересты его дѣды и прадѣды носили высокія шапки, въ видѣ бураковъ.

Черемисъ,—земледѣлецъ ли, скотоводъ, пчеловодъ,—лѣсникъ; лѣсъ его святилище, тамъ всѣ его боги—Керемети, тамъ его моленья. Вся природа олицетворена имъ въ видѣ разныхъ боговъ: Кереметей, Вадышей, съ главою ихъ Юмой. Въ понятіяхъ черемиса-язычника и злые и добрые боги могутъ быть полезны, если давать имъ питье, ѣду, коней, коровъ, овецъ, потому что его боги живутъ тѣми же потребностями, какими живетъ и онъ. Въ послѣднее время разнымъ богамъ своимъ черемисъ приноситъ жертвы изъ тѣста въ видѣ коней, овецъ, коровъ, взамѣнъ настоящихъ, и бросаетъ ихъ по клочкамъ на священныхъ мѣстахъ частныхъ и общихъ моленій. Народъ этотъ крайне разсчетливый, не увлекающійся, у него нѣтъ пѣсенъ, гдѣ бы изливалось его чувство. Веселъ ли черемисъ, печаленъ ли, пляшетъ ли или плачетъ, его душа откликается въ одинаково тоскливомъ, тягучемъ: „а-а-а, о-о-о“, безъ всякихъ словъ. Вотъ молитвы черемиса-язычника при его жертвоприношеніи Кереметю; онѣ ясно обрисовываютъ бытъ, понятія и религіозныя чувствованія черемиса:

„Кто Богу принесетъ жертву, тому спасенья дай: въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ, а въ деньгахъ счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай. Птицъ и звѣрей ловить счастье дай. Дай Богъ счастья взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай. Какъ хмель пухлявъ и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастья дай. Какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ меня жить сподоби и счастьемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно жить счастье даруй. Дай намъ обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хохотать“.

Все это вычитывается черемисами въ какомъ-нибудь священномъ для нихъ лѣсѣ, стоя на колѣняхъ, въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ, обшитыхъ красною оторочкой. Старикъ-мужанъ въ это время, стоя у временно поставленнаго сто-

ла въ бѣломъ длинномъ балахонѣ и высокой берестовой шапкѣ, кадитъ зажженною головней. Онъ приноситъ тутъ же въ жертву лошадь, барана, корову,—со словами: „прими любезно“, разбрасываетъ кусочки мяса, понемногу отъ каждаго члена животнаго. Молящіеся отщипываютъ кусочки отъ принесенныхъ домашнихъ лепешекъ изъ тѣста и, бросая по сторонамъ, тоже приговариваютъ: „прими любезно“, отливаютъ немного на землю пива, сыченаго меду для питья богамъ. Шкуры жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ на дерево. Моленіе окончено, и черемисы спокойно расходятся. Такъ черемисы молятся въ маѣ, іюнѣ и позднею осенью.

Родится въ семьѣ черемиса ребенокъ, приглашается тотъ же старикъ-мужанъ (онъ же ворожникъ). Опять на немъ бѣлый балахонъ и высокая берестовая шапка; онъ высѣкаетъ надъ младенцемъ искру за искрой огнивомъ изъ кремня, приговаривая разныя общеупотребительныя имена: при которомъ имени загорится трутъ, положенный на кремень, то имя и нарекаютъ. Если нѣтъ подъ руками трута, огнива, кремня, то мужанъ беретъ плачущаго младенца на руки, качая его, перебираетъ имена до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ плакать; послѣднее имя, произнесенное передъ этимъ ворожникомъ, и дается дитяти. Нѣтъ ворожника, это можетъ сдѣлать всякій старый человѣкъ.

Ворожникъ играетъ главную роль и на черемисскихъ свадьбахъ: онъ соединяетъ рука съ рукой брачущихся, прося Юму надѣлить ихъ всякимъ благополучіемъ, при чемъ приносятся въ жертву богамъ частички жареной курицы, молочной яичницы и отливается пиво. Все это подбрасывается трижды вверхъ къ потолку; если же моленіе совершается на дворѣ — на крышу клѣти. И всѣ предстоящіе возглашаютъ: „Юма, самый старшій Юма, сохрани и благополучіе подай; дай богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько въ полотенцѣ нитокъ, сколько въ лѣсу листьевъ, столько лѣтъ дай имъ жить, играть и смѣяться“. Затѣмъ молодыхъ сажаютъ подъ священную кудрявую березу, и идетъ пиръ; пиръ начинается тѣмъ,

что молодые отвѣдываютъ одну общую лепешку въ знакъ своего союза. Тутъ отецъ молодой даетъ своей дочери трость-хранительницу — березовую палку. Остатокъ лепешки и трость уносятъ въ шалашъ на дворѣ, гдѣ палка втыкается въ землю. Въ этой шалашевой перевяти черезъ нѣсколько дней молодая приноситъ жертву родительскимъ богамъ: одного барана, двухъ утокъ, пряники изъ тѣста: коровъ, быковъ, лошадей, зайцевъ, утокъ и прочее.

Черемисы вѣрятъ въ безсмертіе духа и будущую жизнь рисуютъ себѣ такой же, какъ и на землѣ, съ тѣми же потребностями, съ какими они заснули вѣчнымъ сномъ. Покойника одѣваютъ въ полный черемисскій костюмъ, даже рукавицы на рукахъ и въ карманѣ кошелекъ съ деньгами, чтобы было чѣмъ откупиться, въ пазухѣ—сдобныя лепешки, съ боковъ склянки съ пивомъ и разныя вещи домашняго обихода: кнутъ, холстъ на рубаху, заплетенный лапоть съ лыками и кочедыкомъ и прочее. Это для того, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался и не приходилъ опять на землю. О покойникахъ черемисы рѣдко и мало плачутъ, и родня не провожаетъ ни въ церковь ни на кладбище. Хозяйка, отпуская изъ дома тѣло покойника, бросаетъ ему вслѣдъ раскаленный камень, чтобы онъ не посѣщалъ ихъ никогда. Поминки бываютъ въ третій, седьмой и сороковой день, а равно и въ четвергъ на Страстной недѣлѣ и въ семикъ, чтобы покойникъ не голодалъ на томъ свѣтѣ и не вздумалъ бы посѣтить своихъ родныхъ.

Черемисъ принадлежитъ къ финскому племени, по натурѣ мраченъ и молчаливъ. Чувство лѣсной красоты едва ли не единственное проявленіе чувства любви къ прекрасному. Ему только хорошо среди лѣсной трущобы, со всѣхъ сторонъ сдавленной огромными дубами, темной отъ густой листвы вершинъ, хорошо на веселой полянѣ, окруженной кудрявымъ березникомъ, облитой солнцемъ; но онъ не сложилъ ни одного стиха про лѣсную пустыню, не спѣлъ про свой лѣсъ ни одной пѣсенки. Ему хорошо въ лѣсу такъ, что и выходить бы оттуда не хотѣлось. Черемисъ энергиченъ, предпріимчивъ, живо усвоиваетъ все, что

идетъ на пользу его быта; онъ хорошій хозяинъ — скопидомъ, у котораго и изба опрятна и богата, и поля хороши, и меду и домашней скотины вдоволь. Деревни черемисовъ большею частью стоятъ въ темныхъ лѣсахъ, почти всегда при рѣкѣ, въ удобномъ мѣстѣ; это указываетъ на давнее населеніе страны. Одежда мужчинъ состоитъ изъ долгаго бѣлаго балахона съ красною оторочкой и высокой берестовой шапки. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ.

Весенній черемисскій праздникъ.

(Изъ сочиненія Смирнова.)

Первый весенній праздникъ черемисовъ—Ага-Пайремъ сопровождается цѣлымъ рядомъ увеселеній: молодежь состязается въ бѣгѣ и скачкѣ, катаетъ яйца, качается на громадныхъ качеляхъ, которыя устраиваются около деревень. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ состязанія въ бѣгѣ происходятъ непосредственно по окончаніи жертвоприношенія и пира. Старики уходятъ впередъ и останавливаются у деревенской околицы; молодые мужчины и парни остаются нѣкоторое время въ рощѣ, затѣмъ вытягиваются въ рядъ и бросаются бѣжать по направленію къ деревнѣ. Тому, кто добѣжитъ первый, дается полотенце и десятокъ яицъ; второй призъ состоитъ изъ полотенца и пяти яицъ; третій—изъ пяти яицъ; четвертый — изъ трехъ яицъ; пятый — изъ одного яйца. На гумнахъ въ теченіе всего праздника играютъ въ яйца мячами, чтобы посѣянный хлѣбъ выросъ зернистый и полный какъ яйцо. Въ Пермской губерніи Ага-Пайремъ сопровождается своего рода сценическими представленіями. Забравши съ собой праздничныхъ кушаньевъ, пива и вина, черемисы уходятъ вечеромъ въ четвергъ на гору, раскладываютъ огни и устраиваютъ представленія. Одни берутъ на себя роль

судьи, исправника, станового, сотскаго, другіе—истцовъ, третьи — разнаго рода отвѣтчиковъ: воровъ, пьяницъ. Происходитъ словесное судопроизводство. Судья произноситъ приговоръ, и его немедленно приводятъ въ исполненіе, въ шутку наказывая виновнаго. Рядомъ съ состязаніемъ въ бѣгѣ у пермскихъ черемисъ происходятъ состязанія въ борьбѣ и скачкѣ. Призами служатъ не полотенца и яйца, а платки, которые спеціально для этого приносятъ молодыя женщины, вышедшія въ этотъ годъ замужъ. У казанскихъ черемисъ скачка на лошадяхъ слѣдуетъ за лѣтними праздниками—сюремомъ. Назначается опредѣленное мѣсто въ полѣ, гдѣ должно совершаться моленіе и общественное торжество; сюда изъ деревни выносятъ столы и на нихъ разставляютъ кушанья, съѣзжаются на телѣгахъ и верхами черемисы изъ ближайшихъ деревень. Въ то время, какъ совершаютъ надъ принесенными кушаньями моленіе, молодежь начинаетъ скачку. Верховые отъѣзжаютъ на версту и болѣе отъ мѣста моленія и скачутъ оттуда назадъ. Скачка продолжается все время, пока идетъ пиршество. Чтобы лучше видѣть состязаніе, публика встаетъ на телѣги, тарантасы и прясла. Призовъ здѣсь не даютъ: единственной наградой хорошей лошади и ловкому ѣздоку является похвала зрителей.

Самарскія степи.

(Рагозина.)

Самара лежитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга круто заворачиваетъ вправо, гдѣ ея теченіе принимаетъ направленіе отъ востока къ западу. Пройдя въ этомъ направленіи около 100 верстъ, Волга поворачиваетъ возлѣ Сызрани прямо на югъ и течетъ дальше къ Хвалынску, Вольску и Саратову.

На этомъ пространствѣ нагорный берегъ Волги богатъ деревнями, построенными во многихъ мѣстахъ не дальше какъ на сто саженъ отъ рѣки, часто на скатѣ горы, иногда на вершинахъ живописныхъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Жигулевскихъ.

Лѣвый берегъ — луговой или низменный, съ перваго взгляда кажется совершенно пустыннымъ; на немъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одной деревушки, ни одного дома ближе десяти верстъ отъ Волги, потому что во время половодья Волга покрываетъ всѣ низменныя мѣста вплоть до степи. Эта полоса, отъ пяти и до десяти верстъ и болѣе въ ширину и много сотенъ верстъ въ длину, покрыта необыкновенно сочными и поемными лугами. Трава по поясъ взрослому человѣку, густая, мягкая; идешь по ней—ноги путаются, а ляжешь отдохнуть—сердце радуется. А кругомъ свистъ, гулъ и трескотня безчисленныхъ насѣкомыхъ. Посвистываетъ перепелка, трещитъ коростель; вотъ онъ подходитъ ближе, вотъ уже затрещалъ и у васъ надъ самымъ ухомъ и вдругъ, увидя васъ, притихъ, и только слышно, какъ онъ, убѣгая въ испугѣ, шелеститъ мягкой травой.

Но поемные луга не вездѣ сплошные. Во многихъ мѣстахъ есть углубленія, въ которыхъ остается вода, и тутъ образуются длинныя озера, поросшія непроходимо-частымъ ивовымъ кустарникомъ. Во многихъ мѣстахъ Волга пускаетъ отъ себя длинный рукавъ въ сторону; обыкновенно эти воложки или маленькія волги довольно мелки; многіе притоки можно переѣзжать въ бродъ, другіе гораздо глубже, и надо хорошо узнать мѣстность, чтобы, переѣзжая, не утопить въ воложкѣ лошадей. Вездѣ берега покрыты очень частыми кустами, сажени въ полторы или двѣ вышиною, и очень рѣдко попадаются между ними тамъ одна, а тамъ двѣ-три старыя узловатыя ивы. Въ немногихъ мѣстахъ есть длинныя возвышенія, покрытыя лѣсомъ, называемыя *гривами*. Воздухъ надъ поемными лугами, или займищами, оживленъ безчисленнымъ множествомъ чаекъ и мартышекъ, которыя иногда цѣлыми стадами вьются надъ воложками и озерами и отнимаютъ одна отъ другой

пойманную рыбу, кричатъ, стремглавъ падаютъ одна за другою въ воду вслѣдъ за упавшею добычей; потомъ опять поднимаются, крутятся въ воздухѣ тѣснымъ клубомъ и вдругъ, когда который-нибудь удастся наконецъ проглотить рыбку, всѣ спокойно разлетаются въ разныя стороны. Только одна которая-нибудь, можетъ-быть, самая обиженная, изрѣдка покрикиваетъ сердито и жалобно.

На воложкахъ и озерахъ водится множество дикихъ утокъ, которыя тамъ вовсе не дики. Охотникъ спокойно подходитъ къ нимъ на полвыстрѣла, даетъ имъ отплыть и, когда онѣ удобно расположаться, стрѣляетъ въ самую гущу стада. Мѣстами изъ кустарника быстро взлетаетъ огромный снѣжно-бѣлый пеликанъ; а тамъ, на ужасающей высотѣ, распластавъ крылья, величественно плаваетъ въ воздухѣ беркутъ, бѣлоголовый орелъ.

Тамъ, гдѣ кончаются поймы, куда ужъ не заходитъ вода Волги въ весенній разливъ, начинаются степи — еще богаче, еще великолѣпнѣе займищъ. Въ степи воздухъ несравненно суше, и трава хоть не такая густая и сочная, какъ на поемныхъ лугахъ, зато цвѣтовъ тамъ гораздо больше. Волга въ иной годъ долго не сходитъ, такъ покамѣстъ поймы еще мокнутъ подъ водой, степь давно уже расцвѣла; тамъ утки выжидаютъ еще, чтобы изъ воды выглянули *сырты* и *гривы**), а тутъ перепелки выводятъ птенцовъ и немолчнымъ крикомъ своимъ день и ночь наполняютъ воздухъ.

Никакіе драгоцѣнные ароматы не сравнятся съ благоуханіемъ нашихъ степей, и всякая человѣческая музыка уступитъ въ звучности и разнообразіи чудному вечернему ихъ говору.

Много разъ мнѣ случалось странствовать по степи.

„Вези меня, ямщикъ, только не по большой пыльной дорогѣ, а по заросшей травою тропѣ, дальше, дальше, все въ степь!“ Кони мчатся все вихремъ, дорога глаже всякаго шоссе, степь раскрывается въ обѣ стороны шире и шире и охватываетъ меня своими мощными объятіями.

---

*) *Сырты и гривы*—возвышенія, поросшія зарослью.

Вотъ снѣгурка, прехорошенькая птичка, бѣгаетъ по дорогѣ и суетливо что-то подбираетъ; вотъ лошади почти наѣхали на нее; она быстро вспорхнула и перенеслась шаговъ на сто впередъ, и торопится подбирать свой кормъ на дорогѣ, а тамъ опять изъ-подъ ногъ лошадей вспархиваетъ и летитъ дальше. Вотъ въ двухъ шагахъ отъ дороги сидитъ пиголица съ тоненькимъ прелестнымъ хохолкомъ и вѣжливо даетъ проѣхать тройкѣ. Вотъ пронеслись дружною семьей и въ одинъ мигъ обогнали быстрыхъ лошадей горлицы. Вотъ поднимается изъ травы, распустивъ свой красивый хвостъ, дикій голубь, или вяхирь; а тамъ надъ стадомъ овецъ носится и перелетаетъ стая скворцовъ въ нѣсколько сотъ; перепелки, никогда не показываясь изъ травы, на каждомъ шагу встрѣчаютъ и провожаютъ проѣзжаго своимъ свистомъ. Быстро мчится тарантасъ; а проѣзжій, спокойно покачиваясь на его длинныхъ дрогахъ, едва успѣваетъ слѣдить глазами за мелькающимъ ковылемъ, за кустами дикой вишни, за голубыми и малиновыми цвѣточками.

Но вотъ въ сторонѣ, на небольшомъ *сырту*, или на возвышеніи, множество мельницъ; подъѣзжаемъ ближе—село. Дома большіе, крѣпкіе. Земля здѣсь добрая, хорошо родитъ пшеницу и щедро вознаграждаетъ трудъ пахаря. Каждый крестьянинъ держитъ лошадей десять, иной и двадцать; есть такіе, у которыхъ и по сорока и по пятидесяти лошадей.

Но вотъ деревня промелькнула, и проѣзжій опять погружается въ безграничную степь. И, кажется, что тутъ хорошаго! Ни деревца нигдѣ, ни кустика, все равнина да равнина, и конца ей не видно; но въ этой безконечности, при быстрой и продолжительной ѣздѣ, и есть что-то обаятельное, чарующее, отъ чего голова кружится.

Сарепта.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Сидорова.)

Пароходы, оставивъ Царицынъ, плывутъ по послѣднему астраханскому плесу, совсѣмъ не похожему на все остальное теченіе могучей рѣки, и кажется, что это не Волга, что плывешь по другой рѣкѣ, ничего не имѣющей общаго съ русской могучей красавицей. Горы исчезли, отбѣжали отъ Волги и пропали въ знойной степи. Безплодныя, необозримыя равнины раскинулись во всѣ стороны; низкіе песчаные берега падаютъ въ рѣку унылыми, скучными обрывами. Кое-гдѣ шумятъ камыши, разросся тальникъ да торчатъ осоки. Жара и духота съ каждой минутой дѣлаются нестерпимѣе, полное безвѣтріе, вслѣдствіе котораго рѣка катится, какъ зеркало, безъ малѣйшей зыби, дѣлаетъ духоту въ теченіе дня ужасно томительной, а однообразіе берега убиваетъ всякій интересъ.

Нашъ пароходъ подошелъ къ пристани у высокаго, глинистаго, прокаленнаго и покрытаго трещинами обрыва. Это была пристань Сарепты, совсѣмъ не видной съ Волги.

До колоніи Сарепты отъ Волги 7 верстъ, которыя проѣзжаешь на линейкѣ за 50 копеекъ по довольно живописной дорогѣ, ползущей по холмамъ и полямъ, а затѣмъ по душной и пыльной степи. Съ вершины одного изъ холмовъ открывается видъ на Сарепту, этотъ мирный, словно отрѣзанный отъ всего міра, уголокъ, запрятанный за степи и холмы, живущій своею совершенно замкнутою жизнью, утонувшій своими маленькими бѣленькими домиками и киркой*) въ зелени тополей, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Яркожелтыми коврами разлеглись повсюду поля цвѣтущей горчицы, одѣвшія косогоры и холмы, а красныя трубы фабрикъ поднялись надъ колоніей. Это маленькій нѣмецкій мірокъ, полный спокойствія и ти-

*) *Кирка*—нѣмецкая церковь.

шины, устроенный призванными изъ Богеміи Екатериной Великой нѣмцами религіозной секты гернгутеровъ или моравскихъ братьевъ, облюбовавшихъ это мѣсто и основавшихся здѣсь. Колонія, несмотря на погромъ Пугачева и пожары, находится въ цвѣтущемъ состояніи, пользуясь особыми льготами, поддерживаемая съ первыхъ шаговъ государствомъ, освобожденная отъ рекрутскаго набора, имѣющая свой судъ, свою полицію, право на торгъ во всей Россіи. Колонія благоустроена, цвѣтуща, ея фабрики, и горчичныя и ткацкія, и винокуренные заводы процвѣтаютъ, ея густые тополя бросаютъ синюю тѣнь и на площадь съ церковью и школой, съ бѣленькими и чистенькими домиками, и на улицу; но васъ давитъ тоска, васъ гнететъ это молчаніе, это отсутствіе жизни, словно вы попали въ монастырь съ его громадными мертвыми залами, и должны сами таить тягостное молчаніе. Колонисты, принадлежа къ религіозной сектѣ, мирные, полезные люди, отличаются своею нравственностью, своимъ равенствомъ и имѣютъ въ основѣ упрощенное христіанство. Любить Бога и ближняго—ихъ законъ. Проводя весь день въ работѣ, они посвящаютъ свой отдыхъ духовному пѣнію, религіознымъ бесѣдамъ и чтенію.

Рѣчка Сарпа—послѣдній притокъ Волги. Это цѣлая система небольшихъ озеръ, соединенныхъ рѣчкой. Какъ хорошъ видъ съ горъ, окружающихъ Сарепту! Вся сарпинская долина какъ на ладони, а колонія съ ея садами и аллеями, заводами и домиками лежитъ у вашихъ ногъ. Кругомъ разлеглась унылая степь, убѣгающая къ синѣющей вдали Волгѣ. Эта громадная область до самаго Царицына, виднѣющагося на горизонтѣ, эта извивающаяся Сарпа, это безбрежное, знойное, синее небо и эта давящая тишина производятъ глубокое впечатлѣніе. За устьемъ Сарпы Волга распалась на рукава и протоки и образовала цѣлый архипелагъ*) острововъ вплоть до Каспійскаго моря, шириною до 25 верстъ. Это цѣлое море съ

*) *Архипелагомъ* называется собраніе острововъ, лежащихъ недалеко одинъ отъ другого.

пропавшими вдали берегами. Это сложная цѣпь воложенъ и протоковъ, безчисленныхъ острововъ, пустынный, мертвый край, наводящій невыразимую скуку своимъ однообразіемъ. Волга вступаетъ за Сарептой въ Астраханское царство,—въ царство степей, киргизской и калмыцкой, полныхъ глинистыхъ и сыпучихъ песковъ и песчаныхъ холмовъ.

Волга.

(Изъ журнала „Дѣтское чтеніе".)

Начиная уже съ Царицына, отъ главнаго русла Волги отдѣляются протоки, образующіе большіе острова. Чѣмъ ближе подбѣгаетъ рѣка къ Каспійскому морю, тѣмъ многочисленнѣе становятся эти протоки. Они разливаются, извиваясь въ разныхъ направленіяхъ, по широкому степному раздолью, точно заблудились и ищутъ выхода въ море.

Всѣхъ устьевъ Волги насчитываютъ до двухсотъ, но въ какой степени вѣрно это число—опредѣлить нельзя, такъ какъ во время весенняго разлива многіе изъ этихъ протоковъ заноситъ пескомъ, и они прокладываютъ себѣ новыя русла.

На одномъ изъ острововъ Волги стоитъ Астрахань. Одинъ взглядъ на пристани этого города даетъ уже понятіе о торговомъ движеніи и богатствѣ здѣшняго края: вдоль берега тянется въ обѣ стороны длинный рядъ судовъ, пароходовъ, барокъ и лодокъ всевозможныхъ родовъ. На пристаняхъ навалены цѣлыя груды арбузовъ, винограда, абрикосовъ, сливъ, яблоковъ, рыбы и прочее.

Вездѣ торговое оживленіе, суетня, говоръ на разныхъ языкахъ и на ломаномъ русскомъ нарѣчіи. Пестрота нарядовъ здѣсь самая живописная: кромѣ русскихъ, вы увидите здѣсь татаръ, калмыковъ, армянъ, хивинцевъ, туркменовъ, персіянъ въ высокихъ остроконечныхъ ба-

раньихъ] шапкахъ и даже индійцевъ въ ярко-красныхъ халатахъ. А вотъ и калмыцкія кибитки на берегу; кошмы, покрывающія ихъ, подняты, ради свѣжаго воздуха, и нѣсколько человѣкъ калмыковъ спокойно спятъ въ кибиткахъ, посреди раздающагося вокругъ нихъ крика и гама.

Общій видъ Астрахани красивъ; ея высокія церкви и мечети живописно выдѣляются на синеватомъ воздухѣ. Величественная рѣка бѣжитъ здѣсь сотнею рѣкъ. Надъ садомъ и виноградниками возвышаются стройныя раины*), съ вершинами, опушенными зеленью. Солнце здѣсь свѣтитъ ярко, и жизнь здѣсь привольная. Когда весною Волга вскроется, то разливается какъ море по низменному пространству. Въ другихъ мѣстностяхъ мужичокъ въ эту пору года принимается за соху да борону, а здѣсь не до того, да и въ затопляемыхъ мѣстностяхъ нельзя заводить пашни. Здѣсь всякій ладитъ лодку да рыболовныя снасти, а если бѣденъ, то, какъ и пришельцы изъ верхнихъ губерній, нанимаются въ работники къ рыболовамъ. Изъ Каспійскаго моря въ устье Волги двинулись цѣлыя стада или, по здѣшнему, косяки рыбы метать икру. Обиліе рыбы въ здѣшнихъ водахъ изумительное. Каспійское море въ этомъ отношеніи—настоящее золотое дно. Такъ какъ оно не имѣетъ другого сообщенія съ другимъ моремъ, то представляетъ громадный рыбный садокъ, изъ котораго рыбѣ некуда уйти. Разсказываютъ, будто въ старину, когда шли изъ моря косяки рыбы, напоръ ихъ дѣлалъ невозможнымъ плаваніе на лодкѣ въ рукавахъ Волги.

Нынче обиліе рыбы въ здѣшнихъ водахъ не такъ уже баснословно, какъ въ старыя времена, но все-таки она водится въ такомъ множествѣ, что у здѣшнихъ рыбаковъ, ловящихъ ее день и ночь, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, невода всегда почти полны. Въ одинъ разъ можно ее поймать столько, что бѣдный человѣкъ, продавъ ее, можетъ кормиться на вырученныя деньги нѣсколько лѣтъ.

При устьяхъ Волги рыбнымъ промысломъ существуютъ

*) Тополи.

десятки тысячъ людей. Да и рыба-то какая здѣсь водится—*коренная*, то-есть доставляющая дорогіе продукты: клей, икру, визигу, какъ, напримѣръ: осетры, бѣлуга, севрюга, стерляди; изъ такъ называемыхъ *частиковыхъ*, то-есть не коренныхъ рыбъ, здѣсь много бѣжанки, изъ которой вытапливаютъ жиръ, судаковъ, щукъ, лещей, плотвы, окуней, красноперовъ и другихъ. Отъ одной бѣлуги, пудовъ въ шестьдесятъ вѣсомъ, шестьсотъ человѣкъ могутъ насытиться.

Ловъ производится до іюля; въ эту пору онъ прекращается, чтобы дать время вырасти молодой рыбѣ, и затѣмъ снова начинается въ августѣ.

Но астраханцы далеко не всѣ такъ достаточны, какъ можно бы предположить. Это происходитъ отъ того, что всѣ рыболовныя мѣстности, какъ при устьяхъ Волги, такъ и на берегахъ Каспійскаго моря, состоятъ на откупу у богатыхъ рыбныхъ промышленниковъ. Бѣдный человѣкъ не въ состояніи ни откупить себѣ мѣста для промысла, ни даже завести лодку и рыболовныя снасти. Онъ идетъ или просто въ работники, или нанимается ловить рыбу на откупщика по подряду. Но ловить по подряду невыгодно для ловца. Откупщикъ даетъ ему въ долгъ денегъ для того, чтобы снарядить лодку и закупить хлѣба для остающейся дома семьи; если ловъ удаченъ, ловецъ выплачиваетъ долгъ; если же нѣтъ, то ему приходится плохо; есть такіе ловцы, что состоятъ въ кабалѣ, въ вѣчномъ долгу у откупщиковъ.

Зато всякій астраханецъ, мало-мальски имѣющій достатокъ, норовитъ завести свою собственную лодку и рыболовную снасть и ѣдетъ на вольный промыселъ на Эмбу, то-есть не на самую рѣку Эмбу, а на берегъ Каспійскаго моря, идущаго отъ устья этой рѣки на югъ.

На ватагѣ.

(Изъ журнала „Дѣтское чтеніе".)

На ватагу надо ѣхать весною, когда всѣ работы въ полномъ разгарѣ. Самую главную ея часть составляетъ плотъ. Онъ строится на связяхъ и стоитъ надъ водою. Стѣны, крышка и полъ сколочены изъ досокъ. На рѣку ведутъ двое дверей, отъ которыхъ къ водѣ идутъ наклонные спуски, *волоки*, съ перилами и ступеньками. На плоту суетятся толпы народа. Говоръ, шлепанье рыбы, рубка ея, разные другіе звуки оглашаютъ васъ съ перваго раза. Вамъ кажется, что тутъ происходитъ столпотвореніе, а на самомъ дѣлѣ каждый занятъ своимъ дѣломъ. Одна за другой пристаютъ къ ватагѣ лодки. Рыбаки выбрасываютъ на волокъ привезенную рыбу. Двое работниковъ подхватываютъ ее баграми и втаскиваютъ на плотъ, гдѣ укладываютъ ее рядами. Опорожнивъ одну лодку, они принимаются разгружать другую, а рыбакъ идетъ къ плотовому приказчику сдать свой уловъ. Начинается счетъ. Крупная идетъ за двѣ, за три,—мелочь считается по нѣсколько за одну. Сосчитавъ уловъ, приказчикъ записываетъ счетъ въ книгу, а рыбаку даетъ записку, по которой онъ получитъ деньги. Плохо приходится рыбаку, если онъ неграмотный. Повертитъ онъ записку передъ собой, задумается: „Богъ ее вѣдаетъ, что тутъ записано",—и, дѣлать нечего, побредетъ во-свояси.

Между тѣмъ рыбу поволокли далѣе къ рѣзальщику. Ловкимъ и сильнымъ взмахомъ топора онъ сразу отрубаетъ голову большой бѣлугѣ. Другой рѣзальщикъ, быстро принявъ отъ него рыбу, распариваетъ ей животъ, бросаетъ внутренности пока на полъ, а икру—въ большой ушатъ, и ловкой рукой выдираетъ спинной хрящъ. Затѣмъ онъ распластываетъ рыбу, смотря по тому, какъ хочетъ приготовить ее хозяинъ. Онъ или только вырѣзываетъ *тешку*, то-есть часть мяса, лежащаго по брюху, между ребрами,

или и тешку и спинку рѣжетъ на длинныя полоски, если будетъ приготовляться *балыкъ*. Всѣ эти части рыбы разносятся по разнымъ рабочимъ, и каждый занимается своимъ дѣломъ. Рѣзальщикъ бросаетъ на полъ хрящи. Бѣлые, ноздреватые, они свертываются какъ тесемка, долго пролежавшая въ сверткѣ. Работники собираютъ ихъ и сносятъ въ чаны со свѣжей водой, гдѣ ихъ полощатъ. Потомъ, вымывъ и выжавъ изъ хряща слизь, сносятъ ихъ въ сушильню, гдѣ черезъ недѣлю они совершенно высыхаютъ, такъ что остается связать ихъ въ пучки и пустить въ продажу. Это и есть *визига*.

Ушаты съ икрой тоже сдаются особымъ рабочимъ — *икрянникамъ*. Все принесенное сваливается въ огромныя рѣшета, лежащія надъ большими корытами. Рабочіе мнутъ и растираютъ икру. Зерна проходятъ въ корыта, а жирныя перепонки, въ которыхъ заключается икра, остаются въ рѣшетахъ. Если хотятъ приготовить икру зернистую, то въ корыта всыпаютъ соль и хорошенько перемѣшиваютъ. Готовую складываютъ въ липовые боченки, въ каждый по 4 или 5 пудовъ икры. Для *паюсной* передъ протираніемъ въ корыта вливаютъ разсолъ (*тузлукъ*), въ который и падаютъ протертыя зерна. Рабочіе мѣшаютъ икру и минутъ черезъ 10—15 масса твердѣетъ. Тогда ее складываютъ въ мелкія рѣшета, чтобы вытекъ остатокъ сырости, и готовую икру ссыпаютъ въ рогожные мѣшечки и кладутъ подъ прессъ. Готовую икру складываютъ въ большія бочки, выложенныя внутри холстомъ, уминаютъ ногами и заколачиваютъ.

Недалеко отъ помѣщенія, гдѣ приготовляютъ икру, на плоту же, производится *соленіе рыбы*. Выпотрошенную рыбу кладутъ въ разсолъ дня на 2 или на 4, а вынувъ изъ него, даютъ стечь съ рыбы разсолу, разбираютъ по сортамъ и вновь складываютъ въ лари. На нижній слой рыбы сыплется соль, потомъ опять кладется слой рыбы и такъ далѣе. Грузъ самой рыбы выжимаетъ изъ нея сокъ (называемый тузлукомъ), при чемъ соль впитывается въ рыбу. Просолившуюся рыбу полощатъ въ водѣ, оттираютъ тряпочками и кладутъ на наклонный полъ, чтобы стекла

вода. Въ отдѣленіяхъ, гдѣ солятъ рыбу, стоитъ скверный запахъ. Каждый поневолѣ мѣтитъ убѣжать отсюда.

Интересно побывать и тамъ, гдѣ готовятъ менѣе дорогую рыбу. На плоту работаетъ много женщинъ. На всѣхъ нихъ мужской костюмъ: сапоги, штаны, короткая куртка. У каждой два ведерка, на нихъ положена доска, служащая работницѣ скамейкой; сѣвъ на нее верхомъ, она беретъ маленькимъ багромъ судака или леща изъ цѣлой кучи рыбъ, наваленной возлѣ на полу, кладетъ его на доску и ножомъ вырѣзаетъ внутренности. Выпотрошенная рыба сбрасывается въ одно ведро, внутренности въ другое. Между тѣмъ привезли еще рыбы. Ее сваливаютъ на середину плота. Бабы вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, бросаются къ рыбѣ и окружаютъ ее. Каждая старается захватить себѣ рыбу покрупнѣе, чтобы имѣть больше внутренностей, которыя идутъ въ пользу работницъ. Изъ нихъ онѣ топятъ жиръ. Случается, что нѣсколько бабъ захватятъ одну и ту же рыбу; изъ-за этого поднимаются ссоры, а иногда и драка. Разобравъ рыбу, снова принимаются за работу. Всѣ говорятъ, хохочутъ, шумятъ, случается, и пѣсню затягиваютъ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ работать: иная успѣваетъ очистить въ день до 2,000 судаковъ.

Вотъ являются на плотъ парни, везущіе на себѣ таратайки. Они нагружаютъ ихъ очищенной и промытой рыбой и отвозятъ ее въ лабазъ. Тамъ всюду стоятъ огромные лари такой глубины, что, будь они полны водой, человѣкъ, спустившійся въ одинъ изъ нихъ, навѣрное захлебнулся бы. Нѣкоторые уже полны. Въ одномъ лежитъ слишкомъ 45,000 судаковъ да 1,350 пудовъ соли; въ другомъ 80,000 лещей да 800 пудовъ соли. Третій нагружается. Рыба ссыпана на землѣ. Нѣсколько мальчиковъ перебрасываютъ ее въ ларь, и солельщикъ, стоя надъ нимъ, мѣрно посыпаетъ большимъ совкомъ соль.

Но заглянемъ во внутрь. Что это? Что тамъ копошится на днѣ? Нѣсколько мальчиковъ, согнувшись, укладываютъ рыбу рядами.

Выходимъ здѣсь изъ лабаза. Много народа снуетъ здѣсь изъ одного помѣщенія въ другое. Кто тащитъ на спинѣ

тяжелую ношу, кто везетъ тачку, кто погоняетъ лошака, везущаго высокую повозку. Одни везутъ тешку, другіе спинку красной рыбы, каждый что-нибудь свое.

Вотъ въ сторонѣ виденъ отлогій холмъ, наверху срубы, точно колодезные. Къ нимъ направляются телѣжки съ рыбой. Подвезя рыбу, работники сбрасываютъ ее въ срубы. Вы заглядываете въ нихъ — васъ обдаетъ сильный и непріятный запахъ. Внизу — солельня. Падающая сверху рыба попадаетъ прямо въ колодцы, гдѣ ее укладываютъ рядами.

По окончаніи работъ всѣ остатки съ плоту сбрасываются въ воду. Множество сомовъ, этихъ рѣчныхъ акулъ, сбираются сюда полакомиться даровымъ угощеніемъ. Ихъ не ловятъ. Есть повѣрье, что сома соль не беретъ круглый годъ, кромѣ января. И потому 11 мѣсяцевъ въ году сомы безопасно снуютъ подъ плотами. То тамъ, то сямъ высунется плоская черная голова, покажется спина, или взмахъ хвоста образуетъ круги на водѣ. Но вотъ работники стали сдвигать по волоку остатки рыбы; они уже близки къ водѣ: вотъ скатилась осетровая голова, одна, за ней другая, а потомъ скользнулъ цѣлый ворохъ внутренностей. На встрѣчу имъ высовываются изъ воды большія и малыя головы и на ходу схватываютъ добычу, рвутъ на части и проглатываютъ ее. Между тѣмъ на запахъ внутренностей сбираются новыя тучи сомовъ. Каждый хочетъ быть поближе, продвигается впередъ,—образуется давка, толкотня. Сверху видно множество пастей, то и дѣло разѣвающихся, чтобы поймать кусочекъ добычи.

Разсмотрѣть что-нибудь больше — рѣшительно невозможно.

Волжская дельта*).

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Сидорова.)

За Астраханью еще 84 версты до Каспійскаго моря, гдѣ у приморской станціи ожидаютъ публику громадные морскіе пароходы, эти пловучіе дома, чтобы направиться въ Петровскъ, Дербентъ, Баку, въ Красноводскъ или въ персидскіе города. Волга такъ капризна въ своей дельтѣ, такъ мѣняетъ свой фарватеръ**), что невозможно опредѣлить ея глубину, и гдѣ сегодня было глубоко, черезъ короткое время нанесены пески. Рѣка смываетъ острова и наноситъ новые, заваливаетъ протоки и прорываетъ острова. Поэтому большіе пароходы не входятъ въ Волгу, а дожидаются у длинной Бирючьей косы своихъ меньшихъ собратовъ, плавающихъ по безчисленнымъ рукавамъ обширнѣйшей рѣки. Усѣвшись на палубѣ парохода „Кавказъ и Меркурій", я полетѣлъ внизъ по рѣкѣ, и скоро Астрахань, съ своимъ соборомъ и множествомъ каменныхъ домовъ подъ нимъ, съ своимъ густымъ лѣсомъ мачтъ, исчезла за островами и туманами. Волга, широкая, могучая, синяя и рябая отъ волнъ, катилась между отмелями, поминутно отдѣляя протоки и рукава и слегка раскачивая пароходъ. Скучныя желтыя низины прибрежныхъ степей растянулись по берегамъ, сливаясь съ горизонтомъ. Изрѣдка выдавался темный глинистый бугоръ или виднѣлась гдѣ-то вдали на уединенномъ островкѣ небольшая рощица осокорей, этихъ вѣрныхъ спутниковъ Волги, дошедшихъ съ ней до самыхъ береговъ Хвалынскаго моря. Кое-гдѣ по лугамъ чернѣли стада овецъ, изрѣдка синій дымокъ подымался почти отвѣснымъ столбомъ надъ еле замѣтной

*) *Дельта*—часть земли, находящаяся между рукавами рѣки при ея устьѣ или впаденіи въ море.

**) *Фарватеръ*—мѣсто между отмелями, удобное для прохода кораблей и судовъ.

и одинокой избушкой и стоялъ въ воздухѣ, точно онъ замеръ въ этой южной жарѣ; кое-гдѣ проплывали рыбныя ватаги. Плоскіе мысы и косы вдались въ рѣку и горѣли своими желтыми песками, словно просыпанное золото.

Вдругъ повѣяло цвѣтами. Сладкій ароматъ розъ сразу охватилъ насъ. Зелень садовъ выдвинулась изъ-за камышей. Кущи плодовыхъ деревьевъ смѣшались съ пирамидальнымъ тополемъ, а розы благоухали здѣсь въ знойной тишинѣ, у желтыхъ отмелей, у тихихъ протоковъ. Черная тѣнь ложилась и на воду и на берегъ отъ этихъ рощицъ и манила къ себѣ. Но эти сады на уединенномъ островѣ исчезли такъ же быстро, какъ появились. Все утонуло въ морѣ камыша. Мы въѣхали въ его густое царство, въ его непроходимые лѣса, въ его безконечныя дебри. Куда ни глянешь — всюду камышъ. При малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ киваетъ своими пушистыми султанами и шепчется, таинственно раскачиваясь толстыми пустыми стеблями. Точно стѣны, стоитъ онъ повсюду, образуя коридоры по берегамъ протоковъ, и глядитъ въ тихія и зеркальныя воды безгранично разлившейся рѣки. Вдали показался дымокъ, и, словно изъ камышевыхъ лѣсовъ, выѣхалъ тяжело пыхтящій буксиръ съ длиннымъ хвостомъ баржъ. Тишина была поразительная, и пыхтѣнье встрѣчнаго парохода доносилось издалека по глади водъ.

— А весной здѣсь ничего, кромѣ воды, не видно,—обратился ко мнѣ одинъ изъ пассажировъ, ѣхавшій въ Баку. Въ прошломъ году я здѣсь проѣзжалъ въ апрѣлѣ, такъ словно море. Все было подъ водой, а рощи торчали только верхушками, словно низенькіе кусточки. И пароходы ѣдутъ скорѣй. Теперь надо огибать острова, замедлять ходъ, итти съ промѣромъ, чтобы не налетѣть на мель, а весной такъ прямо плывешь надъ островами. Теперь рѣка вонъ какая спокойная, а прошлой весной такъ качало, что всѣ больны были, не хуже моря.

— Это село, что ли?—спросилъ я его.—Вонъ тамъ на островѣ что-то чернѣетъ, все домики.

— Нѣтъ, тутъ селъ почти нѣтъ,—отвѣтилъ онъ: — все рыбныя ватаги. Здѣсь рыба кишмя кишитъ. Весной, когда

рыба идетъ въ рѣку метать икру, такъ сюда что рабочихъ съѣзжается, страсть!

Въ камышевомъ царствѣ ютится царство птицъ. Здѣсь имъ раздолье. Нѣкоторыя отмели были усѣяны тысячами утокъ, чаекъ, журавлей. Громадныя стада баклановъ избрали волжскую дельту своимъ мѣстопребываніемъ и поселились вблизи рыбныхъ ватагъ, смѣло и надоѣдливо таская рыбу. Черный съ зеленоватымъ отливомъ бакланъ живетъ всегда стадами, занимаясь утромъ и вечеромъ ловлей рыбы и сидя долгое время на береговомъ выступѣ. Ихъ стада проводятъ часы, разсѣвшись точно войско, вытягивая головы и помахивая хвостами. Стада лебедей, всевозможныхъ утокъ и другихъ мелкихъ пташекъ возлюбили эти волжскія камышевыя дебри и ютятся повсюду по островамъ и рощамъ осокорей. Здѣсь же водится толстоклювый, розовато-бѣлый уродъ—пеликанъ, съ ярко-красными глазами, обведенными желтой кожей, съ громаднымъ неуклюжимъ клювомъ, къ которому привѣшенъ широкій мѣшокъ. Точно громадное поле какихъ-то розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, сидѣло ихъ необъятное стадо. Въ первую минуту я принялъ ихъ за безконечную заросль бѣлыхъ водяныхъ лилій и указалъ на нихъ моему спутнику.

— Ахъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ:—это баба-птица! Ихъ здѣсь водится ужасно много.

Дѣйствительно, когда мы подошли ближе къ широкораскинувшейся отмели, я увидѣлъ громадныхъ птицъ. Все стадо было занято работой. Всѣ пеликаны чистились и смазывали свои перья жиромъ, хлопали крыльями, шевелили хвостами. Шумъ парохода произвелъ на нихъ очень мало впечатлѣнія. Нѣкоторые поглядѣли на насъ, а большинство продолжало работу.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше сыпучихъ желтыхъ песковъ, тѣмъ Волга шире, тѣмъ даль туманнѣе. Мнѣ нѣсколько разъ казалось, что мы плывемъ уже по морю; но это было не море, это была все еще Волга, но такая широкая, такая могучая, такая безбрежная, что по-

ражала и величіемъ и просторомъ. Волненіе стало замѣтно и увеличивалось чуть не съ каждой минутой.

— Мы въ морѣ,—сказалъ кто-то.—Вотъ Бирючья коса.

— Гдѣ?

— А вонъ, гдѣ горитъ огонекъ. Тамъ пристань. Совсѣмъ незамѣтно влилась Волга въ Хвалынское море, въ этотъ Каспій, омывающій и узорчатые персидскіе берега, и прекрасный знойный Кавказъ, и душныя пустыни Средней Азіи; въ этотъ Каспій, гдѣ она мѣшаетъ свои воды съ звонкими волнами гремящаго, могучаго полуазіатскаго Урала, Кавказской Куры съ Араксомъ и Алазанью, несущими расплавленные льды и снѣга съ вершинъ далекихъ горныхъ хребтовъ.

Отъ Царицына къ Оренбургу.

(Изъ книги Водовозова.)

Мы пустились въ степь. Кругомъ до края неба тянулась неоглядная равнина, на которой лишь мѣстами виднѣлись небольшіе холмы. Былъ іюнь мѣсяцъ, и зной стоялъ нестерпимый; высокая трава мѣстами ужъ поблекла, пожелтѣла; отъ сухого воздуха съ трудомъ можно было дышать. Мы рады были, что наконецъ добрались до калмыцкаго кочевья. Калмыки, народъ монгольскаго племени, отличаются желтоватымъ цвѣтомъ лица, узкими глазами, выдавшимися скулами. Они кочуютъ со стадами овецъ и лошадей и живутъ въ кибиткахъ. Кибитка состоитъ изъ нѣсколькихъ рѣшетокъ, которыя устанавливаютъ и укрѣпляютъ кружкомъ на землѣ; наверху втыкаютъ еще палки, оставляя круглое отверстіе для выхода дыма; все это связываютъ ремнями и обтягиваютъ войлокомъ. Когда нужно найти новое пастбище для скота, ихъ мигомъ разбираютъ и складываютъ со всѣмъ скарбомъ на телѣги; чуть калмыки пріѣхали на мѣсто, женщины уже суетятся, связываютъ кибитки, и

въ какой-нибудь часъ домъ готовъ. Мы вошли въ одну изъ самыхъ просторныхъ кибитокъ, но долго не могли тутъ оставаться: внутри было душно, грязно; отъ горѣвшаго сушенаго навозу (кизякъ), который тлѣлъ подъ таганомъ по срединѣ хаты, еще болѣе распространялось смрада. Калмыки сидѣли вокругъ огня, варя и распивая съ наслажденіемъ кирпичный чай. Это чай низшаго сорта, изъ болѣе грубыхъ листьевъ; китайцы мѣшаютъ его съ бычачьей кровью, сушатъ, сжимаютъ и пускаютъ въ продажу въ видѣ плитокъ, похожихъ на кирпичики. Калмыки развариваютъ его въ водѣ съ бараньимъ саломъ, молокомъ и солью и пьютъ какъ похлебку, которая очень питательна. Мы нашли пустую кибитку, напились здѣсь кислаго кобыльяго молока—кумысу и легли отдохнуть на верблюжьихъ шкурахъ, чтобы, когда спадетъ жаръ, опять пуститься въ дорогу.

Мы ѣхали далѣе всю ночь. При ясномъ лунномъ свѣтѣ было видно, что мѣстность все становилась пустыннѣе; мѣстами на голомъ пескѣ и глинѣ что-то ярко бѣлѣло,—будто снѣгъ: это была соль, нанесенная потоками и осѣвшая изъ воды, когда она высохла.

Утромъ мы подъѣхали къ Эльтонскому озеру, которое лежитъ за 130 верстъ отъ Царицына, противъ самаго угла, образуемаго Волгою при ея заворотѣ къ устью. Оно играло на солнцѣ, отливая золотистыми цвѣтами: все дно его было покрыто пластами соли, а вода стояла мелкая; отъ того, при восходѣ, лучи солнца и отражались въ ней такъ красиво. Лѣтомъ, при сильномъ испареніи воды, соль отдѣляется тонкою корою на поверхности озера и осѣдаетъ на дно; но эта соль еще рыхлая, нечистая: она очищается понемногу, пока ея не закроютъ новые осѣвшіе пласты соли. Чѣмъ глубже рыть, тѣмъ чище и крѣпче соль, и наконецъ она становится твердою какъ камень. Мы долго смотрѣли, какъ суетился народъ, разъѣзжая по озеру на плоскодонныхъ лодкахъ: работники выламывали со дна глыбы соли и подхватывали ихъ лопатами. Такъ ежегодно въ Эльтонскомъ озерѣ добываютъ не одинъ милліонъ пудовъ соли.

Далѣе мы отправились пустою степью на сѣверо-востокъ, къ рѣкѣ Уралу. Тамъ намъ пришлось переѣзжать черезъ нѣсколько степныхъ рѣкъ, которыя вытекаютъ въ степи изъ песковъ и потомъ опять теряются въ пескахъ, никуда не впадая; мы встрѣчали на дорогѣ еще много соляныхъ озеръ.

Мы ѣхали изъ Астраханской губерніи черезъ южный уголъ Самарской и потомъ въ Оренбургскую; въ Самарской губерніи степь плодороднѣе; тутъ ужъ начинаются отроги Уральскихъ горъ. Всѣ эти мѣста заняты кочующими башкирами, татарами, киргизами, которые сходны по своему характеру съ калмыками. Зимою они бѣдствуютъ, часто чуть не умирая съ голоду въ своихъ жалкихъ лачужкахъ; но съ весною наступаетъ для нихъ праздникъ. Всѣ принарядятся, сложатъ на телѣги свои небогатые запасы и пускаются въ кочевье со стадами коровъ, барановъ, лошадей или верблюдовъ. У нихъ нѣтъ той заботы, чтобы припасти довольно корму для скота: скотъ и зимою большею частью кормится самъ собою, и множество его погибаетъ. Но все-таки многіе изъ нихъ, особенно киргизы, очень богаты стадами. На пирахъ у этихъ народовъ главною пищею баранина: зажарятъ цѣлаго барана, разрѣжутъ его и ѣдятъ просто руками безъ вилокъ и ножей; хозяинъ, оказывая вамъ честь, собственной рукой суетъ вамъ въ ротъ кусокъ мяса. Пищу усердно запиваютъ кумысомъ.

Лѣтомъ эти кочевники блаженствуютъ, потому что могутъ ѣсть и спать сколько угодно; всѣ тяжелыя работы у нихъ справляютъ женщины; онѣ доятъ скотъ, приготовляютъ сыръ, кумысъ, шьютъ одежду, вяжутъ грубыя одѣяла изъ верблюжьей шерсти и прочее. Мужчины покупаютъ себѣ женъ за извѣстное число барановъ и лошадей: онѣ у этихъ народовъ въ вѣчномъ рабствѣ. Между ними татары, особенно казанскіе, занимаются промыслами, торгуютъ; богатые татарскіе купцы живутъ въ городахъ, подобно русскимъ. Киргизы въ степяхъ за Ураломъ промышляютъ и разбоями. Всѣ они магометане.

Мы проѣхали черезъ рѣку Уралъ, нѣсколько къ югу отъ Оренбурга, въ городокъ „Илецкая защита“. Здѣсь

намъ любопытно было посмотрѣть соляныя копи. Соль, на большомъ пространствѣ, здѣсь лежитъ подъ землею, иногда на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее добываютъ, снимаютъ землю, выравниваютъ поверхность соляного пласта, потомъ разрубаютъ его вдоль и поперекъ на правильные четыреугольники, или косяки; вслѣдъ затѣмъ каждый отдѣльный косякъ, еще прикрѣпленный снизу, сшибаютъ, раскачивая бревна, обитыя желѣзомъ. Это, такъ называемая, каменная соль, прозрачная, чистая и крѣпкая какъ стекло: изъ нея можно выдѣлывать солонки, крестики и другія вещи; она въ продажѣ идетъ за первый сортъ.

Оренбургская степь.

(Аксакова.)

Слово степь имѣетъ у насъ особенное значеніе и обыкновенно представляетъ воображенію обширное пространство голой, ровной, безводной земной поверхности — и многія степи таковы, дѣйствительно. Но въ Оренбургской губерніи степи совсѣмъ не таковы: поверхность земли въ нихъ, по большей части, неровная, волнистая, мѣстами довольно лѣсная, даже гористая, пересѣкаемая оврагами съ родниковыми ручьями, степными рѣчками и озерами. Всякое пространство ковылистой *нови*, никогда непаханой земли, иногда на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, а иногда небольшое,—зовутъ тамъ *степью*. Такія степныя мѣста, какъ слѣдуетъ по настоящему называть ихъ, бываютъ чудно хороши весной своею роскошной свѣжей растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками. Въ благопріятный годъ степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Только по скатамъ величавыхъ горныхъ

хребтовъ, которые вдоль по рѣкамъ, рѣчкамъ и суходоламъ перерѣзываютъ иногда степные сырты и увалы, попадаются горныя породы мелкорослыхъ травъ. Особеннымъ ароматомъ наполняютъ онѣ воздухъ, и кто не ночевывалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжей, тотъ не можетъ имѣть понятія о благорастворенномъ, мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣй даже лѣсного.

Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степного воздуха, очевидно, доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степи исхудалые, изможденные голодною зимою, а также исцѣленіемъ множества больныхъ, уже приговоренныхъ къ смерти врачами.

Пожаръ въ Оренбургской степи весной.

(Аксакова.)

Рано весной, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать *ветошь*, то-есть прошлогодняя трава, начинаются *палы*, или степные пожары. Это обыкновеніе выпаливать прошлогоднюю сухую траву для того, чтобы лучше росла новая, не обходится иногда безъ дурныхъ послѣдствій. Чѣмъ ранѣе начинаются *палы*, тѣмъ они менѣе опасны, ибо опушки лѣсовъ еще сыры, на низменныхъ мѣстахъ стоятъ лужи, а въ лѣсахъ лежатъ сугробы снѣга. Если же вездѣ сухо, то степные пожары производятъ иногда гибельныя опустошенія: огонь, раздуваемый и гонимый вѣтромъ, бѣжитъ съ неимовѣрной быстротой, истребляя на своемъ пути все, что можетъ горѣть: стога зимовавшаго въ степяхъ сѣна, лѣсныя колки, даже гумна съ хлѣбными копнами, а иногда и самыя деревни. Для отвращенія подобныхъ бѣдствій, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ,

въ общемъ употребленіи было одно средство: предварительно опалить кругомъ стога, лѣсъ, гумна и деревню. Я своими глазами видѣлъ, какъ цѣлыя толпы крестьянъ и крестьянокъ, съ метлами въ рукахъ, производили такое опаливаніе; они шли по обѣимъ сторонамъ нарочно пущеннаго и бѣгущаго, какъ ручей, огня, тушили его боковые разливы и давали ему надлежащее направленіе; при сильномъ вѣтрѣ, обыкновенно бывающемъ весною и усиливающемся отъ пожаровъ, особенно если трава суха, это предохранительное опаливаніе было довольно затруднительно. Случалось, что не могли сладить съ огнемъ, и онъ уходилъ въ поле, такъ что самая предосторожность производила ту же бѣду, отъ которой защищались. Такимъ же образомъ выжигаютъ залежи, поросшія высокимъ бастыльникомъ, и прошлогоднюю жниву. Это дѣлается не столько для удобренія земли, сколько для того, чтобы легче было пахать яровую пашню, ибо на плодоносной пашнѣ густая прошлогодняя жнива бываетъ выше колѣна.

Не входя въ разсужденіе о неосновательности причинъ, для которыхъ выжигаютъ сухую траву и жниву, я скажу только, что палы въ темную ночь представляютъ великолѣпную картину: въ разныхъ мѣстахъ, то стѣны, то рѣки, то ручьи огня лѣзутъ на крутыя горы, спускаются въ долины и разливаются моремъ по гладкимъ равнинамъ. Все это сопровождается шумомъ, трескомъ и тревожнымъ крикомъ степныхъ птицъ. Мокрыя долочки, перелѣски и опушки лѣсовъ съ нерастаявшимъ снѣгомъ, дороги, въ колеяхъ которыхъ долго держится сырость, наконецъ рѣчки,—останавливаютъ и прекращаютъ огонь, если нѣтъ поблизости сухихъ мѣстъ, куда бы онъ могъ перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье, въ ночной темнотѣ, бываетъ также очень живописно. Огонь, бѣжавшій широкой рѣкой, разливая кругомъ яркій свѣтъ и заревомъ отражаясь на темномъ небѣ, вдругъ начинаетъ разбѣгаться маленькими ручейками: это значитъ, что онъ встрѣтилъ поверхность земли, мѣстами сырую, и перебирается по сухимъ верхушкамъ травы; огонь слабѣетъ

ежеминутно, почти потухаетъ, кое-гдѣ перепрыгиваетъ звѣздочками; мракъ одѣваетъ окрестность...

Но одна звѣздочка перескочила на сухую залежь, и мгновенно разстилается широкое пламя, опять озарены окрестныя мѣста, и снова багряное зарево отражается на темномъ небѣ.

Сначала опаленныя степи и поля представляютъ печальный, траурный видъ безконечнаго пожарища; но скоро иглы яркой зелени, какъ щетка, пробьются сквозь черное покрывало; еще скорѣе развернутся они разновидными листочками и лепестками, и черезъ недѣлю все покроется свѣжей зеленью; еще недѣля... и съ перваго взгляда не узнаешь горѣлыхъ мѣстъ. Степной кустарникъ, рѣже и меньше подвергающійся огню, потому что почва около него бываетъ сырѣе, начинаетъ цвѣсти и распространять острый и пріятный запахъ; особенно роскошно и благовонно цвѣтетъ бобовникъ: густо обрастая иногда огромное пространство по отлогимъ горнымъ скатамъ, онъ заливаетъ ихъ сплошнымъ розовымъ цвѣтомъ, промежъ котораго виднѣются иногда желтыя полосы или круговины цвѣтущаго чилизняка. По другимъ мѣстамъ, болѣе отлогимъ, обширныя пространства покрыты бѣлыми, но не яркими, а какъ будто матовыми, молочными пеленами: это дикая вишня въ цвѣту. Вся степная птица, отпуганная пожаромъ, опять занимаетъ свои мѣста и поселяется въ этомъ морѣ зелени, весеннихъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ кустарниковъ; со всѣхъ сторонъ слышны непередаваемое словами *чирканье* стрепетовъ, заливныя, звонкія трели кроншнеповъ, повсемѣстный горячій *бой* перепеловъ, трещанье кречетокъ. На восходѣ солнца, когда ночной туманъ садится благодатною росою на землю, когда всѣ запахи цвѣтовъ и растеній бываютъ сильнѣе, благовоннѣе, — невыразимо очаровательна прелесть весенняго утра въ степи...

Все полно жизни, свѣжо, ярко, молодо и весело!.. Таковы степныя мѣста въ Оренбургской губерніи въ продолженіе мая.

Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ.

(Аксакова.)

I.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, неторной дорожкѣ или, лучше сказать, слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ. Пронзительно скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бѣжали мужики за своими возами. Запушенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокій сугробъ; столкнутый долго барахтался и не скоро вылѣзалъ изъ мягкаго снѣгового пуха на твердую дорогу. То и дѣло сыпались русскія остроты: „Не больно болтай,— говорилъ одинъ другому:—языкъ обожжешь: вишь зной какой, такъ и палитъ!“—„Шути, шути,—отвѣчалъ другой:—самого-то цыганскій потъ прошибаетъ!“—Всѣ хохотали. Такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка.

II.

Въ такомъ положеніи находился веселый обозъ, состоявшій изъ восемнадцати подводъ и десяти возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ. Переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминучая...

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца, уже огромная снѣговая туча заволо-

кла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный пухъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка. „Поздно, ребята! — закричалъ старикъ. — Стой! нечего гнать и мучить понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги,—авось Богъ помилуетъ. Петровичъ, — сказалъ онъ, оборотясь къ высокому, плотному мужику, также не молодому:—поѣзжай сзади: твой гнѣдко хоть не боекъ, зато нестомчивъ, не отстанетъ, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ!“ Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали; потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичъ сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, помолился Богу и, сѣвъ на возъ, сказалъ (хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ: „Ну, Сѣрко!“ выручалъ ты меня не одинъ разъ: послужи и теперь, не сшибись съ дороги“... И обозъ поѣхалъ шагомъ.

III.

Снѣговая бѣлая туча, огромная какъ небо, обтянула весь горизонтъ и послѣдній свѣтъ красной догорѣвшей вечерней зари быстро задернула густою пеленой. Вдругъ настала ночь... наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи.

Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратилось въ пучину кипящаго снѣжнаго урагана, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханіе, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался какъ змѣй и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время бурановъ значительно уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ... И вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцатипудовыми возами. Дорогу занесло, лошади безпрестанно оступались. Люди по большей части шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу; наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣй, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги,—старикъ остановилъ обозъ. „Други,—сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ: — дѣлать нечего: надо отдаться на волю Божію, надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и подымемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашомъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось, не всѣ замерзнемъ“

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ; но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенію. По несчастью, въ обозѣ были люди молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала, не захотѣлъ послушаться старика. „Полно, дѣдушка!—сказалъ онъ:— Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ околѣвать съ тобою? Ты уже пожилъ на бѣломъ свѣту, тебѣ все равно; а намъ еще пожить хочется. До умета верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого совсѣмъ лошади стали. Завтра, Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ“. Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что Сѣрко истомился менѣе другихъ; напрасно поддерживалъ его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ на двѣнадцати подводахъ пустились далѣе.

IV.

Буранъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу. Бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ, что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми... Наконецъ стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевой. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи представляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго. Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись переждавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе.

По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули, что надо дѣлать: принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ ихъ товарищей; всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ, и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который былъ точно не далеко. Свѣжій морозный в здухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія. Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали вина и потомъ уложили спать на полати. Проснувшись, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы. Шестеро смѣльчаковъ или, лучше сказать, глупцовъ, послушавшихся молодого удальца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны,

выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умета.

Илецкая защита.

(Изъ статьи Бабета.)

За Оренбургомъ тянется необозримая Киргизъ-Кайсацкая степь, по которой разбросаны кое-гдѣ холмы, придающіе мѣстности волнистый видъ. На каждыхъ 10 или 12 верстахъ разставлена стража. Иногда попадаются кибитки киргизовъ, небольшіе выселки, избы изъ тонкаго лѣса, чаще изъ плетня, обмазанныя глиной и выбѣленныя.

Вотъ показалось вдали нѣсколько движущихся черныхъ точекъ,—онѣ приближаются, увеличиваются. Вы видите, что движется какая-то большая масса. Вотъ, наконецъ, онѣ, эти точки, передъ вами. Это верблюды, и на первомъ изъ нихъ раскачивается киргизъ въ своемъ малахаѣ. А вотъ ѣдетъ женщина верхомъ и въ высокой шапкѣ, обвернутой бѣлымъ полотномъ; у ней сзади за спиной торчитъ ребенокъ. Наконецъ, вдали показалась Илецкая гипсовая гора, а за нею валы крѣпостцы Илецкой защиты—богатѣйшаго въ цѣломъ свѣтѣ мѣсторожденія каменной соли.

Стукъ топоровъ поражаетъ слухъ при самомъ въѣздѣ въ крѣпость, такъ какъ возлѣ нея настоящее мѣсто разработки. Эта маленькая крѣпостца обязана своимъ существованіемъ единственно соляному промыслу. Она состоитъ изъ земляного вала, имѣющаго видъ неправильнаго четыреугольника. Въ крѣпость ведутъ двое воротъ: въ одни изъ нихъ въѣзжаетъ пустая фура для нагрузки соли, въ другія выѣзжаютъ нагруженныя; при послѣднихъ устроена контрольная застава съ вѣсами для взвѣшиванія возовъ съ солью, а снаружи гауптвахта*). Въ крѣпости по-

*) *Гауптвахта*—главный караулъ.

мѣщается соляное правленіе, лабораторія*), магазины для складки соли и горная школа. Наружный видъ мѣсторожденія илецкой каменной соли представляетъ волнообразную поверхность, происходящую отъ прежнихъ неправильныхъ работъ киргизовъ, башкирцевъ и мещеряковъ. Они добывали соль ямами и, не имѣя хорошихъ орудій, не зная правильныхъ работъ, мѣняли часто мѣсто. Оттого произошли болѣе или менѣе значительныя углубленія, которыя, наполняясь дождевою и снѣжною водою, образовали маленькія озера.

Масса соли въ Илецкой защитѣ лежитъ въ видѣ огромной неправильной глыбы, что въ горномъ дѣлѣ называется солянымъ *штокомъ*. Штокъ этотъ покрытъ слоемъ земли не равной толщины, отъ нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ саженъ; во всѣ стороны отъ него разстилается холмистая степь. На сѣверной сторонѣ возвышается гипсовая гора, оканчивающаяся на западѣ утесомъ. Она издали похожа на огромный насыпной курганъ и служитъ до сихъ поръ маякомъ для каравановъ, идущихъ изъ Хивы въ Оренбургъ. Гора имѣетъ протяженіе на востокъ; здѣсь уже она не такъ высока и служитъ пристанищемъ, въ бурное зимнее время, киргизамъ, кочующимъ по берегамъ Илека. Гипсовая гора служитъ границею соляному штоку; за нею, по другую сторону, идетъ почва плодоносная, въ которой незамѣтно никакихъ признаковъ соли. Верстахъ въ двухъ отъ Илецкой защиты есть источники прѣсной воды, которые, сливаясь, образуютъ Малую Ельшанку, огибающую гору и юго-восточную часть штока. Съ западной стороны течетъ Большая Ельшанка, которая, какъ всѣ степныя рѣчки, то исчезаетъ въ землѣ, то вновь появляется; приближаясь же къ соляному штоку, она расширяется здѣсь на плоской поверхности и частью проникаетъ въ него, а частью исчезаетъ въ топкомъ болотѣ. Глубина мѣсторожденія соли до сихъ поръ еще не изслѣдована. Соль образуетъ весьма плотную чистую массу, въ которой очень рѣдко по-

*) *Лабораторія*—мѣсто для производствъ химическихъ опытовъ.

падаются тонкіе слои гипса. Кристаллы соли, имѣющіе ромбическую*) форму, до того плотно соединены, что расшиливаются не разсыпаясь. На поверхности соляной массы кристаллизація крупнѣе, и нерѣдко попадаются кристаллы отъ 10 до 20 фунтовъ вѣсу, но въ углубленіи штока кристаллизація мельче, масса соли постепенно становится крѣпче, скрѣпленія между кристаллами уже незамѣтно, ударъ молота производитъ звенящій, металлическій звукъ. Здѣсь соль изъ цвѣта синевато-бѣлаго переходитъ въ свинцовый и лишена прозрачности. Верхніе же слои имѣютъ совершенно безцвѣтную прозрачность и, отполированные, не уступаютъ хрусталю. Куски такого кристалла съ правильной формой называются сердцевиной, изъ которой выдѣлываютъ разныя вещицы: солонки, подсвѣчники, зажигательныя стекла и такъ далѣе. Илецкая соль, истолченная въ порошокъ, принимаетъ самый высокій бѣлый цвѣтъ, вкусъ имѣетъ пріятный. По изслѣдованіямъ 1851 года мѣсторожденіе илецкой соли заключаетъ въ себѣ болѣе 74 милліардовъ пудовъ.

Илецкія копи могли бы снабжать всю Россію (полагая по 35 милліоновъ въ годъ) своею солью въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.

Способъ добыванія соли до нынѣшняго столѣтія былъ чрезвычайно плохъ; но съ того времени, какъ мѣсторожденіе поступило въ горное вѣдомство (1817 г.), учреждена правильная разработка, называемая *разносомъ* или, какъ ее тамъ называютъ, *развалomъ*.

Эта разработка происходитъ слѣдующимъ образомъ: сначала копаютъ яму до той глубины, на которой лежитъ соль, и выравниваютъ въ ней поверхность штока. Потомъ на выровненной поверхности вырубаютъ топорами продольныя и поперечныя борозды, то-есть небольшіе рвы, глубиною въ аршинъ, а шириною въ 3 вершка. Разстояніе

*) *Ромбъ* — косоугольный четыреугольникъ, съ двумя острыми и двумя тупыми углами.

между продольными одинъ аршинъ, а между поперечными бороздами 2—3 аршина. Къ концу этой работы все соляное поле представляется разрѣзаннымъ на большія глыбы или, какъ ихъ называютъ, *косяки* соли, отдѣленные отъ штока со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижней. Для того, чтобы отдѣлить косякъ и съ этой стороны, употребляютъ большое бревно, лежащее на двухъ козлахъ съ боку соляного штока. Это бревно называется барсъ. Толстымъ концомъ барса, окованнымъ желѣзнымъ обручемъ, бьютъ съ боку въ косякъ, раскачивая барсъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока косякъ совершенно не собьютъ съ мѣста. Иногда косяки сбиваются желѣзными клиньями; для этого внизу его просверливаютъ отъ семи до десяти дырочекъ, въ которыя вбиваютъ желѣзные клинья. При каждомъ изъ клиньевъ стоитъ работникъ и бьетъ въ него полупудовымъ молотомъ; отъ напора клиньевъ косякъ отдѣляется отъ штока, сворачивается въ сторону воротами и разбивается на комки отъ 2 до 5 пудовъ вѣса тѣми же клиньями и молотками. При этомъ получаются осколки, называемые *щебнемъ*. Комковая соль составляетъ высшій сортъ, а щебневая цѣнится дешевле. Та и другая соль выносится изъ развала и складывается въ *бунты* и *шатры*, при самой разработкѣ. Каждый кубическій аршинъ той и другой соли принимается въ бунты, по расчету, основанному на опытѣ, за 47 пудовъ. Бунты складываются наподобіе домовъ длиною въ 10—15, шириною въ 5, а вышиною въ 2—3 сажени. Стѣны бунтовъ укладываются правильными камнями и сверху покрываются лубкомъ.

Въ Башкиріи.

(Изъ этнографическихъ замѣтокъ Петри.)

Чудный край — нашъ южный Уралъ! Это одинъ изъ интереснѣйшихъ, хотя и мало извѣстныхъ уголковъ нашего отечества... Южный Уралъ преисполненъ оригинальныхъ и чарующихъ красотъ. Онъ не можетъ соперничать съ Альпами по величавости, но вполнѣ равняется имъ по живописности и по привлекательности своихъ видовъ. Прекрасное и въ то же время сильное впечатлѣніе производятъ эти, повидимому, безчисленные и болѣе или менѣе параллельные другъ другу ряды мощныхъ хребтовъ, сложенныхъ изъ гранита, гнейса, кристаллическихъ сланцовъ, кварцитовъ и кварцевыхъ песчаниковъ. Они покрыты густыми лиственными и хвойными лѣсами, изъ которыхъ мѣстами сурово выступаютъ обнаженныя стѣны и обрывы или же вывѣтрившіяся отъ непогоды причудливаго вида вершины. Мрачныя и мало доступныя высоты эти еще болѣе оттѣняютъ нѣжную красоту мирныхъ, но забытыхъ и таинственныхъ долинъ. Прекрасны быстрые и прозрачные потоки Южнаго Урала, верховья Бѣлой, Урала, Уя и Ая, чудныя горныя озера среди лѣсовъ и топей, неизвѣданныя никѣмъ сталактитовыя *) пещеры съ подземными озерами...

Вотъ Иремель, долгое время считавшійся наивысшею вершиною Южнаго Урала, но достигающій лишь 1,599 метровъ. Съ обнаженной сопки Иремеля въ тѣ дни, когда высоты свободны отъ тумана, открывается, поистинѣ,

*) *Сталактиты*—известковый камень, образующійся въ видѣ сосулекъ на потолкѣ пещеры, при просачиваніи сквозь нея известковой воды.

поразительный видъ. Передъ нами на западѣ страшная Зигальга, почти неприступная вслѣдствіе осыпей изъ громадныхъ глыбъ кварцоваго песчаника и обширныхъ топей и болотъ по склонамъ. Значительныя каменныя осыпи встрѣчаются, впрочемъ, и на сѣверо-восточномъ подножіи самаго Иремеля, тогда какъ на самой горѣ въ глубокихъ впадинахъ и лощинахъ, защищенныхъ отъ юго-восточныхъ вѣтровъ, снѣгъ сохраняется иногда въ продолженіе всего лѣта. На юго-западѣ выступаетъ „Дикая гора", то-есть Яманъ-Тау, едва ли не еще менѣе доступная, чѣмъ Зигальга, и также защищенная топями и непроходимыми лѣсами. Гора эта достигаетъ 1,646 метровъ и является, такимъ образомъ, высшею вершиною Южнаго Урала. Однакоже и здѣсь снѣгъ сохраняется лѣтомъ лишь въ лощинахъ и въ тѣни густыхъ лѣсовъ. На востокъ отъ Иремеля идетъ невысокій хребетъ Авалякъ, отдѣленный отъ него сухимъ каменистымъ русломъ Тышна, этой каменной рѣки; затѣмъ поднимается до высоты 1,000 метровъ лѣсистый Уралъ-Тау, центральная и главная цѣпь Южнаго Урала, сложенная изъ кристаллическихъ сланцовъ. За этими горами разстилаются, подобно морю, манящему взоръ путника, безбрежныя азіатскія степи, кое-гдѣ перерѣзанныя незначительными высотами, орошенныя многими рѣками и множествомъ мелкихъ озеръ и покрытыя очаровательными рощицами кудрявыхъ березъ...

Но что за странные люди населяютъ эту дивную мѣстность; какой удивительный разладъ между прекрасной природой и далеко не прекрасными обитателями Южнаго Урала, башкирами!..

Мы на берегу рѣки Бѣлой, одной изъ красивѣйшихъ рѣкъ нашего отечества. Красавица эта славится не только своими живописными берегами, чистою, быстрою водою и превосходною рыбою, но и обширными лѣсами по берегамъ. Къ сожалѣнію, лѣса эти и даже знаменитыя когда-то сосновыя рощи сильно порѣдѣли. Въ особенности замѣтно истребленіе лѣса въ окрестностяхъ человѣческихъ поселеній. Передъ вами мелкій кустарниковый лѣсъ, среди [illegible]наго лишь кое-гдѣ высятся уцѣлѣвшіе гиганты осо-

кори. Это несомнѣнный признакъ близости человѣческаго жилья. Печальное зрѣлище представляютъ башкирскія деревни: скорбныя, подгнившія и покосившіяся избушки, разметанныя и разбитыя непогодою крыши; вотъ нѣсколько избъ на манеръ итальянскихъ виллъ съ плоскою крышею, то-есть, въ данномъ случаѣ, совсѣмъ безъ крыши; потолокъ ихъ убитъ землею, на которой пышно разрастаются всевозможныя сорныя травы, невольно привлекая къ себѣ опытный взоръ ботаника. Среди этихъ висячихъ садовъ торчитъ покривившаяся глиняная труба, прикрытая бездоннымъ закопченнымъ горшкомъ. Окна въ иныхъ избахъ безъ стеколъ и заткнуты кусками коры осокоря. Входъ въ избу идетъ изъ жалкаго и грязнаго двора, огороженнаго плетнемъ; по серединѣ двора стоитъ прокопченный дымомъ плетеный шалашъ, служащій лѣтнею кухнею, а позади къ нему примыкаетъ рядъ плетеныхъ или же обложенныхъ корьемъ загородей для лошадей, скота и козъ. Въ немногихъ дворахъ виднѣются амбарчики.

Всѣ эти подробности сразу бросаются вамъ въ глаза, когда вы въѣзжаете въ деревушку. Сразу же вы замѣчаете у одной изъ болѣе видныхъ избъ, украшенной сильно покривившимся шпицомъ съ полулуною, слѣдовательно, у мечети, какую-то толпу людей, усѣвшихся посреди улицы по-турецки на корточкахъ и ведущихъ оживленную бесѣду. Уже по тому, что эти люди не кланяются вамъ, да и вообще не обращаютъ особаго вниманія на вашъ пріѣздъ, вы можете заключить, что это правовѣрные магометане, не лишенные извѣстнаго самосознанія. Передъ вами мужчины средняго роста, довольно угловатаго тѣлосложенія, въ бѣлыхъ рубахахъ безъ пояса, въ красныхъ распускныхъ шароварахъ. На головѣ у нихъ поверхъ маленькой тибетейки бѣлая пуховая шляпа, напоминающая опрокинутую глубокую тарелку, или же большая мѣховая шапка. Изъ-подъ этихъ головныхъ уборовъ выглядываютъ широкія и смуглыя монгольскія лица съ выдающимися скулами, оттопыренными ушами, большимъ ртомъ, доволь-

но слабою растительностью на губахъ и бородѣ; немало, однако, эти некрасивыя физіономіи оживляются блестящими черными глазами и добродушною улыбкой. На встрѣчу вамъ повыскакали одни только любопытные ребятишки, очевидно, еще не усвоившіе себѣ выдержаннаго хладнокровія настоящаго магометанина; многіе изъ нихъ совершенно голые, другіе въ самыхъ невѣроятныхъ пестрыхъ лохмотьяхъ; всѣ они страшно грязны, а нѣкоторые покрыты сыпями. Впрочемъ, при звукѣ колокольчика завозились по дворамъ и женщины. Очевидно, и онѣ также не могутъ удержаться отъ нѣкотораго любопытства, хотя и представляются занятыми работою. Лица ихъ чрезвычайно некрасивы. Дѣвушки, съ дико-всклокоченными волосами, одѣты въ красныя распущенныя рубахи съ жалкимъ шитьемъ на груди; женщины — въ свѣтлыхъ рубахахъ въ родѣ блюзъ, въ грубыхъ мужскихъ сапогахъ и съ русскими платками на головѣ; платки эти, кстати замѣтить, не складываются въ треугольники, а носятся распущенными.

Несмотря на нѣсколько холодный или, лучше сказать, безразличный пріемъ, вы быстро сходитесь съ башкирами. Не трудно вамъ также убѣдиться въ томъ, что вы имѣете дѣло съ народомъ далеко не дикимъ или глупымъ. Башкиры удивительно мало интересуются личностью проѣзжаго: они на своемъ вѣку видали всякіе виды, „всякихъ сановниковъ и Петербурга и губерніи“, то-есть чиновниковъ изъ столицы и губернскаго города. Съ другой стороны, у нихъ на досугѣ назрѣло немало вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ они охотно обращаются къ человѣку свѣдущему. Васъ спрашиваютъ, что такое комета, есть ли люди на звѣздахъ, отчего въ иной годъ бываетъ урожай, а въ другой нѣтъ, не слыхать ли чего о войнѣ и такъ далѣе. Немало, наконецъ, среди нихъ людей физически вполнѣ крѣпкихъ и свѣжихъ. Вотъ почему вы, смотря на этихъ туземцевъ и вспоминая о нетронутыхъ богатствахъ ихъ родной страны, не можете отдѣлаться отъ вопроса, почему башкиры такъ бѣдствуютъ, почему кругомъ нищета и явные слѣды, повидимому, неизбѣжнаго разоренія.

Когда у насъ разговоры заходятъ „о дикой Башкиріи", общество наше охотно вспоминаетъ о пресловутомъ хищеніи башкирскихъ земель. Лѣтъ 20 тому назадъ земли башкиръ покупались за безцѣнокъ различными чиновными и нечиновными людьми. Въ данномъ случаѣ ожидали самыхъ благопріятныхъ результатовъ для столь богатаго по природѣ края. Предполагалось, что помѣщичій элементъ подниметъ земледѣліе и такимъ образомъ окажетъ благотворное вліяніе даже на туземцевъ полукочевыхъ башкиръ. Ожиданіямъ этимъ не суждено было сбыться, а башкиры между тѣмъ въ конецъ обнищали. Тогда правительство энергично вступилось за башкиръ и пріостановило продажу ихъ запасныхъ земель. Въ сущности, однако, эта эпоха расхищенія представлялась только однимъ изъ послѣднихъ шаговъ на пути къ окончательному переходу башкирскихъ земель въ руки пришельцевъ. Достаточно раскрыть исторію этого народа, чтобы натолкнуться на факты, передъ которыми меркнетъ все то, что собрано въ извѣстной книгѣ Н. Ремезова: „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи". Такъ, оказывается, что принадлежавшія къ Преображенскимъ мѣдноплавильнымъ заводамъ 100,000 десятинъ лѣса куплены были Твердышевымъ за 300 рублей ассигнаціями, а въ 1829 году Гусятниковъ, владѣлецъ заводовъ, арендовалъ у башкиръ на срубъ (!) 10,000 десятинъ лѣса за 50 рублей серебромъ и нѣсколько фунтовъ чаю; 300,000 десятинъ лѣса и земель Бѣлорѣцкаго желѣзодѣлательнаго завода были куплены за 300 рублей ассигнаціями; наконецъ, Саймоновскіе пріиски, дававшіе нѣкогда до 40 пудовъ золота въ годъ, были куплены совмѣстно съ 280,000 десятинъ лѣса и земель за 180 рублей ассигнаціями. Старинные источники указываютъ отчасти и на причины, побуждавшія башкиръ къ подобнымъ, можно сказать, безумно-легкомысленнымъ продажамъ. Дѣло въ томъ, что конецъ прошлаго и первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія были временемъ крайне неспокойнымъ для Башкиріи; сами башкиры сознавали, что правительство имѣло из-

вѣстное право отобрать ихъ земли, „какъ воровскія и бунтовщичьи", въ казну. Поэтому они на всякій случай спѣшили продать ихъ, хотя бы за безцѣнокъ. Ко всему этому присоединялось еще желаніе добыть деньги безъ труда, неустойчивость инородца противъ „арака", русской водки, абсолютное незнакомство съ дѣйствительной цѣнностью земли и увѣренность, что богатства башкира неистощимы.

Въ послѣднемъ отношеніи башкирамъ пришлось горько разочароваться. Въ настоящее время размѣры ихъ владѣній настолько сократились, что они уже перестали кочевать. Рѣдкіе изъ нихъ выходятъ на кочевку въ степь или въ кустарниковый лѣсъ. Чаще намъ приходилось видѣть подобныхъ кочевниковъ на азіатскомъ склонѣ Урала. Обыденный башкиръ ограничивается тѣмъ, что на лѣто перебирается въ свой амбарчикъ или въ какой-нибудь шалашъ на дворѣ.

Нельзя не признать, что башкиры въ сущности и теперь болѣе или менѣе обезпечены. Они имѣютъ крупные надѣлы отъ 15—20 десятинъ на душу и, кромѣ того, значительныя заповѣдныя, такъ называемыя, запасныя земли; но хозяйство ихъ настолько первобытно и въ немъ настолько преобладаетъ скотоводство, что башкиры нуждаются для своего пропитанія въ громадныхъ угодьяхъ. Стоитъ нѣсколько ближе всмотрѣться въ хозяйство типичнаго башкира.

Минуетъ холодная и голодная зима; башкиръ спѣшитъ вздохнуть полной грудью. Онъ вновь наслаждается жизнью и теплomъ, пьетъ свой излюбленный кумысъ съ водою, ведетъ нескончаемыя бесѣды съ сосѣдомъ, принимаетъ гостей и самъ разъѣзжаетъ по „кунакамъ". Гостепріимство, вообще, очень развито у башкиръ. Иногда устраиваются игры, состязанія, борьба, скачки. Пѣніе и танцы не особенно въ ходу. Окрестные жители: чуваши, татары и русскіе, давно уже вспахали поле и засѣяли его, а башкиръ все еще медлитъ и ждетъ, не набѣжитъ ли дешевый работникъ или даже арендаторъ... Аренда для

башкира самое излюбленное дѣло; но арендовать у него землю можно посовѣтовать только опытному человѣку. Башкиръ, въ особенности, по близости къ городскимъ поселеніямъ, страшно любитъ плутовать, хотя и плутуетъ довольно наивно: онъ, напримѣръ, забираетъ задатокъ за одинъ и тотъ же клочокъ земли у нѣсколькихъ человѣкъ. Зато на судѣ онъ умѣетъ постоять за себя и надолго затянуть дѣло. Башкиры чрезвычайно любятъ судиться. Не даромъ про нихъ разсказываютъ, что иногда истецъ и отвѣтчикъ башкиры дружно ѣдутъ на одной лошадкѣ цѣлыя сотни верстъ въ губернскій городъ, чтобы засудить другъ друга.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши крестьяне-переселенцы прекрасно справляются съ башкирами. Покинувъ свои захудалыя деревни, они на далекой восточной окраинѣ совершенно преображаются: становятся сильнѣе и смѣлѣе, они и ростомъ кажутся выше. Намъ неоднократно случалось любоваться подобными превращеніями. Работящіе крестьяне-арендаторы зачастую завладѣваютъ отчуждаемыми землями башкиръ. Знакомые мнѣ крестьяне арендовали, 12 лѣтъ тому назадъ, башкирскія земли въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, на правомъ берегу рѣки Бѣлой. Въ теченіе этихъ 12 лѣтъ они обстроились, завели пашни, пасѣки, скотъ, а по минованіи срока аренды сумѣли купить землю у башкиръ по 7 рублей за десятину, тогда какъ средняя цѣна стояла не ниже 15 рублей.

Но возвратимся къ нашему башкиру-земледѣльцу. Когда потеряна всякая надежда на то, чтобы попользоваться чужими рабочими руками, башкиръ, неохотно и вяло, принимается за дѣло и при этомъ, по бѣдности и по непредусмотрительности, обыкновенно можетъ сдѣлать только самый ничтожный посѣвъ. Зачастую сѣмена ему приходится покупать у русскаго сосѣда. Наступаетъ конецъ лѣта, а башкиръ тѣмъ временемъ ведетъ все тотъ же образъ жизни и окончательно разлѣнивается. Ему нужно косить и убирать жатву, а онъ вмѣсто себя посы-

дятъ бабъ, на которыхъ и безъ того лежитъ вся тягость домашней работы, и подростковъ.

Мнѣ случалось видѣть, что башкиру не хватало характера войти на поле взглянуть, какъ справляется его завѣдомо-лѣнивый работникъ. Съ какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ признаетъ онъ, что запасовъ у него на зиму не хватитъ, что ему придется голодать.

А между тѣмъ зима здѣсь такова, что могла бы заставить любого человѣка призадуматься. Стужа и бураны, въ полномъ смыслѣ слова, ужасные. Достаточно вспомнить, что башкирскіе кордоны*), выдвигавшіеся въ прежнія времена противъ воинственныхъ киргизовъ, убирались съ 16 ноября по 16 мая: въ это время всякіе набѣги хищниковъ считались немыслимыми.

Какимъ образомъ башкиры выживаютъ зиму—для насъ довольно загадочно. Это яркій примѣръ того, что человѣкъ въ состояніи приспособиться ко всякимъ, даже наиболѣе тяжкимъ невзгодамъ. Маленькія, душныя и полутемныя избушки въ одну комнату имѣютъ дощатый полъ, большею частью безъ фундамента; доски подгнившія, съ большими щелями; изъ плохо законопаченныхъ стѣнъ страшно дуетъ. Отапливаются эти избы русскими печами, старинными башкирскими чувалами — каминами и желѣзными печками; огонь поддерживается постоянно, и желѣзныя печи накаляются докрасна, но въ то же время леденитъ со всѣхъ сторонъ сквознякъ... Въ какомъ-то полуоцѣпенѣніи жмутся башкиры, закутанные въ халаты и въ овчинные тулупы, на своихъ нарахъ, занимающихъ значительную часть всего помѣщенія. Лежатъ они на кошмахъ (войлокахъ), самодѣльныхъ коврахъ и на подушкахъ, число которыхъ опредѣляется зажиточностью хозяина. За грязнымъ пестрымъ занавѣсомъ находится женская половина. Поддерживаютъ башкиры свое существованіе зимою, главнымъ образомъ, чаемъ, который они

*) *Кордоны* - небольшіе сторожевые отряды.

пьютъ съ величайшею охотою цѣлыми самоварами, начиная съ крѣпкаго чая и кончая едва ли не одною теплою водичкою; чай пьется съ молокомъ и, если на то есть возможность, съ сахаромъ или медомъ. На зиму наготавливается овечій сыръ „крутъ"; хлѣбъ ѣдятъ только по близости къ городамъ, а „араханъ", мясо рогатаго скота, баранина или конина, составляетъ нынѣ уже относительную рѣдкость.

Но вотъ тяжелое время на исходѣ. Повѣяло тепломъ,— опять весна — зеленѣетъ трава, обширныя пространства въ кустарниковыхъ лѣсахъ покрываются благоухающимъ шиповникомъ и жимолостью. Вся природа дышитъ счастьемъ. Счастливъ и неприхотливый башкиръ...

Говоря о башкирахъ, мы не можемъ не упомянуть о распространеніи грамотности среди нихъ. Башкиры вообще плохіе магометане и весьма поверхностно исполняютъ обряды своей религіи, но зато почти всѣ выучиваются у своихъ муллъ читать и писать по-татарски. Старики не забываютъ грамоты и охотно почитываютъ священныя книги; люди средняго возраста, по нашей просьбѣ, недурно писали, хотя имъ рѣдко приходится упражняться въ этомъ искусствѣ. Дѣвочки учатся у жены муллы грамотѣ и рукодѣлью. Обученіе у башкиръ безплатное; муллы получаютъ, однако, подарки натурою отъ родителей своихъ воспитанниковъ. Воспитаніе ведется въ высшей степени мягко: наказаніе примѣняется очень рѣдко; хорошій учитель ограничивается однимъ „ахманомъ", выговоромъ. Исключеніе ученика изъ школы—явленіе неслыханное.

Горные башкиры-катайцы.

(Изъ очерковъ Бергхольца.)

Мѣстность „Катай“, гдѣ обитаетъ почти дикій родъ башкиръ, представляетъ изъ себя стоящій въ сторонѣ отъ дорогъ гористый уголокъ въ средней части Южнаго Урала, на западномъ его склонѣ, и составляетъ Катайскую волость Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Площадь, занимаемая этой волостью, покрыта довольно большими горами; черезъ нее проходятъ хребты: Нары, Белягушъ и другіе. Всѣ горы покрыты болѣе или менѣе лѣсомъ разныхъ сортовъ, начиная отъ мачтоваго и до кустарника, покрывающаго мѣстами громадныя площади гарей. Между хребтами течетъ масса меленькихъ рѣчекъ; изъ болѣе значительныхъ рѣкъ протекаютъ черезъ Катайскую волость Большой и Малый Инзеры. Растительность въ этой мѣстности поражаетъ своимъ богатствомъ, несмотря на позднія весны, раннія осени и холодныя зимы, морозъ которыхъ доходитъ до 42° R.

До настоящаго времени катайцы народъ кочевой, хотя и не въ полномъ смыслѣ этого слова: у нихъ есть деревня, но въ нихъ катайцы живутъ только зиму, лѣто же проводятъ переѣзжая съ одной кочевки на другую. Кочевкою называется поляна, преимущественно на горѣ, вблизи ручья или родника, на которой выстроены шалаши изъ нетолстаго лѣса, крытые корою. Обыкновенно шалашей бываетъ столько, сколько домовъ-семействъ въ деревнѣ. У каждой деревни есть двѣ, а у нѣкоторыхъ три кочевки; отстоятъ онѣ отъ деревень до 15 верстъ. Съ начала лѣта перекочевываютъ на дальнюю кочевку, гдѣ живутъ до тѣхъ поръ, пока еще трава вокругъ не вся будетъ съѣдена скотомъ,—приблизительно до половины лѣта;

затѣмъ перекочевываютъ на другую, ближе къ деревни, гдѣ живутъ до зимы.

Избы въ деревняхъ крайне незатѣйливы и, несмотря на обиліе растущаго вокругъ и ничего не стоящаго строевого лѣса, строятся въ большинствѣ случаевъ изъ тонкихъ бревенъ, крыты дранью или лубками, въ два окна на улицу и одно во дворъ. На дворѣ, большею частью, никакихъ другихъ построекъ не имѣется, у рѣдкихъ есть амбаръ. Скотъ помѣщается въ огороженномъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ. Обыкновенно изба состоитъ изъ одной комнаты; дверь прямо со двора, безъ сѣней; если же семья большая, или башкиръ сравнительно богатъ, то изба состоитъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, открытыми съ одной стороны. Внутри избы четвертую часть пространства занимаетъ чувалъ,—что-то среднее между очагомъ и каминомъ, который сдѣланъ очень рѣдко изъ кирпича, обыкновенно же изъ плетня, обмазаннаго и убитаго глиною; къ нему прилаживается маленькая печка, въ которую вмазывается котелъ, служащій для варки мяса и подогрѣванія воды для самовара, въ немъ же стирается бѣлье. Затѣмъ большую часть избы занимаютъ нары; на нихъ и сидятъ, и спятъ, и готовятъ, и чай пьютъ; столы имѣются далеко не у всѣхъ.

Хлѣбопашествомъ катайцы положительно не занимаются, даже не имѣютъ о немъ и понятія, огородничествомъ—тоже. Главное занятіе—это скотоводство и лѣсные промыслы, какъ-то: рубка и вывозка къ сгоннымъ рѣчкамъ бревенъ, производство мочала и бортевое пчеловодство (вѣрнѣе промысель). Борти есть почти у каждаго башкира, переходящія изъ рода въ родъ; есть богачи, которымъ принадлежитъ болѣе ста бортей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Катайской волости. Борть—это старое, не менѣе 14 вершковъ въ діаметрѣ, дерево, преимущественно сосна, въ которой на высотѣ нѣсколькихъ саженъ выдолблена пустота въ родѣ улья, въ которую прививаются дикія пчелы; медъ бортевой невкусенъ, большею частью кислый. На всѣхъ бортевыхъ деревьяхъ вырѣзана тамга,—клеймо

владѣльца. Считается большимъ преступленіемъ выбрать медъ изъ чужой борти. Ремеслами башкиры не занимаются, если не считать ремесломъ плетенія изъ мочала сбруи, витья мочальныхъ веревокъ и тканья рогожъ и мочальныхъ попонъ. Вообще катаецъ очень лѣнивъ, и если возможно какую-либо работу взвалить на жену, онъ не приминетъ это сдѣлать. Торговлею они не занимаются и къ ней совершенно неспособны. Ихъ довольно нагло обсчитываютъ и обманываютъ торговцы, казанскіе и уфимскіе татары, да и нашъ братъ русскій охулки на руки не кладетъ.

По своей природѣ катаецъ, въ полномъ смыслѣ слова, лежебока: для него нѣтъ выше наслажденія, какъ лежать на солнышкѣ и пить, пить безъ конца кумысъ или байховый чай; трудно себѣ представить, сколько онъ можетъ въ себя влить того и другого!.. Характера катайцы, въ общемъ, очень добродушнаго, очень гостепріимны и большіе любители разъѣзжать по гостямъ. Какая бы ни была у него спѣшная работа, онъ ея не задумывается бросить, если предложить ему куда-либо поѣхать, напримѣръ, на какую-нибудь высокую гору, какъ Яманъ-Тау или Иремель; онъ поѣдетъ съ радостью, хотя бы эта поѣздка продолжалась 2—3 дня, а если еще онъ будетъ увѣренъ, что его во время поѣздки будутъ поить чаемъ—онъ на седьмомъ небѣ! Онъ очень хвастливъ и тщеславенъ, любитъ, чтобы на него обратили вниманіе, похвалили бы его или его лошадь, его удальство, ловкость; крайне самолюбивъ и обидчивъ; невниманіемъ къ нему, а тѣмъ болѣе высказаннымъ къ нему неуваженіемъ наживается въ немъ врагъ. Къ намъ, русскимъ, катайцы относятся крайне недовѣрчиво, въ чемъ мы, между прочимъ, сами виноваты, обманывая ихъ всегда и вездѣ; но стоитъ только заслужить уваженіе и довѣріе 2—3 башкиръ, какъ васъ узнаетъ весь Катай, вездѣ вы будете желанный и дорогой гость.

Катайцы—народъ крайне легкомысленный: никто изъ нихъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ; они не задумались продать по 1 рублю десятину необходимой для нихъ 100,000-й

площади. Когда ему нужно что-нибудь, онъ на все готовъ; но если у него есть четверть фунта чаю, немного муки—онъ недоступенъ, онъ дѣлается тогда чуть не владѣтельнымъ княземъ. Но завтра у него нѣтъ чаю, почти нѣтъ и муки—и онъ готовъ на все: идетъ къ бывшему еще вчера „наемной собакой“ и унижается, прося задатку за какую-нибудь работу; тутъ онъ готовъ дать какія угодно обязательства, чѣмъ русскіе, конечно, и пользуются. Я знаю множество случаевъ въ родѣ того, что 3—4 дня тому назадъ башкиру предлагали за его лошадь 100 рублей, и онъ предлагающаго обругалъ наемной собакой, а сегодня идетъ и продаетъ той же „собакѣ“ свою лошадь за 40—45 рублей: третьяго дня у него былъ „припасъ“, а сегодня нѣтъ.

Они довольно вспыльчивы, но не злы. Вообще, они честны, и только по отношенію къ русскимъ они допускаютъ обманъ, а между собою очень честны. Въ остальномъ нравственность ихъ стоитъ довольно высоко: пьяницъ между ними нѣтъ, хотя и попиваютъ потихоньку отъ своихъ у русскихъ водку, но это рѣдкое исключеніе; все ихъ пьянство заключается въ нѣсколькихъ выпитыхъ чашкахъ кислушки, напитка довольно хмельнаго, который приготовляется башкирами изъ меда и хмеля. Всѣ башкиры страстные любители и наблюдатели природы, а катаецъ въ особенности: онъ готовъ пролежать и просмотрѣть нѣсколько часовъ, наблюдая какого-нибудь „су-тургая“ (водяного воробья); онъ знаетъ и безошибочно опредѣляетъ всякій звукъ, крикъ или пискъ птицъ или животныхъ; онъ знаетъ, что выражаетъ данный звукъ, ему извѣстны всѣ привычки и жизнь мѣстныхъ обитателей горъ, лѣсовъ и горныхъ рѣчекъ, и несмотря на это, между ними очень мало охотниковъ. Происходитъ это, какъ я предполагаю, отъ лѣни; одна только деревня Бердыгулово славится охотниками. А гдѣ бы и развиться этому промыслу, какъ не въ Катаѣ? Тамъ водятся: лось, олень, дикая коза, медвѣдь, куница, глухарь, тетеревъ, рябчикъ и много другихъ. Рѣчки горныя кишатъ рыбою, особенно форе-

лями, достигающими очень внушительныхъ размѣровъ, но... надо трудиться; вѣдь „безъ труда не вытащишь и рыбку изъ пруда", а не только изъ рѣчки, которая бѣшено бѣжитъ съ горъ и ревъ которой слышенъ чуть не за 2—3 версты. Тутъ подавно нужно трудиться, а башкиръ, какъ я уже говорилъ, не любитъ труда, поэтому нѣтъ между ними и рыболововъ. Единственный способъ ловли рыбы, любимой катайцами, какъ не представляющій труда,—это битье крупной рыбы острогою. Производится эта ловля довольно оригинально: собирается днемъ башкиръ пять верхами съ острогами, ѣдутъ вверхъ по теченію рѣки въ такомъ порядкѣ: одинъ посреди рѣки, два около береговъ, а два по самому берегу, и бьютъ рыбу, благодаря прозрачности воды и ея небольшой глубинѣ; подобной ловлею занимаются человѣкъ 20—30 изъ всего рода.

Семейная жизнь катайцевъ не отличается ничѣмъ отъ жизни другихъ башкирскихъ родовъ. Мужъ—глава, властелинъ; почти всѣ имѣютъ только по одной женѣ и исключенія допускаются только болѣе богатыми. Все домашнее хозяйство лежитъ исключительно на женщинахъ, но только домашнее, остальныя же работы—рубка и вывозка лѣса, обдирка, мочка и сушка мочала и тому подобное — лежитъ на мужчинахъ. На женщину мужчины смотрятъ какъ на вещь, какъ на рабыню; она не смѣетъ вступить въ разговоръ мужа съ кѣмъ-либо изъ посторонихъ. Надо отдать справедливость катайскимъ женщинамъ, что онѣ очень нравственны; лицъ онѣ не закрываютъ, какъ это дѣлаютъ всѣ магометанки; хозяйка всегда чѣмъ-нибудь занята, у нея всегда есть работа, на что любуется лежащій и ничего не дѣлающій мужъ. Болѣзни рѣдко навѣщаютъ башкирскія семьи; смертность велика только въ младенческомъ возрастѣ.

Живутъ катайцы очень грязно.

Одежда ихъ небогата и крайне однообразна. Въ ѣдѣ катаецъ очень неприхотливъ: если есть у него мука для чурэковъ (родъ лепешекъ) да чай, онъ сытъ и доволенъ. Если есть у него деньги, то онъ балуетъ себя маханомъ (конское мясо). Готовятъ маханъ очень просто: необмы-

тые куски кладутъ прямо въ казанъ (котелъ) или мѣдный чайникъ и варятъ 3—3½ часа, то-есть до тѣхъ поръ, пока мясо легко начнетъ отдѣляться отъ костей. Когда мясо готово, тогда хозяйка подаетъ его старшему въ семьѣ на деревянномъ блюдѣ; хозяинъ руками, съ помощью псяка (ножа) раздираетъ мясо на куски, раздавая ихъ по старшинству сидящимъ за столомъ гостямъ или своимъ семейнымъ, если нѣтъ гостей; при гостяхъ изъ семьи участвуютъ въ трапезѣ только взрослые мужчины. Дѣлаютъ башкиры еще одно кушанье, что-то въ родѣ клецокъ, но рѣдко.

Главнымъ питаніемъ для катайцевъ служитъ кумысъ и чай. Чай пьютъ катайцы по нѣскольку разъ въ день, особенно много въ безкумысное время. Пьютъ его съ сахаромъ и съ топленымъ коровьимъ масломъ, которое, какъ сахаръ въ прикуску, берется изъ чашки прямо пальцами, довольно большой порціей, передъ каждыми 3—4 глотками. Хлѣбъ съ чаемъ они тоже любятъ.

Религіозностью катайцы, въ сравненіи съ другими мусульманами, не отличаются.

Въ Уральскихъ горахъ.

(Бѣлова.)

Мы двинулись въ путь, имѣя въ виду пройти до вечера до Кушвинскаго завода, въ двѣнадцати верстахъ отъ Нижней Баранчи.

Тотчасъ по выходѣ изъ завода мѣстность значительно измѣнилась; хотя мы встрѣчали все тѣ же полосы, состоящіе изъ разрушенныхъ горныхъ породъ, но изъ нихъ мѣстами выступали камни громадной величины, большею частью окатанные и округленные; такіе окатанные камни называются *валунами*. Возвышенности, разбросанныя по ту и другую сторону дороги, не имѣли болѣе холмистой, ровной наружности, а напоминали собою скалистыя возвышенія. Между этими отдѣльными возвышенностями тянулись болота, покрытыя мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, и на всю мѣстность клали какой-то грустный, тяжелый отпечатокъ. Всѣ эти особенности заставили насъ уклониться отъ прямого пути, чтобы ближе ознакомиться съ каменными породами. Чтобы не оставить неосмотрѣнной по возможности ни одной возвышенности, мы рѣшились отправиться на каменистый холмъ, одиноко возвышавшійся среди холмистой мѣстности по лѣвую сторону дороги. На глазомѣръ сильно скрадывалось разстояніе до него, и хотя мнѣ казалось, что мы употребимъ не болѣе часа на путь къ нему, но проводникъ мой, знавшій хорошо мѣстность, объявилъ, что на это потребуется не менѣе трехъ часовъ, впрочемъ, при томъ условіи, что мы выйдемъ на сопки *), расположенныя по другую сторону

*) Небольшія горы.

дороги по прямой линіи. Не теряя времени, мы зашагали по топкому болоту, поминутно спотыкаясь; ноги вязли въ оттаявшей землѣ выше колѣнъ, вода выливалась мнѣ за бродни *); не прошло и получаса въ ходьбѣ, какъ вся обувь промокла. Измученные и усталые, мы добрались, наконецъ, до желанной цѣли. Вершина сопки была покрыта мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ; между деревьями мѣстами лежали валуны краснаго и темнозеленаго цвѣта. Первые были окатаны, послѣдніе же имѣли неправильную форму. Въ первыхъ, какъ по цвѣту, такъ и по округленной формѣ ихъ, не трудно было узнать гранитъ. Это одна изъ самыхъ древнихъ породъ, то-есть такихъ, которыя бываютъ покрыты самымъ разнообразнымъ наносомъ. Въ составъ этой породы главнымъ образомъ входятъ кварцъ, полевой шпатъ и слюда. Полевой шпатъ въ гранитѣ иногда бываетъ краснаго, иногда бѣлаго цвѣта; отъ его окраски зависитъ цвѣтъ самой породы. Чѣмъ меньше зерна и кристаллы въ гранитѣ, тѣмъ онъ тверже и можетъ употребляться на различныя постройки. Иногда же зерна его весьма крупны; тогда онъ легко разрушается и носитъ названіе гнилого камня (рапа - киви). Если въ большихъ обломкахъ замѣтна нѣкоторая слоеватость, то гранитъ получаетъ названіе *гнейса*. Гранитные или гнейсовые валуны всегда болѣе или менѣе окатаны, что указываетъ на ихъ далекое странствованіе; поэтому ихъ называютъ иначе блуждающими камнями. Діоритовые скалы и камни не округлены, а болѣе или менѣе угловаты. Въ нихъ нѣтъ кварца, этимъ они существенно отличаются отъ гранитныхъ породъ. Вооружившись молоткомъ, я откололъ нѣсколько кусковъ гранита и случайно добылъ отличный кристаллъ полевого шпата.

Начало вечерѣть, когда мы двинулись въ путь; во время нашего отдыха погода значительно измѣнилась. Небо становилось все пасмурнѣе и пасмурнѣе. Такъ какъ для

*) Сапоги безъ каблуковъ и на мягкой подошвѣ. Въ щиколоткѣ и ниже колѣнъ они обвязываются ремнями.

насъ важно было засвѣтло дойти до возвышенія по правой сторонѣ дороги, то мы удвоили шаги, не обращая вниманія на разбросанные тамъ и сямъ камни. Сопки по правой сторонѣ дороги не возвышались одиноко, какъ только-что осмотрѣнныя нами, а были въ связи между собою и представляли горную цѣпь. Здѣсь мы нашли тѣ же гранитные валуны, но еще болѣе окатанные и съ выдолбленными углубленіями, которыя произошли, по всей вѣроятности, на мѣстѣ и указываютъ на то, что валуны долгое время лежали неподвижно. Всѣ валуны лежали въ одномъ направленіи; я вынулъ компасъ, по которому оказалось, что вся гряда валуновъ направляется съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Между тѣмъ, какъ мы осматривали породы, погода сдѣлалась совсѣмъ пасмурной; пошелъ дождь, и мы не успѣли найти сколько-нибудь удобнаго пристанища, какъ мой озямъ*) весь пропитался дождевой водой; преимущество того матеріала, изъ котораго дѣлается этотъ нарядъ, заключается именно въ томъ, что во время дождя онъ пропитывается водой, но не пропускаетъ ее. Почти уже совсѣмъ стемнѣло, а намъ оставалось еще добрыхъ шесть верстъ пути по самой неудобной дорогѣ до Кушвы, гдѣ мы могли бы найти ночлегъ и пристанище. Необходимо было подкрѣпить свои силы, и мы съ трудомъ кое-какъ помѣстились, по мѣстному выраженію, понаужинать. Проводникъ мой, вооружившись топоромъ, пошелъ разыскивать, не осталось ли гдѣ пня отъ срубленной сосны. Такіе пни какъ нельзя лучше пригодны для растопки; отъ времени всѣ растительныя ткани въ нихъ сгниваютъ и остается почти одна смола, которая, какъ извѣстно, весьма горюча и не боится никакого дождя.

Давно уже стемнѣло, когда вдалекѣ показались огоньки Кушвинскаго завода. Усталый, въ напитавшейся водою одеждѣ, я съ трудомъ подвигался впередъ. Мой проводникъ шелъ, попрежнему, бодро, не замедляя шага. Мы

*) Халатъ изъ верблюжьей шерсти.

шли, относительно, по довольно сухой мѣстности, нѣсколько въ гору. Это начиналась возвышенность горы Благодати, у подножья которой расположенъ заводъ Кушва.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ дому, гдѣ предполагали ночевать, тѣмъ труднѣе передвигали ноги. На дворѣ, крытомъ тесомъ, стояло нѣсколько верховыхъ лошадей; хозяинъ, съ фонаремъ въ рукахъ, раздавалъ кормъ. По усталости лошадей и по сбруѣ видно было, что хозяева ихъ недавно прибыли и принадлежали къ золотопромышленникамъ. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяиномъ, мы вошли въ комнату, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣли двое пріѣзжихъ; они обратились было ко мнѣ съ разспросами, но я уклонился отъ бесѣды и, поужинавъ съ отличнымъ аппетитомъ, улегся на приготовленную для меня постель. Усталость не замедлила взять свое, и я заснулъ богатырскимъ сномъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда я открылъ глаза. Не теряя времени, мы напились чаю и отправились осмотрѣть гору Благодать.

Посреди громадной волнистой равнины одиноко возвышается гора Благодать. Вся гора покрыта толстымъ слоемъ наноса; по склону ея добывается руда, большей частью состоящая изъ магнитнаго желѣзняка, который часто попадается въ видѣ очень красивыхъ остроконечныхъ кристалловъ. Вся гора была покрыта густымъ лѣсомъ, но кому-то изъ начальствовавшихъ вздумалось лишить ее этого украшенія; успѣли уже очистить половину горы, когда высшее начальство приказало оставить рубку лѣса.

На вершинѣ горы возвышается скала въ нѣсколько саженъ вышиною; вся эта скала—чистый магнитный желѣзнякъ безъ другихъ породъ. Это лучшая желѣзная руда. Отсюда открывается великолѣпный видъ на всѣ окрестности. На сѣверо-востокъ тянутся равнины съ неправильно разбросанными холмистыми возвышенностями и своимъ пустыннымъ видомъ наводятъ уныніе на душу. Только два завода оживляютъ всю мѣстность: Верхне- и Нижне-Туринскій. Все видимое пространство на сѣверовостокъ окаймляется двумя золотоносными рѣчками: Ту-

рой и Салдой. Въ недавнее время на этомъ пространствѣ открытъ богатѣйшій золотой пріискъ; здѣсь мѣстами золото прямо безъ промывки вынималось изъ земли въ видѣ небольшихъ самородковъ.

На противоположной сторонѣ, на юго-западъ отъ горы Благодати, виднѣется цѣпь Уральскаго хребта.

Несмотря на полное отсутствіе заводовъ и селеній съ этой стороны, мѣстность далеко не производитъ такого тяжелаго впечатлѣнія на наблюдателя. Уралъ не поражаетъ мрачностью. И сколько новаго и нетронутаго должно скрываться въ этихъ синеватыхъ высотахъ, какую жизнь воспитываютъ и лелѣютъ эти угрюмые непроходимые лѣса! И хищный медвѣдь, и веселая бѣлка, и пугливый рябчикъ — все находитъ здѣсь пріютъ. На сѣверозападѣ изъ-за горной цѣпи виднѣется одна изъ самыхъ высокихъ горъ на Уралѣ — Павдинскій камень, лежащій на разстояніи ста пятидесяти верстъ отъ горы Благодати.

До воцаренія императрицы Анны Іоанновны, то-есть до 1730 года, гора Благодать извѣстна была только племени вогуламъ, которое и теперь еще сохранилось на Уралѣ. Крестьянинъ Чумкинъ, тоже вогулъ, извѣстилъ объ этомъ богатствѣ русское правительство; земляки Чумкина убили его за это. Въ память этого событія выстроена на желѣзной скалѣ часовня. Въ честь же императрицы Анны Іоанновны и самая гора получила названіе Благодати (по-гречески Анна — значитъ Благодать).

Хотя несмѣтное богатство этой горы стало извѣстно только съ конца прошлаго столѣтія, но правильная обработка желѣза и заселеніе Урала русскими начинается съ Петра Великаго. Императрица Екатерина поручила инженеру Походяшину развѣдать Уралъ, и онъ-то открылъ во многихъ мѣстахъ мѣдную руду и заложилъ заводъ Петропавловскій.

Поѣздка на Кашканаръ*).

(Изъ книги Этцеля и Вагнера.)

Изъ Нижнетуринска Аткинсонъ (путешественникъ) рѣшилъ отправиться на гору Кашканаръ. Къ обществу Аткинсона и директора Нижнетуринскаго завода присоединился еще одинъ англичанинъ, въ теченіе уже 7 лѣтъ завѣдывавшій сосѣднимъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ. Англичанинъ этотъ былъ хорошо знакомъ съ мѣстными условіями, такъ что его ничто не могло привести въ страхъ: ни гроза, ни болота, ни горы, ни даже медвѣди; къ одному только онъ питалъ ужасъ: то были безжалостныя сибирскія мошки. Въ проводники былъ выбранъ старый охотникъ, посѣдѣвшій въ Уральскихъ лѣсахъ и знавшій каждый оврагъ, каждый пригорокъ, каждый ручей. Кромѣ того, два молодыхъ парня взяты были для прислуги. Наконецъ, усѣвшись на коней, перекинувъ ружья черезъ плечо и захвативъ съ собой необходимый запасъ съѣстного, компанія въ одно прекрасное утро тронулась въ путь, направляясь къ горамъ, которыя виднѣлись вдали, покрытыя лѣсомъ. Первыхъ нѣсколько верстъ они проѣхали довольно пріятно и безъ особыхъ затрудненій, но это длилось не долго; вскорѣ начались трудности горной дороги.

Вскорѣ общество достигло горнаго потока, на которомъ незадолго передъ тѣмъ мостъ былъ сорванъ весеннею водою; остатки моста валялись еще въ рѣкѣ немного ниже того мѣста, гдѣ онъ прежде стоялъ. Наши всадники по-

*) Названіе Кашканаръ принадлежитъ одной изъ тѣхъ умѣренно-высокихъ горъ (2,600 футовъ вышины), которыя возвышаются надъ цѣпью Уральскаго хребта.

пытались было сначала перебраться въ бродъ черезъ холодный потокъ; но вода была такъ глубока, а наносный песокъ до того сыпучъ, что лошади не находили для себя достаточной опоры, и переправа была довольно опасна, но наконецъ, помощью обломковъ моста, дѣло пришло къ благополучному концу. Чѣмъ далѣе впередъ подвигались путешественники, тѣмъ затруднительнѣе становился путь. Собственно, настоящей дороги не имѣлось, а проводникъ долженъ былъ самъ отыскивать проходъ въ густой чащѣ, что было очень обременительно. Изъ земли повсюду выступала вода, а скатъ горы былъ покрытъ глубокимъ болотомъ, въ которомъ лошади погружались по самое колѣно. Вѣтви старыхъ деревьевъ разрослись до того, что изъ нихъ образовался совершенно плотный навѣсъ. Во многихъ мѣстахъ, поперекъ дороги, валялись въ болотѣ цѣлыя деревья съ корнями, вырванныхъ бурею или свалившіяся отъ старости. Нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ, подряхлѣе другихъ, были облѣплены сплошнымъ мохомъ и обросли папоротниковыми растеніями; стволы ихъ на половину уже сгнили, а вѣтви высохли и разсыпались; другія же разстилали свои вѣтви, наподобіе рукъ, во всѣ стороны и, казалось, старались воспретить постороннимъ доступъ въ это святилище. Голыя, вовсе лишенныя коры, вѣтви и прутья, побѣлѣвшіе отъ погоды, походили на скелеты и, точно привидѣнія, выглядывали изъ лѣсныхъ чащъ на путниковъ, а пригнутыя книзу деревца рябины несомнѣнно свидѣтельствовали о бывшихъ посѣщеніяхъ медвѣдей, которые большіе лакомки до рябиновыхъ ягодъ.

Нѣсколько часовъ сряду приходилось нашему обществу съ величайшими затрудненіями пробираться по топкому болоту, при чемъ въ одномъ мѣстѣ они даже вынуждены были переправляться черезъ лѣсной потокъ. Поднявшаяся гроза принудила путешественниковъ искать защиты подъ нѣсколькими могучими кедрами. Деревья эти пользуются въ народѣ особеннымъ почетомъ, ради своихъ орѣховъ, составляющихъ одно изъ любимыхъ лакомствъ во всей Россіи. Въ иные годы кедры бываютъ обвѣшены въ та-

комъ изобиліи шишками, заключающими въ себѣ маленькіе орѣшки, что занимающіеся сборомъ этихъ орѣховъ прямо срубаютъ деревья, находя, что не стоитъ труда снимать кедровыя шишки поодиночкѣ. Въ урожайные годы кедровые орѣхи продаются на мѣстѣ иногда по 20 копеекъ за пудъ.

Обождавъ подъ деревьями около часу, пока кончилась гроза и прекратился ливень, наши путешественники пустились опять въ путь. Мѣстами лѣсная чаща становилась до того непроходима, что они вынуждены были прибѣгать къ своимъ охотничьимъ ножамъ, чтобы помощью ихъ прокладывать себѣ дорогу, и такъ какъ ихъ къ тому же обдавало настоящимъ дождемъ съ вѣтвей деревьевъ, то они очень обрадовались, когда ихъ проводникъ наконецъ покинулъ лѣсъ и вывелъ ихъ на тропинку, проложенную по гребню горы; однакоже оказалось, что они немного выиграли отъ такой перемѣны. Вмѣсто болота и опрокинутыхъ деревьевъ, имъ пришлось теперь пробираться черезъ скалы и каменья разныхъ формъ и величины, отчасти покрытые уже мохомъ и травою и какъ будто разбросанные тамъ именно для того, чтобы ломали о нихъ ноги. Пробывъ такимъ образомъ около 11 часовъ въ пути, наши путешественники достигли наконецъ бурнаго потока, со множествомъ великолѣпнѣйшихъ водопадовъ. Несмотря однакоже на живописные берега этой рѣки, общество было недовольно тѣмъ, что ему пришлось переправляться черезъ нее, потому что переправа была затруднительна. Наконецъ путешественники приблизились къ вершинѣ Кашканара, и такъ какъ все общество уже сильно проголодалось и измучилось отъ продолжительной ѣзды, то, по совѣту проводника, рѣшено было расположиться у подножія утеса, чтобы хорошенько отдохнуть и переночевать, и затѣмъ уже на слѣдующее утро начать восхожденіе на вершину.

Вскорѣ запылалъ большой костеръ, но тутъ вдругъ, къ общему неудовольствію, сдѣлано было открытіе, что передъ отъѣздомъ съ завода забыты были котелки, и не

въ чемъ было варить чай. Такимъ образомъ, ничего больше не оставалось, какъ довольствоваться стаканомъ наливки съ кускомъ хлѣба и холодной закускою. Пока прочіе отдыхали вокругъ разведеннаго костра и грѣлись у пылавшаго огня, Аткинсонъ взобрался на ближайшую вершину, чтобы полюбоваться на картину заходящаго солнца, которое самыми удивительными оттѣнками освѣщалъ отдаленные лѣса и окружавшую дикую мѣстность, испещренную обломками скалъ. Куда ни обращалъ онъ свой любопытный взоръ, нигдѣ глазъ его не могъ отыскать присутствія человѣческихъ жилищъ; сосѣдніе заводы были совершенно скрыты лѣсомъ, и только далеко, очень далеко, сквозь туманъ, застилавшій глубокія долины, проглядывало зеркало обширнаго озера. Аткинсонъ заинтересовался этимъ зрѣлищемъ до того, что только наступившая темнота ночи принудила его возвратиться къ ночлегу своихъ спутниковъ. Послѣдніе лежали, закутавшись, около костра и проклинали не дававшихъ имъ покоя уральскихъ комаровъ.

Почти весь слѣдующій день проведенъ былъ Аткинсономъ въ карабканьѣ по вершинамъ Кашканара. Верхушка этой горной Уральской вершины усыпана огромными, отдѣльно стоящими, обломками скалъ. Онѣ состоятъ, по большей части, изъ магнитнаго желѣзняка, и по бокамъ ихъ выдаются, длиною въ дюймъ, желѣзные кристаллы краснаго цвѣта; небольшого куска изъ этой породы камней достаточно, чтобы отклонить въ сторону магнитную стрѣлку. Аткинсонъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи вскарабкаться на одну изъ ближайшихъ крутыхъ вершинъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верхняя часть Кашканара представляетъ картину дикаго опустошенія. Обломки скалъ всѣхъ видовъ и величинъ навалены кучами одинъ на другомъ. То были обломки прежней горной вершины, вывѣтрившейся мало-по-малу: болѣе мягкія части уступили вліянію времени и въ раздробленномъ видѣ унесены были водою въ нижнія долины, а болѣе твердыя массы продол-

жали еще сопротивляться дѣйствію погоды. По временамъ, можетъ-быть, присоединялось къ этому дѣйствіе удара молніи или землетрясеніе.

Продолжая свои карабканья по Кашканару, нашъ путешественникъ подмѣтилъ на вѣтви одного дерева превосходнаго глухаря, и мѣткимъ выстрѣломъ свалилъ его наземь. Въ небольшой лощинѣ лежало еще немного снѣгу, а тутъ же рядомъ цвѣли и распускались альпійскія растенія—очаровательный цвѣтникъ среди дикой пустыни!

Поѣздка на Кашканаръ вполнѣ удовлетворила Аткинсона: ему удалось при этомъ основательно ознакомиться не только съ неудобствами горныхъ тропинокъ, но и со всѣми трудностями переходовъ черезъ болотныя топи. У него и земляка его пробѣгалъ трепетъ по всѣму тѣлу при одной мысли объ уральскихъ комарахъ.

Проводникъ ихъ, осмотрѣвъ внимательно горизонтъ во время заката солнца, объявилъ имъ, что на слѣдующіе дни предстоитъ ожидать дурную погоду, а потому общество рѣшило на другой день выступить въ обратный путь. Второй ночлегъ представлялъ такъ же мало удобства и пріятностей, какъ и первый, а на слѣдующее утро поднялась буря, съ проливнымъ дождемъ, громомъ и молніей.

Страшно измученные и промокшіе до костей, возвратились наши путешественники уже поздно вечеромъ на Нижнетуринскій заводъ.

Изъ жизни сибирскихъ бѣглыхъ.

(Изъ очер. Мамина-Сибиряка).

На Татарскомъ островѣ *летные**) прятались уже четвертый день. Весеннія ночи были свѣтлыя, теплыя; гдѣ-то въ кустахъ черемухи заливался соловей; рѣчная струя тихо-тихо сосала берегъ и ласково шепталась съ высокой зеленой осокой. По ночамъ, въ глубокой ямкѣ, выкопанной летными въ срединѣ острова, обложенной изъ предосторожности со всѣхъ сторонъ большими камнями и свѣжимъ дерномъ, курился огонекъ; самый огонь съ берега нельзя было замѣтить, а виднѣлся только слабый дымокъ, который тянулся внизъ синеватой пленкой и мѣшался съ бѣлымъ ночнымъ туманомъ.

Конечно, летные, изъ страха выдать себя, не разложили бы огня, но ихъ заставила неволя: одинъ изъ троихъ товарищей былъ боленъ и все время лежалъ около огонька, напрасно стараясь согрѣться. Въ партіи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Несчастной-Жизни, какъ онъ называлъ себя на допросахъ у становыхъ и слѣдователей. Теперь онъ лежалъ у огонька, завернувшись въ рваную сермяжку, изъ-подъ которой глядѣло черными округлившимися глазами желтое, больное лицо. Изношенная баранья шапка закрывала лобъ до самыхъ бровей. Широкія губы запеклись, носъ обострился, глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ. Иванъ сильно перемогался и отлеживался въ ямкѣ около огонька, какъ отлеживается отъ лихихъ болѣзней по ямамъ, логовамъ и „язвинамъ“ разное лѣсное звѣрье. Онъ не жаловался, не стоналъ, а только иногда сильно бредилъ, по ночамъ кричалъ, раз-

---

*) Летными на Уралѣ называютъ бродягъ.

махивалъ руками и все старался куда-нибудь спрятаться. Въ больномъ мозгу несчастнаго бродяги безъ конца шевелилась мысль о преслѣдованіи.

— Опомнись, зелена муха, Христосъ съ тобой!—уговаривалъ Ивана товарищъ, длинный и костлявый „Іосифъ-Прекрасный“.—Нечесь въ воду было совсѣмъ бросился, ежели бы я тебя за ногу не сохваталъ... Какъ начнетъ блазнить, ты сейчасъ молитву и сотвори. Я такъ-ту въ тайгѣ безъ малаго недѣли съ три вылежалъ и все молитвой больше.

Иванъ приходилъ въ себя, трясся всѣмъ тѣломъ и какъ-то разомъ весь опускался — это были послѣднія вспышки сохранившейся въ больномъ тѣлѣ силы, выкупаемыя тяжелымъ разслабленіемъ.

Хохолъ Переметъ не принималъ никакого участія въ этомъ переговорѣ, потому что вообще былъ человѣкъ крайне сдержанный и не любилъ болтать понапрасну. Въ партіи онъ былъ всѣхъ старше, и въ свои пятьдесятъ лѣтъ сохранилъ завидное здоровье. Переметъ больше всего любилъ лежать на солнышкѣ, на самомъ припекѣ, закинувъ свою хохлацкую голову и зажмуривъ свои карія казацкія очи. Въ усахъ и въ давно небритой бородѣ у него уже серебрилась сѣдина.

Въ трудныхъ случаяхъ своей жизни Переметъ говорилъ только одно слово: „нэхай!“ и тяжело принимался насасывать свою трубочку-носогрѣйку. Рядомъ съ нимъ Іосифъ-Прекрасный казался какимъ-то вихлястымъ и совсѣмъ несуразнымъ мужикомъ. Его рябое худощавое лицо, съ бѣлобрысыми подслѣповатыми глазками, отличалось необыкновенной подвижностью, точно Іосифъ-Прекрасный вѣчно къ чему-нибудь прислушивался, какъ заяцъ на угонкахъ. Въ немъ именно было что-то заячье.

Сошлись они всѣ трое случайно, въ сибирской тайгѣ, и хотя общая бродяжническая жизнь, переполненная общими приключеніями и опасностями, сильно сближаетъ людей, но они все-таки мало знали другъ друга, потому что, по какой-то особенной бродяжнической деликатности, избѣгали откровенныхъ разговоровъ о томъ прошломъ,

которое всѣхъ ихъ загнало въ далекую и холодную Сибирь. Это послѣднее происходило отчасти потому, что бродяги рѣдко говорятъ правду о себѣ даже другъ другу, тѣмъ болѣе, что и сходятся они въ маленькія артельки только на пути черезъ Сибирь, а тамъ, какъ перевалятъ благополучно черезъ Уралъ, всякому приходится итти уже въ одиночку.

— Братцы, или бы вы впередъ... своей дорогой...—нѣсколько разъ говорилъ слабымъ голосомъ Иванъ. — Я, можетъ, долго залежусь.

— Лежи, знай, зелена муха, а мы отдохнемъ малость,— отвѣчалъ Іосифъ-Прекрасный за всѣхъ.—Слышь, по дорогамъ летныхъ не пропущаютъ... на трахту недавно человѣкъ двадцать пымали. Обождемъ, до осени далеко.

Разговоръ обыкновенно на этомъ обрывался, и летные молча раздумывали, каждый про себя, свою думу.

Весеннія ночи были коротки, но для больного Ивана казались безконечными. Стоило закрыть глаза, и начинались самыя мучительныя грезы: представлялся опасный побѣгъ съ каторги, лица гнавшихся по пятамъ конвойныхъ солдатиковъ, догнанный солдатской пулей товарищъ по побѣгу, а тамъ дальше слѣдовало страшное блужданіе по тайгѣ, гдѣ приходилось дней по пяти сидѣть безъ куска хлѣба. Страшные таежные овода заѣдаютъ человѣка на смерть, какъ это и случается съ заблудившимися въ тайгѣ бѣглыми,—рветъ его таежный звѣрь, а всѣхъ ихъ хуже таежный дикій человѣкъ, который охотится за „горбачомъ“, какъ называютъ тамъ бѣглыхъ, съ винтовкой въ рукахъ... Все это представлялось больному бродягѣ съ мучительной ясностью, и онъ въ сотый разъ переживалъ всѣ муки и опасенія, перенесенныя имъ въ бѣгахъ: душилъ его прямо за горло таежный медвѣдь, выслѣживалъ бурятъ, верхомъ на лошади, нацѣлившись винтовкой... Видѣлъ онъ квадратное желтое лицо съ косыми глазами, и кровь стыла въ жилахъ; потомъ видѣлъ громадную сибирскую рѣку, потонувшую въ плоскихъ мертвыхъ берегахъ; видѣлъ, какъ горами шелъ по ней весенній ледъ, а онъ

самъ, съ шестикомъ въ рукахъ, прыгалъ съ одной льдины на другую, перебираясь на другой берегъ. Это была Обь... Иванъ Несчастной-Жизни навѣки было скрылся подъ раступившейся обской льдиной, но близко былъ берегъ, и бродяга выплылъ. Пришлось итти въ мокрыхъ оледенѣвшихъ лохмотьяхъ: въ холодной Оби и зачерпнулъ Иванъ свою болѣзнь, которую несъ до самаго Зауралья, куда и рвалась его душа. Еще въ тюремномъ казематѣ видѣлъ онъ вотъ этотъ самый Татарскій островъ и наконецъ, добрался до него; но здѣсь послѣднія силы оставили Ивана, и онъ даже не могъ подняться на ноги, чтобы посмотрѣть на знакомый берегъ родной рѣки.

Такъ прошло цѣлыхъ три дня. Запасы кое-какіе были, погода стояла отличная, и летные пока ничего не предпринимали, наслаждаясь благословеннымъ покоемъ. Да и пора было отдохнуть, потому что всѣ они бродяжничали уже „близко полгода“, — даже у здоровеннаго Филиппа Перемета, и у того по временамъ ныла каждая косточка.

На четвертую ночь Ивану пришлось особенно тяжело, и онъ лежалъ около огня въ тяжеломъ полузабытьи. Ночь вышла ясная, немножко холодная, съ сильной росой; надъ островомъ и надъ рѣкой стояла какая-то молочная мгла, чутко вздрагивавшая отъ малѣйшаго звука. Кусты тальника, смородины и вербы, которыми поросъ весь островъ, казались гораздо выше, чѣмъ днемъ, и сливались въ большія темныя массы. Гдѣ-то далеко, на берегу Исети, заливались два соловья. Иногда у самаго острова глухо всплескивала вода,—это металась въ заводи крупная рыба; гдѣ-то далеко-далеко, точно подъ землей, глухо лаяла собака. Иванъ иногда глядѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, и ему оно казалось громадной синей трубой, опрокинувшейся широкимъ концомъ какъ разъ надъ самымъ Татарскимъ островомъ. Отяжелѣвшіе глаза слипались сами собой, но ухо чутко сторожило малѣйшій шорохъ заставляя бродягу вздрагивать. То казалось ему, что къ острову осторожно подплываетъ лодка, то въ кустахъ слышались крадущіеся шаги и подозрительный трескъ. Больному

„блазнило“ вдвойнѣ, и онъ смѣшивалъ галлюцинаціи*) съ дѣйствительностью.

Передъ самымъ утромъ, когда небо начало заволакиваться туманомъ, больной началъ совсѣмъ засыпать, но надъ самой его головой жалобно пискнула маленькая птичка, выпугнутая изъ гнѣзда сонною. Это былъ скверный знакъ, и Иванъ только-что хотѣлъ разбудить спавшихъ товарищей, какъ на его плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Не трожь...—прошепталъ чей-то голосъ, и изъ темноты надъ Иваномъ наклонилась сгорбленная широкая фигура. — Я съ хорошимъ словомъ къ вамъ пришелъ: миръ на стану!

— Садись, такъ гость будешь.

— Я и то въ гости пришелъ...—засмѣялся „горбачъ“ и усѣлся къ огню на корточки, по-татарски.—Сколько тутъ васъ: трое? Такъ и есть. Эхъ вы, бродяжить-то не умѣете: развѣ бродяги по ночамъ огни раскладываютъ? А? Наши парнишки всю деревню переполошили. Въ ночномъ лошадей стерегли, а на острову дымокъ; ну, сейчасъ въ деревню: летные на Татарскомъ острову...

— Да вотъ неможется что-то,—около огонька все какъ будто способнѣе...

— Ну, это статья другая!—согласился горбачъ и, не торопясь, принялся раскуривать свою трубку-носогрѣйку.

Спавшіе бродяги проснулись, но продолжали лежать съ закрытыми глазами, наблюдая ночного гостя съ волчьей осторожностью.

— Ишь, дьявола, хотятъ дядю Листара омануть!—весело проговорилъ горбачъ и опять засмѣялся. — У меня такой пѣтушокъ былъ: засунетъ голову въ полѣнницу и думаетъ, что его не видно... Занимательный былъ пѣтушокъ! А вы, братцы, не сумлѣвайтесь: дядя Листаръ самъ въ летныхъ-то колотился годовъ съ пять и всю эту музыку произошелъ, какъ же!..

---

*) *Галлюцинація*—обманъ чувствъ, когда больные видятъ и слышатъ то, чего въ дѣйствительности нѣтъ.

— Ты изъ Тебеньковой будешь?—спросилъ Иванъ.

— Тебеньковскій. Міръ меня, значитъ, послалъ испытать васъ: съ добромъ или съ худомъ вы пришли. Время лѣтнее, въ деревнѣ только старые да малые,—ну, чтобы баловства какого не вышло. А я такъ про себя-то мекаю: чистые дураки эти наши мірскіе мужики...

Дядя Листаръ однимъ движеніемъ головы молодцовато передвинулъ свою шляпенку съ уха на ухо и опять засмѣялся хриплымъ смѣшкомъ, прищуривая свой единственный глазъ. Лицо у него было сильно изрыто оспой, одинъ глазъ вытекъ и былъ закрытъ ввалившимся вѣкомъ; жиденькая желтая бороденка глядѣла старой мочалкой. Одѣтъ онъ былъ въ изгребную синюю рубаху домашняго дѣланія и такіе же порты. Широкая сгорбленная спина и длинныя руки выдавали деревенскаго силача, видавшаго виды, о чемъ свидѣтельствовалъ единственный глазъ дяди Листара, который смотрѣлъ какъ-то особенно воровато.

Іосифъ-Прекрасный и Переметъ поднялись со своихъ мѣстъ и подсѣли къ огоньку, разглядывая дядю Листара исподлобья.

— Издалече будете?—спрашивалъ старикъ тономъ своего человѣка.

— Ничего таки... здорово отмахнули,—хвастливо отвѣтилъ Іосифъ-Прекрасный, грѣя свои длинныя руки надъ огнемъ. — Изъ-подъ Иркутскова буравимъ, третью тыщу доколачиваемъ.

— Такъ... Мѣсто знакомое: самъ изъ-подъ Иркутскова уходилъ.

— Нно-о?

— Вѣрно... Я тутъ конокрадствомъ займовался, ну, одного человѣка и порѣшили грѣшнымъ дѣломъ. По этому самому случаю меня и засудили, старые индо тогда суды были. Было-таки всячины... Охъ-хо-хо!

— А глазъ куда дѣвалъ?—спросилъ Іосифъ-Прекрасный.

— Это, милый другъ, одинъ кыргызь мнѣ замѣтку оставилъ... Ха-ха!.. Въ ордѣ мы коней воровали у нихъ, ну и тово, прямо копьемъ да въ глазъ кыргызь проклятущій

и угадалъ. Такъ вотъ, други мои, пришелъ я къ вамъ отъ своихъ: міръ послалъ... опасался насчетъ баловства. Обыкновенно дураки,—я про мужиковъ-то летніе, какъ зайди, чего ихъ бояться... всякому до себя.

— Вѣрное твое слово... Намъ бы только до своихъ мѣстовъ пройти, а не до баловства. Да вотъ Иванъ что-то больно разнемогся дорогой, да и на тракту, сказываютъ, тово...

— Насчетъ тракту не сумлѣвайтесь: пустое...—успокоилъ дядя Листаръ.— Конечно, не прежняя пора, ну, все-таки, ежели съ умомъ, такъ хошь на тройкѣ поѣзжай.

— А какъ въ Шадриномъ нонѣ?—полюбопытствовалъ Переметъ.

— Въ шадринскомъ острогѣ? Дрянь дѣло: изгадили мѣсто совсѣмъ... Прежде шадринскій-то острогъ всѣ летніе даже весьма уважали: не острогъ былъ, а угодникъ. Первое—насчетъ харчу не стѣсняли, а второе — майданъ...

— Слыхивали и мы, какъ же!

— Какъ не слыхать: первое мѣсто было для летныхъ... Сами бродяжки туда шли по осени, чтобы перезимовать. Шестьсотъ-семьсотъ душъ набиралось... А нынче шабашъ, строгости вездѣ пошли и начальство тоже новое...

Летніе разговорились съ дядей Листаромъ какъ со своимъ братомъ и разсказали, кто и куда пробирается: Іосифъ-Прекрасный шелъ на Волгу, въ свою Новгородскую губернію, хохолъ Переметъ куда-то въ Черниговскую, Иванъ Несчастной-Жизни за Уралъ въ Чердынскій уѣздъ. Собственно, говорилъ одинъ Іосифъ-Прекрасный, вообще большой краснобай по природѣ.

— Такъ, говоришь, ваши тебеньковскіе сильно испужались насъ? А?—спрашивалъ онъ дядю Листара въ третій разъ.—А ты имъ скажи, своимъ-то мірскимъ, что наше дѣло смирёное: передохнемъ малость и опять къ своимъ мѣстамъ поволокемся.

— Скажу, скажу... Дурачье эти наши мужики самые, правду надо говорить, — философски разсуждалъ дядя Листаръ, разставляя руки.—А того не сообразятъ, что

всѣ подъ Богомъ ходимъ: сегодня я справный, самый естевой мужикъ, а завтра заминка вышла, и я самъ въ летные попалъ... Это какъ... Понимать все это надо, а не то, чтобы бояться. У насъ въ Тебеньковой экъ-ту одинъ брательникъ другого топоромъ зарубилъ, и большая неустойка вышла,—засудили сердягу; теперь тоже, поди, въ летныхъ гдѣ-нибудь по Сибири мается.

— А много летныхъ черезъ ваши мѣста проходятъ?

— Страсть сколько: день и ночь идутъ... по одному, по два, по три. У насъ насчетъ этого даже очень способно—никто пальцемъ не пошевелитъ бродяжку настоящаго, а еще кусочекъ хлѣба подастъ. Не какъ въ этой проклятущей Сибири — тамъ, братъ, травятъ горбачей какъ зайцевъ. Эти желторотые сибиряки—сущіе псы... А у насъ у каждой избы такая полочка къ окну пришита, чтобы на ночь бродяжкамъ хлѣбъ выставлять. Бабы у насъ жалливыя насчетъ бродяжекъ... Вотъ разбойникамъ да конокрадамъ спуску не дадимъ, это ужъ точно!

Въ этой мирной бесѣдѣ не принималъ участія только одинъ больной Иванъ: онъ лежалъ съ закрытыми глазами и молча слушалъ болтовню летныхъ съ дядей Листаромъ.

— Вы бы, черти, хоть землянку сдѣлали, что ли,—говорилъ дядя Листаръ, собравшись уходить.—Мало ли какая причина: дождичкомъ прихватитъ, росой тоже... не въ примѣръ способнѣе землянка-то, а то попросту балаганъ оборудуйте. У насъ жить можно: народъ естевой, не чета сибирскимъ-то челдонамъ. Худого слова не услышите, ежели себя будете соблюдать... Только вотъ съ писаремъ надо будетъ маленько сладиться, и чтобы прижимки какой не вышло. Наши шадринскіе писаря какъ помѣщики: приступу къ нимъ нѣтъ.

— Ужъ какъ-нибудь сладимся, зелена муха...

Татарскій островъ издали походилъ на громадную зеленую шапку. Рѣка Исеть плыла здѣсь широкимъ плесомъ точно въ зеленой бархатной рамѣ изъ вербы, ольхи, смородины и хмеля. Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, разстилалась безъ конца краю панорама полей, сливавшихся на горизонтѣ съ благодатной ишимской степью; два-три

кургана едва напоминали о близкомъ Уралѣ, откуда выбѣгала красивая Исеть, вся усаженная богатыми селами, деревнями и деревушками, точно гигантская нитка бусъ. Мѣсто было широкое и привольное, какія встрѣчаются только въ благословенномъ Зауральѣ, гдѣ весело сбѣгаютъ въ Исеть рѣки: Теча, Синара и Міясъ, эти настоящія земледѣльческія артеріи.

Теперь уральская весна была въ полномъ разгарѣ, и все кругомъ жило какою-то напряженною жизнью. Наперекоръ предсказаніямъ Іосифа-Прекраснаго, Ивану Несчастной-Жизни вдругъ полегчало—это было чудо животворящей весны... Больной могъ сидѣть, ѣлъ и, вообще, превращался въ здороваго человѣка. Онъ каждый день по нѣскольку разъ обходилъ Татарскій островъ, смотрѣлъ сквозь кусты на знакомый берегъ Исети, на разстилавшіяся родныя поля, на тебеньковскую колокольню, и чувствовалъ, какъ по его желтому лицу катились счастливыя слезы безыменнаго бродяги, который имѣлъ такое же значеніе въ общемъ строѣ жизни, какъ фальшивый двугривенный или письмо, отправленное по почтѣ безъ адреса. Но вѣдь и онъ, Иванъ Несчастной-Жизни, могъ, сколько душѣ угодно, слушать, какъ по ночамъ жалобно курлыкаютъ журавли, бродившіе по тебеньковскимъ пашнямъ, какъ на зарѣ кричали на Исети своимъ дикимъ крикомъ лебеди, какъ куковала гдѣ-то далеко-далеко сирота-кукушка; могъ смотрѣть, какъ надъ деревней, надъ полями, надъ рѣкой широкимъ винтомъ поднимались злые коршуны, зорко выглядывавшіе свою добычу. На Татарскомъ островѣ тоже день-деньской копошилась разная птичья мелюзга, заливаясь своими пѣснями; ласточки, синички, малиновки, черемушники гнѣздились въ кустахъ; по песчаной отмели проворно бѣгали черныши—бекасы и сѣрыя зуйки, граціозно покачиваясь на своихъ тонкихъ, какъ проволока, ножкахъ; въ прибрежномъ коряжникѣ было два утиныхъ гнѣзда, въ осокѣ по ночамъ долго скрипѣлъ коростель. У Іосифа-Прекраснаго была вся птица на счету, какъ у хорошаго хозяина; летные не трогали птицъ.

— Это господамъ забава—беззащитную тварь бить,—лю-

билъ разсуждать Іосифъ-Прекрасный, сидя у огонька.— Птица-то проснется и сейчасъ Бога славитъ — вотъ ты на нее и гляди, что она названіемъ-то птица. Звѣрь— тотъ не умѣетъ угодить Богу, потому, какая у него пѣсня: либо завоетъ, либо залаетъ, либо захрюкаетъ, а птица на всѣ голоса выводитъ. Птица, братъ, вольная тварь—первая родня нашему брату, летному... Ее Господь умудряетъ за ея простоту, потому она и мѣсто свое знаетъ лучше другого человѣка—самая махонькая птичка, и та вó какъ знаетъ. Нѣтъ, ее, братъ, не обманешь. Кому, значитъ, что дано: одному такая часть, другому другая; а мѣсто у каждаго свое должно быть; ну, его къ этому самому мѣсту и волокетъ, потому, какъ божеское произволенье...

Дѣйствительно, между перелетной птицей и летнымъ существуетъ роковое сходство: та же стихійная тяга къ своему мѣсту, тѣ же станицы, высыпки, кормежки, съ тою разницей, что для каждаго летнаго опасность этого рокового пути удесятиряется тысячью препятствій спеціально человѣческаго существованія. Самая хитрая и вороватая птица, по сравненію съ самымъ простымъ и глупымъ человѣкомъ, является полнѣйшимъ ничтожествомъ и выкупаетъ свое глупое птичье существованіе только огромнѣйшей плодливостью; одинаково съ этимъ и опасности птичьяго перелета въ милліонъ кратъ меньше того, что выносятъ летные. Мы приведемъ только страшную цыфру ежегодно ссылаемыхъ въ Сибирь въ каторгу и на поселеніе, именно 15,000 человѣкъ, и такъ идетъ изъ года въ годъ; а между тѣмъ, изъ всѣхъ ссыльныхъ, по вычисленіямъ сибирской статистики, въ Сибири остается всего 5%... Куда же дѣваются остальные 95%? Мы можемъ сказать утвердительно, что большинство бѣжитъ... И такъ каждый годъ, точно льется рѣка широкая... Представьте же себѣ ту страшную массу нечеловѣческихъ страданій и опасностей, какую выноситъ на своихъ плечахъ этотъ отверженный, поставленный внѣ закона людъ!.. Сначала нужно устроить побѣгъ изъ каторжной тюрьмы или съ дороги на каторгу, что устраивается очень не легко и часто

покупается цѣною жизни — летный падаетъ отъ пули тюремнаго часового или конвойнаго солдатика, прежде чѣмъ успѣетъ дохнуть вольнымъ, не острожнымъ воздухомъ. Затѣмъ начинается неимовѣрное странствованіе по сибирской тайгѣ, болотамъ и степямъ, гдѣ летные безвѣстно гибнутъ отъ холода и жажды, въ когтяхъ дикаго звѣря, отъ мѣткой пули бурятъ и сибирскаго „челдона“, или просто заѣдается таежнымъ оводомъ.

Въ общемъ, летные бродяги — самый жалкій и забитый народъ, такъ что въ деревняхъ ихъ не боится никто. Встрѣчаясь на дорогѣ съ проѣзжающими, бродяги еще издали снимаютъ шапки, кланяются и самое большее — попросятъ хлѣба. Среди сельскаго населенія у бродягъ создалась извѣстная репутація, которою всѣ они сильно дорожатъ. Мы отмѣтимъ здѣсь тотъ знаменательный фактъ, что едва ли гдѣ-нибудь такъ хорошо относятся къ бродягамъ, какъ въ богатомъ Зауральѣ. Въ коренной Сибири бродягъ не долюбливаютъ, называютъ обиднымъ именемъ „варнаковъ“ и всякими способами извлекаютъ изъ нихъ выгоду; въ свою очередь, бродяги ненавидятъ желторотыхъ сибиряковъ и называютъ ихъ „челдонами“. Зато въ Зауральѣ имъ настоящій отдыхъ; а рѣка Исеть представляетъ изъ себя настоящій бродяжническій трактъ. Бѣглыхъ вы здѣсь встрѣтите на каждомъ шагу, и это самый безвредный народъ, несмотря на тѣ страшныя преступленія, за которыя большинство изъ нихъ попало въ Сибирь. Здѣсь самъ собой выступаетъ вопросъ о преступленіи и наказаніи, и важно то, какъ онъ разрѣшается людьми образованными и народомъ. Не безнадежная испорченность или неисправимо-злая воля толкаетъ большинство преступниковъ на путь преступленія, а сцѣпленіе роковыхъ случайностей, которыми такъ богата на каждомъ шагу наша русская жизнь...

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Валдайская возвышенность. *Серпѣева.*	3
Начало Волги. *Ранзина.*	5
Приволжская кустарная промышленность. *Мунтъ*	14
Старицкія каменоломни. *Ранзина.*	16
Берега Оки. *Григоровича.*	19
По Волгѣ. *Вас. Ив. Немировича-Данченко*	22
Верховое Заволжье. *Печерскаго.*	25
По заволжскимъ лѣсамъ. *Печерскаго*	27
Лѣто въ лѣсахъ за Волгой. *Печерскаго.*	32
Зима въ лѣсахъ за Волгой. *Печерскаго.*	35
Лѣсопромышленники. *По Потпхину.*	38
Промышленность села Павлова. *По Мельникову.*	44
Нижегородская ярмарка. *Сидорова.*	48
Казанскіе татары. *Лядова.*	51
Вотяки. *Добротворскаго.*	5
Представленіе о загробной жизни вотяковъ. *Богаевскаго.*	61
Черемисы. *Изъ путевыхъ замѣтокъ этнографа.*	63
Весенній черемисскій праздникъ. *Смирнова.*	67
Самарскія степи. *Ранзина.*	68
Сарепта. *Сидорова.*	72
Волга. *Изъ журнала „Дѣтское чтеніе“.*	74
На ватагѣ. *Изъ журнала „Дѣтское чтеніе“.*	77
Волжская дельта. *Сидорова.*	81
Отъ Царицына къ Оренбургу. *Изъ книги Водовозова.*	84
Оренбургская степь. *Аксакова.*	87
Пожаръ въ Оренбургской степи весной. *Аксакова.*	88
Буранъ въ Оренбургскихъ степяхъ. *Аксакова.*	91
Илецкая защита. *Бабета.*	95
Въ Башкиріи. *Петра*	99
Горные башкиры-китайцы. *Берлхольца*	108
Въ Уральскихъ горахъ. *Бѣлова*	114
Поѣздка на Кашканаръ. *Изъ кн. Этцеля и Вагнера*	119
Изъ жизни сибирскихъ бѣглыхъ. *Мамина-Сибиряка*	124

Stanford University Libraries
3 6105 009 622 742